

Дарья Донцова

Блог проказника Домового

Агентство сыска **Иван Подушкин**

Annotation

Этот день был богат на сюрпризы: маменька Николетта велела Ивану Подушкину немедленно приобрести вещи по присланному списку, в котором значилось: хрустальный шар, клетка с совой, карты Таро, магические камни, перья лысого ежа, черный кот... Иван уже перестал удивляться причудам маменьки – его мысли были заняты новым расследованием. За помощью к нему обратилась Эмма Шмидт: ее мужа Роберта обвиняют в похищении драгоценностей из депозитария банка, где он работал клерком, и организации взрыва ячеек. Все рассказанное Эммой звучало как абсолютно фантастическая история... Вот тут-то Ивана ждал третий сюрприз: ему позвонил олигарх Максим Загорский и предложил взять свою дочь стажером в детективное агентство. Зарплату ей будет платить папенька. Если бы Подушкин знал, во что ввязался!..

- [Дарья Донцова](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

Дарья Донцова

Блог проказника домового

© Донцова Д. А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Глава 1

Если малолитражка с буквой «У» на заднем стекле включила правый поворотник, значит, она сейчас поедет налево.

Ярко-красная «букашка» метнулась в сторону моего седана, очутилась прямо перед капотом и тут же, резко притормозив, поползла вперед с черепашьей скоростью. Я перестроился в левый ряд, обогнал автомобиль, который только что сделал все возможное для того, чтобы я смял его багажник в гармошку, и увидел открытое окно водительской двери. За рулем сидела симпатичная молодая особа. В одной руке она держала телефон, второй нажимала на кнопки. Я опустил стекло и крикнул:

– Девушка!

Блондинка отвлеклась от отправления эсэмэс и взглянула в мою сторону. Я улыбнулся:

– Разрешите представиться: Иван Павлович Подушкин. То, что вы, предупредив о повороте направо, резко ушли налево, меня не удивило, я заранее приготовился к такой ситуации. Но разрешите дать вам совет. Если вы обогнали кого-то, не тормозите резко, наоборот, нажмите на газ, иначе...

– Да пошел ты! – ангельским голосом перебила меня девица-красавица. – Я не знакомлюсь на дороге с ...!

Я вздохнул, проехал вперед, свернул на парковку и через пару минут вошел в магазин.

Вчера собака Демьянка утащила из гардеробной мой кашемировый пуловер, отнесла его в гостиную на диван, свила из него гнездо и задала в нем храпака. К сожалению, мой помощник во всех делах Борис не заметил, сколь уютно устроилась псинка. И когда он вечером решил вывести собаку на прогулку, тонкая шерсть свитера оказалась порвана, потому что Демьянка взбивала ее лапами, а когти у нее кошачьи, они не убираются. На дворе январь, холодно, желание надеть нечто теплое, мягкое, уютное свойственно не только прекрасным дамам, но и суровым мужчинам. Вот почему я прикатил в магазин «Луиза и Луи». Да, цены в нем отнюдь не демократичные, но настоящий кашемир дешево не купишь.

Я начал бродить по залам, отобрал несколько вещей, поискал глазами продавца и заметил Семена, владельца лавки. Он быстро приблизился ко мне:

– Всегда рад вас видеть, Иван Павлович.

– Господин Занавесин, вы сегодня сами обслуживаете покупателей? –

удивился я. – Не царское это дело.

– Грипп служащих подкосил, – пожаловался Семен. – Вчера резко похолодало, народ полетел за свитерами.

– Во всем плохом есть изрядная доля хорошего, – оптимистично заметил я, – много хлопот, но и прибыль растет.

– Ваши слова да богу в уши, – улыбнулся хозяин магазина. – Иван Павлович, обратите внимание на канареечный пуловер.

– Не мой цвет, лучше терракотовый, – возразил я и чихнул от того, что нос уловил запах тяжелых духов.

– «Ночь восточной луны», – сказал Семен, – самый модный аромат сезона. У меня от него голова вмиг болеть начинает.

– Понимаю вас, – кивнул я, – удушающий парфюм.

– Иван Павлович, – продолжил Семен, – вы гениальный частный детектив. Надо помочь одной женщине, Эмме Шмидт. Я оплачу все расходы.

Я опять чихнул.

– Лучше поговорить в тихом месте. От кого так сильно пахнет? Вроде мы с вами здесь одни.

– Возможно, распространитель газового оружия находится за стойкой с товаром, мы даму не видим, – понизил голос Семен. – Вы правы, лучше нам уединиться. Заодно покажу вам новые поступления, мы еще не успели выложить их в зал. Вас не затруднит зайти в подсобное помещение? Вход в него в противоположном конце зала.

– Там, где расположена одинокая, стоящая отдельно от всех кабинка? – уточнил я. – Давно хотел спросить, почему все примерочные в зале слева, а эта справа? Она предназначена для особых клиентов?

– Нет, – засмеялся Семен, – когда мы открылись, то не рассчитывали стать двухэтажным бутиком, который будет головным в сети «Луиза и Луи». Я сделал одну примерочную, вначале ее хватало, но потом расширился, а свою первую кабинку оставил как память о начале бизнеса.

Семен подвел меня к двери с табличкой «Только для персонала» и вдруг пробормотал:

– Ага...

Я обернулся:

– Что-то не так?

Хозяин быстро открыл дверь:

– Заходите. Кажется, я заметил магазинную воровку.

– Да? – удивился я. – Как вы поняли, что посетительница не чиста на руку?

Семен открыл глазок в двери.

– Полюбуйтесь. Что вы думаете? Ваше мнение по поводу сей красавицы?

Я прильнул к отверстию.

– О! Я видел недавно эту девушку, она чуть не устроила аварию на дороге. У нее одна из самых дорогих «женских» иномарок, модные одежда, сумка, обувь. В руках она держит гору кашемира. Скорей всего блондинка или удачно вышла замуж, или у нее богатые щедрые родители. Понимаю, дама с липкими лапками, которая промышляет в бутиках, должна достойно выглядеть, иначе ее просто не пустят внутрь. Но эта покупательница не похожа на воровку, она явно из нуворишей. Зачем разбойничать, если кошелек полон?

Семен усмехнулся:

– Иван Павлович, среди тех, кто уносит товар, «забыв» заплатить, много женщин с золотыми кредитками в кошельках. Почему они крадут, если легко могут расплатиться? Одних жестко контролируют мужчины, выдают на личные расходы строго фиксированную сумму. Другим нужен драйв, им скучно жить, стянут платье и хвастаются перед подружками: «Вот что унесла и ни копейки не заплатила».

– Но эта девушка выглядит мило, у нее почти детское лицо, – возразил я. – Правда, она не стесняется произносить площадную брань. Но употребление мата и воровство не всегда идут рука об руку.

В моем кармане звякнул мобильный, прилетело эсэмэс, текст которого меня озадачил: «Как какает павлин?» Я перечитал послание несколько раз и призадумался. Телефона отправителя в моих контактах нет. Увы, встречаются люди, которые от скуки шлют глупости на номер, который они набрали методом «тыка». Нажали пальцем куда ни попадя, и... получил Иван Павлович вопрос: «Как какает павлин?» Сейчас заблокирую на всякий случай сей номер...

Но сделать задуманное мне не удалось, потому что Семен посмотрел в глазок и шепнул:

– Иван Павлович, предлагаю пари. Если покупательница срежет защиту, вы поможете Эмме Шмидт, о которой я вам только что говорил, у нее мужа посадили. Коли девица просто померяет свитера, я подарю вам любой мужской пуловер на выбор.

– Кто же откажется получить зимой прекрасную теплую вещь? – улыбнулся я. – Приезжаю к вам третий раз за последние две недели, все ждал новых поступлений. Наконец-то они появились. И я могу даром получить свитер? По рукам.

Семен открыл дверь:

– Пойдемте к охране.

Через пять секунд мы очутились в небольшом помещении, где в окружении телевизоров сидел парень.

– Вова, включи нам первую кабинку, – попросил хозяин.

– За тем, как покупатели переодеваются, ведется наблюдение? – удивился я. – Разве это позволительно?

Семен сложил руки на груди.

– За раздевалками в центре зала мы не следим, потому что около них всегда присутствуют два сотрудника. Один проверяет количество вещей, отобранных для примерки, если их больше трех, он просит оставить остальные на стойке, потом сам забирает то, что не подошло, и подает еще не примеренное. Второй продавец постоянно ходит между примерочными, которые закрыты занавесками, а не дверями. Если вдруг откуда-то донесутся странные звуки, консультант подойдет и спросит: «Вам помочь?» Он пресекает не только воровство, некоторые посетители использует раздевалку не по назначению.

– Сексом там занимаются, – уточнил охранник. – Вот придурки!

– А около первой примерочной никого нет, – продолжил Семен, – и она с дверью. На первый взгляд идеальное место для вора. Но нечистый на руку человек понятия не имеет о камере. Согласен, подсматривать за тем, кто меряет одежду, некрасиво. Однако не хочется терять дорогой товар. И почему мне лицо красотки знакомо?

– Она в зале несколько дней шныряла, – сказал секьюрити, – я заметил девчонку. Ходила, все рассматривала, с Нинкой болтала. Не нравится мне Нина, она хитрая, жадная, противная. Такая легко с ворами скорешится, помогать им станет. Во наглая! Гляньте! Ваще стыд потеряла!

Я посмотрел на экран и не поверил своим глазам! Блондинка вынула из сумки небольшой приборчик, поднесла его к пластмассовому кружку, который висел на пуловере... Раз! «Защита» отвалилась. Девушка проделала операцию трижды, потом сняла свою бесформенную кофту, надела одну за другой все дорогие вещи, сверху опять нацепила балахоноподобный наряд, одернула его, повертелась у зеркала, улыбнулась, скорчила гримасу...

– Нахалка чумовая! – возмутился Владимир. – Как правило, воры подозревают, что наблюдение есть. Так что они делают? Возьмут вещи, в придачу к ним пару больших шалей. Наденут свитер, сверху шали набросят, вроде их меряют, а сами незаметно защиту скovyрнут. И так несколько раз. Потом с одной шмотки бипер снимут, в карман положат, пуловер натянут, на него свою куртку. А прикид, в котором пришла, оставят

на горе брошенных вещей в кабинке. Выйдет красотка в зал, бипер куда-нибудь сунет – и на улицу. Если ее остановят в дверях, она заморгает: «Ой! Простите! Замерялась совсем. Свою кофточку любимую в примерочной бросила, в вашей случайно ушла. А почему она не звенела?» И не придерешься к ней. Защиты на пуловере нет, в кабинке бипер не брошен, старое барахло покупательницы валяется на стуле, на остальном товаре «сторож» на месте. Ну, перепутала! Бывает. Полицию вызывать бессмысленно, все как случайность обставлено. А эта! Наглая морда! В открытую! Словно хочет, чтобы ее поймали! Беспредельщица!

– С ума сойти, – пробормотал я, – профессиональная воровка! Одета так, чтобы посторонние не заметили, что красавица «капуста», носит при себе инструменты. У девицы ангельский вид! Ну как же так?

– Ох, Иван Павлович, честное слово, завидую вам, – усмехнулся Занавесин. – С течением лет вы ухитрились не потерять наивности и веры в то, что все люди порядочные, а если они воруют, то делают это исключительно из необходимости купить голодным деткам хлеба. Пойдемте, поймаем тырщицу за руку.

Глава 2

– Чего надо? – возмутилась девица, когда Семен преградил ей путь.

Я чихнул. В воздухе снова повис аромат удушающего парфюма «Ночь восточной луны».

– Пожалуйста, расстегните куртку и поднимите свой пуловер, – попросил Семен.

– Не имеете права обыскивать покупателей, – отказалась блондинка. – Чтобы я хоть нитку здесь после вашего хамства купила! Да никогда! Вот, держите!

Девушка швырнула на пол кучу пуловеров, которые несла в руках. Семен быстро зашел в кабинку.

– Право, некрасиво бросать вещи, – сказал я, – и не к лицу юной прелестной особе вести себя подобным образом.

Блондинка прищурилась:

– Здравствуй, совесть мира! Отвянь. О! Я тебя узнала, на дороге ко мне клеился. Не вышло на шоссе, так решил в магазине продолжить? До свидос!

Семен вышел из примерочной:

– Не смею вас задерживать, сейчас провожу до кассы.

Я поразился до глубины души, но ничего не сказал. Наша маленькая компания достигла турникета, который покупатели должны миновать, чтобы оказаться на улице. Воровка спокойно двинулась вперед. Раздался противный звук.

– Простите, сделайте еще одну попытку, – сказал охранник.

– Из-за глюка аппаратуры я должна туда-сюда бегать? – зашумела блондинка.

– Пожалуйста, пройдите еще раз, – вежливо, но твердо попросил секьюрити.

Девица скривилась, но повторила попытку, и опять завыл зуммер. Семен развел руками:

– Мы не имеем права обыскивать покупателей. Но поскольку аппаратура бесперебойно реагирует на посетительницу, я вынужден отвести вас в служебное помещение и вызвать полицейских. Они с соблюдением буквы закона проведут личный досмотр.

Воровка хотела кинуться к выходу, но охранник схватил ее за руку. Вскоре мы сидели в кабинете Семена, он спокойно сказал девице:

– Полагаю, украденные вещи вы надели на себя, защиту срезали, но один бипер не заметили, или он случайно попал в вашу сумку. Поэтому прозвучал сигнал тревоги.

– Ха! Не врите! – заорала красавица. – Я очень аккуратно все ощупываю и...

Тут до нее дошло, что она на пике эмоций призналась в воровстве. Девушка закрыла рот, зато открыла сумку, вытряхнула содержимое на диван. На кожаную подушку вывалились: кошелек, права, пудреница, расческа, губная помада, горсть конфет, гора оберток от шоколадок, мобильный и... пластмассовая «кнопка», которая «стережет» непроданный товар.

– Во!.. – выпалила красавица. – Откуда защита взялась? Я же ее...

Очаровашка снова прикусила язык.

– ...срезала, – продолжил за нее Семен, – вы бросили биперы в кабине на пол, рядом, очевидно, стояла сумка, один случайно в нее и угодил. Бывает. Случается. Бог шельму метит. Ну, и как мы поступим?

Девушка вынула мобильный:

– Па! Это я! Па! Ну... мне деньги нужны... там нет... ой, па, стой.

В мою ладонь ткнулась трубка.

– Объясните папахену сами, – плаксиво протянула девушка, – плиз!

Вместо того чтобы ощутить неприязнь к наглой особе, я почему-то ее пожалел и приложил телефон к уху:

– Добрый день! Разрешите представиться, владелец частного детективного агентства Иван Павлович Подушкин.

– Во!.. – подпрыгнула блондинка. – Сыщик!

– С кем имею честь общаться? – спросил я.

– Максим Петрович Загорский, отец несчастья по имени Наталья! Что на сей раз? – произнес приятный баритон.

– К прискорбию, должен вам сообщить: ваша дочь пыталась вынести из магазина несколько дорогих кашемировых свитеров, – пояснил я. – Поверьте, у владельца бутика нет ни малейшего желания приглашать полицию. Он настроен решить вопрос миром.

– Как? – коротко спросили из трубки.

Я передал телефон Семену.

– Хозяин магазина на проводе, – представился Занавесин. – Оплатите товар в десятикратном размере. Обещайте никогда не переступать порога ни одного моего магазина, их в Москве пятнадцать. И забирайте свою дочь. О'кей. Ясно. Мы принимаем только рубли. Сейчас пришлю вам эсэмэской сумму. У вас времени до пяти вечера. Если деньги не придут, я вызову полицию, оформим протокол. Отлично. Я рад такому решению.

Семен положил трубку на стол и взял паспорт воровки.

– Наталья Максимовна...

– Владимировна, – с вызовом поправила воровка. – Я живу с отчимом. Моя фамилия Коркина. Да, в паспорте указана другая. Меня в раннем детстве удочерили! Не спросив моего желания!

В кабинет заглянул крепкий мужчина.

– Звали, Семен Михайлович?

– Да, Петя, – кивнул владелец лавки. – Усади Наталью Владимировну в вип-приемной на третьем этаже. Вели подать ей чай-кофе, составь девице компанию. Ни под каким предлогом не оставляй ее одну. Попросится в туалет, дежурь около унитаза. Пусть она снимет наш товар, пересчитай единицы. Вскоре приедет шофер ее отца, привезет деньги. За каждый ценник бери бабки в десятикратном размере. После оплаты упакуй приобретения, проводи госпожу Коркину на выход. Надеюсь, более мы с ней не встретимся.

– Наши желания совпадают! – гаркнула нахалка и удалилась.

Когда дверь за ней захлопнулась, Семен радостно констатировал:

– Ну, Иван Павлович, вы проиграли.

Я поднял руки:

– Признаю свое поражение.

– Поговорите с нашим главбухом? – попросил Занавесин. – Очень ваша помощь нужна. Сразу предупреждаю: Эмма имеет достойную зарплату, но в связи со всем этим кошмаром денег у нее нет. Я оплачу все расходы, не сомневайтесь.

Спустя минут пять дверь кабинета приоткрылась, появилась худенькая, почти прозрачная женщина.

– Можно?

– Входи, – кивнул Семен. – Знакомься. Это лучший детектив России Иван Павлович Подушкин. Он точно тебе поможет. Ну, я пошел в зал, а вы тут пошушукайтесь.

– Добрый день, – начала главбух, – меня зовут Эмма Фридриховна Шмидт, я родилась в семье этнических немцев. Дедушка был солдатом вермахта, его под Москвой взяли в плен, отправили сначала в лагерь, потом выяснили, что он преступлений не совершал, был простым рядовым, и отпустили его жить под надзором в городке Курлинск. До призыва в армию Франц Шмидт работал учителем в гимназии. Когда в Москве в пятидесятых годах решили открыть школу, где преподавание велось исключительно на немецком, из разных мест в столицу прислали бывших военнопленных педагогов. Дед стал завучем, обрусел, женился, родился

мой отец. Спустя годы появилась внучка, то есть я, которая вышла замуж за Роберта Шмидта. У жениха и у меня фамилии одинаковые. Вот так. Я главбух, Роберт служил в банке «Крос». У нас хорошая семья, но жилищные условия были ужасные. Родители Роба умерли, свою двушку они завещали дочери Терезе. Сыну ничего не досталось, его отец и мать считали, что он может и обязан сам пробиться, а у Терезы вне брака родилась двойня. Добрая сестра брата живо вон выставила. А я после смерти папы с мамой жила в комнате в коммуналке. Площадь большая, с балконом, в центре столицы, но под боком еще четыре соседа. Трое жилье сдавали приезжим.

Эмма махнула рукой:

– На кухне Средняя Азия просто. Пока нас с мужем двое было, еще ничего, потом семья увеличилась. Мы давно мечтали о собственном угле. У нас двое маленьких детей, на повседневные расходы хватает, а накопить не получается.

Я терпеливо слушал рассказ Эммы, ожидая, когда она наконец-то доберется до сути проблемы. Но вскоре понял: она не зря болтает, вся информация имеет самое непосредственное отношение к тому, что случилось в семье Шмидтов.

Некоторое время назад Роберт торжественно сказал жене:

– Эмик, поехали.

– Куда? – спросила она.

Муж молча взял ее под руку, они долго тряслись в метро, потом Роберт довел Эмму до новостройки, они вошли в подъезд, он открыл ключом дверь и сказал:

– Осматривай наши апартаменты.

– Чьи? – ахнула Эмма.

– Наши, – повторил Роб. – Твои и мои.

Эмма, не веря своим глазам, пробежала по комнатам.

– Господи! Огромная кухня, гардеробная, кладовка, лоджия! Здесь можно сделать детскую, там нашу спальню, слева гостиную. Роб! Это шутка? Да? Или сон?

– Нет, – улыбнулся супруг, – это правда. Реальность.

– Господи, – перепугалась Эмма, – такое жилье стоит целое состояние. Откуда у нас деньги?

Роберт рассказал жене следующую историю.

Некоторое время назад его вызвал Игорь Кириллович Маслов, начальник департамента кредитования, и сказал:

– Роберт Германович, руководство нашего банка объявляет внутренний

закрытый конкурс. Для участия в нем директорат отобрал несколько человек, лучших из лучших. Тому, чей проект победит, достанется в качестве награды новая квартира. Половину ее стоимости оплатит банк, а вторую сам владелец, ему «Крос» предоставит беспроцентную ссуду. Апартаменты выделяет один из наших клиентов, владелец крупного строительного бизнеса, поэтому стоимость квадратного метра не рыночная, а значительно ниже.

– Сказка просто, – выдохнула Эмма, – или розыгрыш.

– Сам так подумал, – признался Роберт, – но беседу вел Маслов, а он не из тех, кто языком мелет. Серьезный мужик. Не болтун. И шутить он вообще не умеет. Я очень постарался, выполнил конкурсное задание. Честно говоря, не рассчитывал на победу. Начальник департамента мне имен соперников не открыл, но понятно, что они из топ-менеджмента. Я вообще не понимал, почему допущен к конкурсу, это не мой уровень. Я исполнительный клерк, не более того. Но когда я выиграл, Игорь Кириллович объяснил: меня позвали для эксперимента. Надеялись, что человек, который никогда не сидит на стратегических совещаниях, нестандартно посмотрит на проблему. И мне это удалось.

Не веря собственному счастью, боясь, что все это сон, Эмма запаковала нехитрое имущество, и Шмидты перебрались в хоромы.

Глава 3

Но не успела Эмма осознать, что является владелицей шикарного жилья, как в банке случилась беда.

В «Кросе» есть залы с ячейками. Один большой – для всех. Второй значительно меньше, с отдельным входом – в противоположной стороне подвала, там арендуют сейфы VIP-клиенты. Днем около входа в зону ячеек дежурит охрана, мимо которой без разрешения даже муха не пролетит. Но на ночь секьюрити уходят. Хранилище расположено в подвале, здание банка последнее на улице, с трех сторон его окружает сквер, где любят гулять мамы с детьми, с четвертой проходит шоссе. Лифт на минус первый этаж не идет, вход на лестницу блокирует надежная сейфовая дверь, вокруг висят видеокамеры, у главного входа в банк дежурит круглосуточный пост. В восемь вечера, когда последний сотрудник покидает здание, тщательно запирается доступ ко всем подъемникам, с помощью которых можно попасть на разные этажи, перед ними опускаются стальные решетки. Такая же защита на лестницах и у главного входа. Если кто-то позвонит в дверь, охрана сразу увидит, кто в неурочный час жаждет войти в банк. Понятное дело, его не впустят. До утра «Крос» неприступен, как форт.

Представьте изумление и ужас охраны, когда утром перед началом работы в зону VIP-ячеек вошел один из секьюрити и с воплем «Ограбили!» вылетел наружу. Его коллеги ринулись внутрь, перед ними открылось шокирующее зрелище. Дверцы многих ячеек были вырваны, на полу валялись документы, коробки, деньги, одна секция с железными шкафами лежала на полу.

Понятное дело, на место преступления прибыли специалисты, началось следствие. Когда приехавшие эксперты разобрали завалы на полу, подняли упавшую конструкцию, под ней обнаружилось тело Стеллы Григорьевой, заведующей депозитарием. В процессе дознания всплыло имя Роберта Шмидта. Отпечатки его пальцев обнаружили на ручке двери VIP-зала, на выключателе. Шмидт не входил в немногочисленную группу работников, которые имели доступ в VIP-отсек. Довольно быстро установили, что причиной разгрома в комнате и смерти сотрудницы явился взрыв. Устройство, которое его вызвало, находилось в одной из ячеек упавшей секции. Стелла приблизилась к сейфам. Далее не понятно. То ли она хотела открыть ячейку, то ли просто стояла в неподходящем месте. Григорьеву убило взрывом, она упала на пол, сверху на нее свалилась

стойка. И вот основная улика: на останках ячейки, в которой находилась взрывчатка, тоже нашли «пальчики» Роберта.

Эмма, конечно, знала, что стряслось в банке, муж рассказал ей об ограблении. Но она пребывала в уверенности, что супруг ни малейшего отношения ко всему этому не имеет. Арест Роберта стал для нее шоком. Некоторое время от него не было никаких вестей, потом госпожу Шмидт вызвал следователь. На растерянную, ничего не понимающую, испуганную бухгалтершу упала лавина ужасной информации. Роберт, по мнению следователя, был организатором преступления. Он после окончания рабочего дня затаился в служебных помещениях, не ушел домой, а ночью заложил в vip-зоне взрывчатку. Зачем он это сделал? В хранилище держал уникальные драгоценности Вениамин Шанхаев. Коллекция находилась в банке по требованию страховой компании, которая не хотела выплачивать миллионы долларов владельцу, если кольца-ожерелья украдут. Ежу понятно, что Шмидт охотился за золотом с камнями. Эксперты нашли массу осколков камушков, частей оправ разных цацек. Сейф Шанхаева находился прямо над ячейкой, где случился взрыв. Как выяснилось, в одном из соседних отсеков хранились не имеющие особой материальной ценности изделия из позолоченного металла, не драгоценных камней, которые издали выглядели роскошными изумрудами и рубинами. Бижутерия принадлежала умершей знаменитой оперной певице, матери vip-клиентки. Если бы колье из эрзац-голдена^[1] с ограненным горным хрусталем носила простая гражданка, его дорого не продали бы. Но вещи солистки, у которой до сих пор миллионная армия фанатов, оцениваются очень высоко. Исполнительница партии Татьяны Лариной и других заглавных партий обожала все блестящее. Почему она не покупала настоящие драгоценности? Ну, этот вопрос следователь задавать не стал. Хотя и так понятно: у примы на шее сидела огромная семья бездельников. Ей элементарно не хватало денег. К чему столь длительный рассказ о голосистой даме? А к тому, что ее сокровищ было много, они еле-еле влезли в ячейку. Часть того, что люди хранили в сейфах, погибла при взрыве, энное количество превратилось в крошево, осколки разной величины усеяли все вокруг. Пожалейте экспертов, которые собирали каждую частичку. Естественно, от уникалов в ячейке Шанхаева должно было остаться хоть что-то. Ан нет! Все привезенное в лабораторию являлось чем угодно, но не дорогими камнями и золотом-платиной. Напрашивался вывод: в vip-зоне найдены отпечатки пальцев Роберта, который не имел туда доступа. И следов раритетов Шанхаева там нет. Вывод: Шмидт украл ювелирную коллекцию и потом взорвал сейф. То, что

на месте преступления должно обнаружиться хоть немного осколков, преступник, далекий от криминалистики, не подумал.

Следователь Лев Сергеевич Боронов разговаривал с Эммой жестко, задавал вопросы: откуда у семьи новая квартира, деньги на мебель?

– Муж выиграл ее в конкурсе, который объявил банк, полстоимости за жилье внесло его начальство, – лепетала Эмма, – на вторую часть нам дали беспроцентную ипотеку.

Эмму отпустили, но через день снова велели приехать. Лев Сергеевич налетел на бедняжку, как гриф.

– Никакого конкурса и в помине не было, никто о нем не слышал.

– Игорь Кириллович знает, – возразила Эмма, – он с Робом беседовал.

– Давайте начистоту, – вкрадчиво произнес Боронов. – Роберт Германович – сотрудник среднего звена, его никак нельзя считать топ-менеджером. С какой стати приглашать середняка участвовать в закрытом конкурсе для лучших специалистов?

– Маслов объяснил, что директорат хотел знать мнение человека, который не бывал на совещаниях у руководства, – прошептала Эмма. – В рабочие дела Роба я никогда не лезу, подробности не расскажу. Но знаю, что мой муж очень умный, по служебной лестнице он не поднимался из-за отсутствия нужных знакомств.

Лев Сергеевич начал водить мышкой по коврику.

– Игорь Кириллович сообщил, что Шмидт – отличный исполнитель, нужный винтик в машине, ни разу на службу не опоздал, но никогда не задерживался в офисе. Это так?

– Да, – согласилась Эмма. – Роб пунктуальнее самолета. Его рабочий день завершался в девятнадцать ноль-ноль. В восемь супруг всегда входил в дом, выгуливал собаку, ужинал, помогал мне детей укладывать, потом мы телевизор смотрели.

– В подъезде вашего дома дежурит консьержка, – не утихал Боронов, – Мальцева Екатерина Николаевна.

– Да, баба Катя, – согласилась Эмма.

– Она уходит домой в двадцать ноль-ноль, – продолжал Лев Сергеевич, – лифтерша прекрасно знает господина Шмидта, пять раз в неделю она с ним на пороге сталкивается, и происходит всегда один и тот же диалог: «Добрый вечер, вы домой уходите». – «Добрый вечер, а вы домой уже пришли». За короткое время, что вы живете в новой квартире, Екатерина Николаевна привыкла к встречам с Робертом, они стали традицией. Но! Вечером, накануне ограбления банка, Роберт, точный, как космический корабль, в двадцать ноль-ноль в подъезд не вошел. Мальцева

подумала, что он уехал в командировку. И она очень удивилась, когда на следующее утро, придя на работу, столкнулась со Шмидтом, который как раз входил в подъезд.

– Да, – согласилась Эмма. – Роберт появился, когда дети в школу собирались. Он мне вечером позвонил, сказал, что его попросили отвезти пакет. Поэтому и задержался, ездил в Подмосковье.

– Разве ваш муж курьер? – вздохнул следователь. – И вот странность! Сверток клерк доставлял именно в день ограбления. Знаете, что я думаю? Роберт ушел из банка, это подтверждает охрана, потом, пока мы не знаем как, он проник назад, украл ювелирку, заложил взрывчатку и покинул помещение. Но, на беду, именно в этот момент приехала Стелла. В появлении ночью начальницы депозитария нет ничего необычного. Вип-клиенты имеют круглосуточный доступ к своим сейфам. Если банк завершил работу, они просто звонят Стелле, та приезжает и открывает хранилище. Ее и по ночам вызывают. В день, когда пропали драгоценности Шанхаева, Григорьева позвонила в дверь банка, ей, естественно, открыли. Электронная система зафиксировала ее появление, Стелла расписалась в книге. Короче, были соблюдены все необходимые формальности. Более в «Крос» никто ночью не заявлялся. Почему секьюрити не смутило отсутствие клиента и то, что Стелла не вышла? В обязанности охраны не входит следить за начальницей депозитария. Мало ли зачем Григорьева направилась в подвал! Она имеет на это право и может сидеть в зале ячеек сколько ее душе угодно. Некоторые клиенты доверяют ей забирать их вещи или класть что-то в сейф.

Лев Сергеевич постучал ладонью по столу.

– Учитывая все вышесказанное, суммирую. Вашему мужу заплатили за взрыв и кражу ювелирки. Полученную сумму он потратил на квартиру. Нет никакой ипотеки. И не было. Маслов о беспроцентной ссуде клерка не слышал. Кстати, за апартаменты Шмидт перевел полную стоимость, не оплачивал вторую половину частями. Не стоит вам радоваться, скорей всего жилье конфискуют. Ступайте пока домой.

– Почему «пока»? – затряслась Эмма.

– Муж и жена – одна сатана, – отчеканил Боронов. – Роберт Германович совершает дорогую покупку, а вы в неведении? Полагаете, что мы не сможем доказать, что вы знали о планах преступника? Ступайте домой. Пока.

Эмма ушла, не чуя под собой ног, утром явилась на работу вся в слезах. Семен стал расспрашивать ее, пришел в негодование, позвонил адвокату. Тот мигом приехал и успокоил Эмму:

– Не рвите нервы в клочья. Это обычный прием. Следаки любят доводить родственников подозреваемых до истерики, запугивать их. Цели у полицейских разные. Одни хотят выцыганить взятку, другие надеются из членов семьи нужную информацию вытянуть. Что Боронову надо, я пока не знаю, но скоро выясню. Одна вы более к нему не ходите. Теперь я вас буду сопровождать.

Но Лев Сергеевич оставил Эмму в покое. Не стоит думать, что он устыдился своего поведения и решил не третировать мать двух несовершеннолетних детей. Следовательно притих из-за того, что Роберт решился на самоубийство. К счастью, его попытка не удалась, клерка в бессознательном состоянии вынули из петли.

Собеседница закрыла ладонями лицо.

– При СИЗО есть медпункт. Но какой там врач? Роба просто на койку положили, ждали его смерти. Но он вопреки всему не умер. Несколько дней был без помощи... Спасибо адвокату, тот такой шум устроил. Сейчас Роберт лежит в платной клинике, дышит сам, но не приходит в сознание. Доктора поражены: чудо, что мой супруг выжил. Как правило, те, кто вешается, сразу умирают. А у нас есть надежда на восстановление мужа. Спустя недели две после того, как Роба определили в хорошую больницу, в наш почтовый ящик бросили письмо. Вот, читайте.

Эмма открыла сумочку, достала конверт и протянула мне.

Я вынул помятый тетрадный листок и стал разбирать текст, написанный шариковой ручкой:

«Мурзелька! Не верь. Я не виноват. Я устроил взрыв? Господи! Мурзелька! Да я лампочку ввернуть не могу. Да, во время срочной службы меня приписали к саперам. Но это только на бумаге. В реальности меня отправили к генералу денщиком. Мурзелька! Я ни одной мины не видел, а в личном деле записано, что я стал взрывотехником. Домработником я два года пахал. А документы, что я курс взрывных наук освоил, мне генерал дал, я в анкетах обязан указывать: военнообязанный, взрывотехник. Мурзелька! Ты же у нас все дома чинишь! Я у тебя леворукий. Мне не верят. Обещают пожизненное заключение. Сказали: ипотеки нет. Как? Я ее платил! Они говорят: «Нет». Игорь Кириллович предложил мне участвовать в конкурсе. Следовательно спросил: «Кто еще кроме вас состязался?» Так я не знаю! Маслов фамилии участников не называл. Сообщил только: «Конкурс закрытый, для самых лучших сотрудников». Все. Мурзелька! Разве просто так квартиру дадут? Я платил ипотеку! А теперь нет следов денег. Но я их приносил! Честное слово! Отдавал Игорю Кирилловичу. Лично. Я же тебе все рассказывал. Что происходит? Не

понимаю, Мурзелька! Со мной в камере очень умный человек сидит. Юрист крупной корпорации. Он четко объяснил: мне с такими уликами светит большой срок. Наверяд ли пожизненное. Но дадут много. Ты станешь женой уголовника, Катя и Герман детьми преступника. Понимаешь? Мурзелька! Семен – порядочный человек, но держать главбухом женщину, муж которой депозитарий взорвал, он не станет. И никто не пожелает. И на детях клеймо. Мурзелька! Я принял решение. Если уйду до того, как меня отдадут под суд, то никто не имеет права Шмидта преступником считать. Этот штамп ставит судья. До вынесения приговора я честный человек. Мурзелька! Я люблю тебя. Я люблю Катюшу и Германа. Я сам принял это решение. Так будет лучше для всех. В первую очередь для меня. Сидеть за колючей проволокой, знать, что семья голодает... И квартиру отнимут. А комнату мы продали, чтобы деньги в ипотеку вложить. Вы очутитесь на улице. Нет! Мурзелька. Я люблю тебя. Я люблю детей. Я ничего плохого не совершал. Не верь следователю. Не верь. Мне жаль Стеллу, она была хорошая девушка, умная, молодая, а уже начальник. Пожалуйста, верь мне. Ребятам скажи, что папа уехал в командировку. А там ему плохо стало. Сердце отказало. Инфаркт. Тело тебе отдадут. Мне тут рассказали: труп осужденного родственники не получают. А я честный человек. Мне приговор не зачитывали. Квартиру не отнимут. Мурзелька, ты мать двоих несовершеннолетних детей, апартаменты – единственная недвижимость в нашей собственности. Не отнимут их. То, что ипотеки нет, против меня работает. Но раз ее нет, то и долга банку нет. Здорово! Я люблю тебя, Мурзелька. Я люблю детей. Все. Я ушел. Ваш папа. Твой Мурзень».

Я оторвался от сумбурного текста.

– Это наши тайные прозвища, – прошептала Эмма, – папа Мурзень, мама Мурзелька. Роб не мог сделать то, что ему приписывают. Невозможно это. Знаете, даже консервные банки я сама открываю. Муж вечно открывалку не так ставит, ломает ее или пальцы режет. Роберт замечательный человек, лучший отец и супруг, но он не способен ничего руками делать. Есть мужчины, которые сами люстру вешают, шкафы чинят... А у нас этим я занимаюсь, научилась дрелью профессионально орудовать. Зато Роб, как с работы придет, сразу детей в охапку. Уроки он с ними делает, книги они вместе покупают, готовят. Муж кулинарные рецепты собирает, роскошно буженину запекает, ребята мясо чесноком шпигуют. По выходным мы всегда то в музей, то в парк, то в театр ходили. Понимаете, гвоздь вбить или шуруп в дюбель ввернуть я могу, на крайний случай мастера позову. А где такого отца детям найти?

Эмма молитвенно сложила руки:

– Вы же нам поможете? Найдете настоящего бандита, того, кто взрыв устроил?

– М-м-м, – протянул я.

– Он точно связан с банком, – вдруг сказала Эмма и чихнула.

– Почему вы так решили? – заинтересовался я.

Она начала теревить край рукава.

– У нас хороший дом, но стоит на отшибе, район не самый благополучный. Консьержка есть, но она, скажу прямо, ленивая. Придет утром, когда все на работу бегут, посидит пару часиков и куда-то смоеется. Вернется часам к четырем. К сожалению, в подъезд заходят вандалы. Они регулярно ломают домофон, а еще поджигают почтовые ящики.

Эмма открыла сумку и вынула файл, в котором лежал обгоревший листок.

– Вчера опять кто-то со спичками баловался. Вот что я нашла.

Я взял протянутый файл. «Роберт невиновен. Его подставили. Преступник в банке...»

– Дальше все сгорело, – пояснила Шмидт.

– Вы показывали это следователю? – спросил я.

– Нет, – ответила Эмма, – нашла вчера перед сном. Роб уже был в больнице. Я к Боронову ни за что не пойду. Он уверен, что мой супруг виновен. Помогите нам.

– Следователь говорил с Масловым? – уточнил я.

– Да, – прошептала Эмма, – а тот сказал: «Шмидт врет. Все неправда. В вип-зал я его не посылал. Пакет не давал. Про конкурс никогда не слышал. Кредит ему не давал».

– Надо побеседовать с Масловым, – вздохнул я.

– Не получится, – еле слышно пролепетала собеседница, – я не успела вам еще рассказать. Он погиб.

– Умер? – уточнил я.

– Его грабитель убил, – пояснила Эмма. – Сейчас объясню. По телевизору об этом в программе про криминал рассказывали. Игорь Кириллович позвонил жене, сказал: «Сейчас поставлю машину в гараж и приду, грей ужин, я голоден как волк».

Супруга поспешила к плите, муж все не появлялся, а его мобильный почему-то оказался выключен. Сын начальника департамента пошел к гаражам и увидел тело отца. Полиция ни на секунду не усомнилась, что тот стал жертвой угонщика. Игоря ударили сзади по голове тяжелым округлым предметом, возможно, палкой. Бедняга умер почти мгновенно. У него были вывернуты карманы, пропали часы, золотой нательный крест, платиновый

зажим для галстука, кошелек, мобильный. И гараж оказался пуст, новый автомобиль угнали. Ужасно! Его бедная жена теперь вдова.

Шмидт чихнула, я сделал то же самое.

– Простите, я так отреагировал на запах духов, который плавает в воздухе.

– Вы тоже его ощущаете? – оживилась главбух. – Ужасный аромат. Какие-то модные духи, ими многие обливаться стали. У нас в бухгалтерии их Нина купила, так все взмолились: «Не пшикайся на работе». Тяжелый парфюм, въедливый, от него вмиг голова болеть начинает. А в последнее время им то в магазине, то в метро, то в подъезде воняло, когда я обгорелое письмо вынула. У меня от стресса обоняние шалит и нервы ни к черту, мне стало казаться, что в спину чьи-то глаза смотрят. Роб сейчас без сознания, но он специально в себя не приходит, потому что понимает: как только очнется, следователь его хватать! Муж очень умный, поэтому и не хочет очнуться. Но когда вы найдете настоящего преступника, тогда я приеду в клинику и скажу: «Мурзень! Клеймо преступника с тебя сняли. Настоящий мерзавец за решеткой». Вот тогда он сразу глаза откроет, и мы вместе уедем к нашим детям, которым папа очень-очень-очень нужен. Да? Верно я говорю?

В глазах Эммы горела такая надежда, такая вера в выздоровление мужа, такая уверенность, что, услышав о своем оправдании, ее любимый Мурзень мигом вскочит с больничной койки, что я не нашелся что ответить. Я впервые за свою карьеру детектива растерялся и лишился дара речи.

Слава богу, что именно в этот момент из коридора послышался голос:

– Эмма! Куда ты подевалась? Софья Абрамовна приехала!

Шмидт вскочила:

– Простите, я вынуждена уйти.

Дверь хлопнула, а в моем кармане запищал сотовый. Я достал его. «Ваня, ответь же! Время уходит. Как павлин какает?» Меня охватило удивление. Номера в контактах нет, но человек меня знает, обращается по имени. Но ведь можно поменять набор цифр и забыть сообщить об этом приятелям. Ну почему многие люди не подписывают эсэмэски? Они думают, что по фамилии, которая высветится на экране, я пойму, кто меня беспокоит. Но может ведь получиться, как сейчас!

Я быстро написал: «Добрый день, кто вы? Представьтесь, пожалуйста. Иван Павлович». Ответ прилетел мгновенно: «После всего, что у нас было, и после твоих слов «Я всегда приду на помощь, только позвони» вопрос про имя меня удивляет. Леночка. Надеюсь, ты помнишь, кто я? Ответь

скорей: как какает павлин?»

Я почесал в затылке. Леночка! И у нас с ней что-то было! Что именно? Мы вступали в интимные отношения? Я напряг память. Слава богу, я пока не попал в цепкие когти склероза, помню всех, с кем состоял в более или менее длительных отношениях. И есть среди них Елена, но она предпочитает отзываться на Элен, давно уехала жить с мужем в Испанию, и ее точно не интересуют фекалии птицы с роскошным хвостом. Однако, как у большинства лиц сильного пола, у меня случаются и мимолетные встречи. Сразу оговорюсь: я не любитель беспорядочных связей, не гоняюсь за каждой юбкой, но порой... М-да! Грешен. Один раз вообще предавался греху в машине. Понимаю, в это трудно поверить, но было. Как звали ту женщину?

Я тяжело вздохнул: Таня, Маша, Аня, Катя... Может, Лена? Убей бог, не помню. Все произошло очень быстро, я вышел из театра, лил сильный дождь, поэтому я остался под козырьком подъезда. Рядом оказалась дама, которая тоже смотрела спектакль. Пару минут мы беседовали с ней о катаклизмах природы, потом она пожаловалась:

– Не принято в театр с большой сумкой ходить, я взяла клатч. Зонтик в него не влезает, подумала, дождя синоптики не обещали. И вот, пожалуйста! Стоять мне тут до утра.

Как должен поступить мужчина, которому адресовались сии слова? Естественно, я предложил:

– Могу довезти вас до метро.

Она обрадовалась, сняла туфли, я накинул на голову новой знакомой свой пиджак. Через несколько секунд мы очутились в моей машине. И тут на платье незнакомки на спине лопнула молния. Я попытался ее починить... Вот как-то так и получилось. Потом я довез даму до метро. Все. Да! Молнию мне удалось исправить. Может, это она? И где находился мозг господина Подушкина, когда он диктовал незнакомке свой телефон? Явно не в голове, а значительно ниже. О господи! Лена! Лена! Это же сестра художника, который пригласил Николетту с мужем к себе на выходные. Владимир, мой отчим, живо нашел причину отказаться, маменька потащила с собой меня. Мы провели в деревне три дня и две ночи. У живописца гостила ближайшая родственница, звали ее Лена. Краткосрочный роман завершился, когда я уехал в Москву. Похоже, это она сейчас задает странные вопросы. Не мог я дать контакт даме из театра, да и она, скорей всего, не желала его знать, помнится, на пальце у нее было обручальное кольцо.

Дверь открылась, в кабинет вошел Семен.

Глава 4

– Что скажете, Иван Павлович? – поинтересовался владелец магазина.

Я решил быть откровенным:

– Если все обстоит так, как описала Эмма, то возникают сомнения в виновности Роберта. Но есть некоторые нестыковки в ее истории. И учтите нюанс: почти все родственники преступников уверяют, что их близкие ни в чем не виноваты, арестованы и осуждены по ошибке, сидят на зоне за чужие грехи, так как у семьи денег на взятки не нашлось. Но сие неправда. Да, случается, что в бараке оказывается тот, кто не совершал преступления, но основной контингент получает по заслугам. И мужья порой не выкладывают женам все до последней капли. Вероятно, Роберт очень хотел получить новую квартиру для своей семьи, поэтому и решился на преступление. Но...

Я замолчал.

– Но? – повторил Семен.

– Письмо, – продолжал я. – Вы его читали? Оно очень искреннее, понятно, как автор нервничал. Зачем лгать перед смертью? Обычно на краю могилы люди говорят правду, хотя... Я знаю и иные случаи.

– Вы сомневаетесь в виновности Роберта? – обрадовался Занавесин.

– Не хватает информации, чтобы делать выводы, – объяснил я. – Я выслушал пока одну сторону, признаю, не самую объективную. Зададим вопрос: мог ли Шмидт один спланировать взрыв, осуществить его, а перед этим похитить драгоценности и продать их? Неужели все ключи от депозитария и ячеек валяются где попало? Уж, наверное, их хранят в надежном месте. Имеет ли возможность клерк средней руки добыть пропуск в зал вип-ячеек? Если я правильно понял, ювелирные изделия Шанхаева уникальны, сбыть такие не просто, в ломбард их не понесешь. Чаще всего эксклюзивные украшения крадут под заказ. Вызывает настороженность смерть начальника департамента, который пригласил Роберта участвовать в конкурсе. Его убили вскоре после взрыва. Да, Москва – город, где высок уровень уличной преступности. Но смерть Игоря Кирилловича... Может, она не связана с происшествием в банке?

– Меня удивило, что взносы Роберт приносил Маслову наличными, – добавил Семен. – Я выплачивал кредит на машину. Иногда приходил с рублями в кошельке, но всегда шел в кассу. Я давно пребываю в уверенности, что современные финансисты купюры только в банкоматах

видят, когда лично им казначейские билеты нужны. На работе у них деньги виртуальные, они со счета на счет переползают.

– Предположим, Роберт соврал про конкурс и на самом деле взорвал ячейки, но тогда у него был сообщник, – предположил я, – человек, который стоит выше на служебной лестнице, имеет доступ в депозитарий и к ключам. А квартира – плата за преступление. Если же Шмидт говорил правду и Игорь Кириллович обманул его, то возникает подозрение, что самого Маслова убил не простой грабитель. В этом деле есть еще кто-то. В любом случае в «Кросе» работает некто из организаторов взрыва. Об этом написано в анонимке, которую получила Эмма, да и я начинаю так думать. Незнакомый пока участник преступления забрал украшения. Роберта использовали втемную или он состоял в сговоре? Ответа на сей вопрос я не знаю. Но думаю, что организатор преступления на свободе. Вопрос: нужно его искать или нет?

– Конечно, да, – без задержки заявил Занавесин. – Тогда в случае вины Шмидта, раз соучастников много, Робу меньший срок дадут.

– Нет, – возразил я, – наоборот, нарушение закона в составе группы утяжеляет наказание. Преступление не сосиска, оно не становится меньше, если много едоков.

– Неужели? – удивился владелец магазина. – Я думал иначе. Иван Павлович, вы беретесь за эту работу? Я оплачу все счета.

Я на секунду задумался.

– Не гарантирую успех, не обещаю, что смогу стопроцентно доказать невиновность Шмидта. Вдруг получится наоборот, и я выясню, что клерк замешан в деле?

– Нужна правда, – отрезал Занавесин.

– Попробую ее откопать, – сказал я, вынул из кармана звонивший мобильный и, не глядя на экран, приложил его к уху: – Лена, добрый день. Понятия не имею, как какает павлин. Не могу дать ответ на ваш вопрос.

– Вава, ты сошел с ума? – ехидно осведомилась Николетта. – Перегрелся на пляже?

Учитывая, что за окном промозглая московская зима, вопрос про пляж прозвучал весьма уместно.

– Прости, Николетта, не думал, что это ты.

– Немедленно прекрати думать! – велела маменька. – Купи вещи по списку. Сию секунду!

Послышался гудок, в трубке повисла тишина.

– С удовольствием, – улыбнулся Семен.

– Простите? – не понял я. – Вы о чем?

– Вы сказали: «Понятия не имею, как какает павлин», – пояснил Семен. – Подсказываю правильный ответ: «С удовольствием». Это старая загадка из серии «Из какой посуды никто не ест? Из пустой».

– Спасибо, – обрадовался я, и тут опять пришло эсэмэс от Елены: «Ваня, как какает павлин? Ну, пожалуйста! Ты же обещал помочь!» «С удовольствием», – ответил я.

Обсудив с Занавесиным условия нашего договора, я сел в машину и открыл сообщение от Николетты.

«Вава! Срочно! Хрустальный шар с подсветкой. Клетка с совой. Карты Таро. Магические камни. Черный кот. Свечи. Коврик пяти волшебств. Денежный веер. Перья лысого ежа. Сделай фото витрины, скажу, какие брать. Быстрее. Люди уже идут».

Я давно смирился с капризами Николетты. Не стану роптать, если маменька отправит меня в три утра за мороженым, просто поеду в круглосуточный супермаркет. Я с младых ногтей уяснил: лучше выполнить приказ маменьки, чем пытаться объяснить ей глупость распоряжения. И тут раздался звонок.

– Вава! Ты заснул? – заорала Николетта. – Поехал за покупками?

– Нет. Потому что...

– Меня не волнует, по какой причине ты не сдвинулся с места. Включи свой мотор на пятую скорость! – заголосила родительница.

– У меня его нет, – вздохнул я, – у людей двигатель отсутствует.

– Отлично знаю, как ты умеешь деликатно хамить, – сменила креcendo на шипение маменька. – Помню, как в субботу Ньюка Шерметова-Шанхаева показала пальцем на твою позорную дворнягу с простонародно-лапотным именем Геракл и спросила: «Вава, чем ты лечишь его блох?» И что ты ответил? «Зачем им лекарства? Блохи моей собаки ничем не болеют».

Я молча слушал Николетту. Похоже, она забыла, что моя «позорная дворняга» ранее считалась ее любимцем, элитным кобелем по кличке Людвиг Ван Иоганн Вольфганг Цезарь Брут Ницше. А потом, когда выяснилось, что родословная поддельная, мне пришлось забрать псинку, поелику моя добрая маменька решила усыпить животинку. Вскоре я выяснил, что Людвиг et cetera^[2] женского пола. Кстати, зовут ее теперь Демьянка. А Геракл не имеет никакого отношения к простонародью и лаптям, это полубог, сын Зевса и земной женщины Алкмены.

– Вава! Ответь! – взвизгнула трубка.

– Укажи адрес магазина, – попросил я.

– Какого?

– Где нужно сделать покупки.
– Езжай, куда надо.
– Так куда?
– Туда!!! Немедленно. Неужели не понятно?
– Прости, нет.
– Боже! За что мне это? Сто раз повторила! Двести! Триста. Центр гадального мастерства «Четвертый глаз».

– Ты не путаешь? – удивился я. – Может, третий?

– Кто?

– Глаз.

– Третий?

– Экстрасенсы считают, что он у человека во лбу, – пояснил я.

Из трубки раздалось кряканье, связь прервалась.

Я вбил в строку поиска: «Магазин «Четвертый глаз» и, к своему удивлению, выяснил, что он торгует по всей России аксессуарами для предсказания будущего и располагает в паре минут езды от места, где стоял мой автомобиль.

Телефон снова затрезвонил.

– Вава! Нельзя быть таким дремучим, – зачастила маменька. – Ньюка Шерметова-Шанхаева хозяйка школы, где учат гадалок...

Однако далеко зашел прогресс! Ранее предсказательницы не обременяли себя получением диплома, они, не имея образования, бегали по вокзалам, прося у наивных людей «позолотить ручку», и весьма ловко уговаривали прохожих немедленно снять порчу, которую на них навели с помощью денег. Надо было отдать цыганке всю наличность и вмиг станешь здоровым и выносливым, как помесь белого медведя со среднеазиатским верблюдом. А теперь существует школа гадалых наук и снятия порчи?

– Ньюка Шерметова-Шанхаева... – тараторила маменька.

И тут меня осенило!

– Николетта, как зовут мужа Ньюки?

– Он не гадает.

– Имя назови, пожалуйста.

– Зачем? Не собираюсь болтать о глупостях. Есть дела поважнее.

– Будь добра, продиктуй телефон Ньюки.

– Вава! Она не пойми кто. Происхождение бабы неизвестно. Даже твой Геракл более родовит, чем она. Красивую фамилию «Шерметова» она сама придумала. Шанхаевой по мужу стала. Кто родители пейзажки, покрыто мраком. Возможно, их вовсе не было! Никогда!

– Николетта, я пришел в магазин «Четвертый глаз», – остановил я

фонтан негодования.

– Ну так быстро покупай все по списку! Зачем мне мешаешь? – возмутилась маменька. – Ньюка не нашего круга. Она принята в хороших домах исключительно из-за денег Вениамина Шанхаева. Он несметно богат! Владеет коллекцией драгоценностей! Ньюка не пойми кто. Ты понял? Не смей к ней приближаться! Она тебе не пара! Старая кочерыжка без роду-племени-денег! Даже не смотри в ее сторону. Ходят слухи, что у нее с Шанхаевым разрыв. Ньюка ищет нового дурака. Ты понял?

– Да, – подтвердил я, – буду объезжать ее на велосипеде за три километра.

Глава 5

За прилавком магазина стояла кудрявая черноволосая цыганка с черными очами.

– Здравствуйте, – нараспев произнесла она. – «Четвертый глаз» вас ждет. Знаю, Саша, зачем вы пришли.

– Причину моего появления в вашей лавке назвать легко: мне нужны аксессуары для гадания, – парировал я. – Но вы немного ошиблись. Я по паспорту не Александр.

Цыганка оглушительно чихнула. Один глаз у нее стал голубым.

– Не Саша?

– Нет, – улыбнулся я. – У вас линза выпала.

– Не ношу их, – соврала торговка.

– Гляньте в зеркало, которое у вас за спиной висит, – посоветовал я.

– Оно магическое, демонстрирует ваше будущее, – мигом начала расхваливать товар тетушка. – Хотите увидеть, каким вы станете через десять лет?

Не дожидаясь моего ответа, фальшивая ромала, моргая разноцветными глазами, водрузила передо мной довольно большое зеркало в псевдобронзовой раме и просюсюкала:

– Кто там? Чье отражение?

– Мое, – вздохнул я.

– Вай, умница! Герой. Теперь переворачиваю... Раз, два, три, смотри.

Я снова увидел отражение, но на сей раз на меня смотрело другое лицо.

– Нравится? – поинтересовалась торговка.

– В принципе да. Но несколько неожиданно, – сдавленным голосом признался я.

– Конечно, дорогой, ты постареешь, – запела ромала. – Хочешь, брошу магические камни? Они точно скажут, что тебя ждет впереди.

– Понимаю, что возраст наложит печать на мою внешность, – мирно сказал я, – просто удивился своей трансформации в молодую негритянку.

– Нет, дорогой, это невозможно, – развеселилась продавщица, – время многое изменит, но сделать из белого мужчины чернокожую девушку оно не способно.

– Я тоже так считал, – согласился я и поставил зеркало лицевой стороной к торговке.

– Это чего? – выпав из роли цыганки, отреагировала тетка.

– Мое будущее, – возвестил я и отвернулся к окну, чтобы не демонстрировать улыбку во весь рот.

– Вероника Сергеевна! – закричала продавщица. – Опять эта хрень не работает.

– Эсмеральда, не шуми, – прозвучал неожиданно хорошо знакомый голос.

Из двери в стене вышла худощавая дама в черном платье.

– Вава! – поразились она. – Какими судьбами?

– Добрый день, Ньюка, – тоже удивился я. – Николетта просила купить здесь по списку вещи, сейчас прочитаю...

– Лучше отправь мне на ватсап, – велела Шерметова-Шанхаева. – У тебя есть номер?

Я покачал головой.

– Записывай, – приказала дама. – Эсмеральда! Исчезни. Приведи свою внешность в порядок. Сама обслуживаю вип-покупателя. А вот и эсэмэс. Зеркало уже, вижу, на прилавке...

– Надеюсь, оно врет, – заметил я. – Отражаюсь в нем, как юная гражданка Ганы или Замбии. Не хочется мне стать таким спустя десятилетие.

Ньюка рассмеялась.

– Вава! С тобой этого не случится. Сейчас все для Николетты соберу.

– Вы работаете в магазине? – не выдержал я.

– Он мне принадлежит, – засмеялась Ньюка, – разве Николетта тебе не сказала?

– Нет, – пробормотал я и решил издали подбираться к нужной теме: – Я слышал, что у вашего мужа случилось большое несчастье.

– Да? – обернулась хозяйка магазина. – Скорее расскажи, порадуешь меня.

– Вы не в курсе? – осторожно уточнил я.

– Если в Интернете еще не сообщили, то нет, – пожала плечами Ньюка. – Веня попал под машину? Выпал из самолета?

– У него украли коллекцию драгоценностей, – пояснил я, – взломали депозитарий.

Ньюка махнула рукой:

– Ах это! Переживет! Ваня, ты очень милый, скажу тебе правду. Жить с Вениамином невозможно. Он всем недоволен. Нальешь ему чашку кофе, первый вопрос: «Почему не две?» Вени всегда хочет больше, чем он имеет. Мы с ним прожили три года, он меня постоянно улучшать

внешность отправлял, требовал импланты вшить, зубы винирами закрыть, сделать нос прямым. Но я на это не соглашалась. Наш брак треснул из-за характера Вени. На развод он пока не подал, а я и не настаиваю. Знаешь, у меня активирован четвертый глаз. Не путай с третьим, тот во лбу, а следующий по счету в кончике носа.

Нюка пару раз дернула ноздрями.

– Чую запах больших хлопот. Тебе предстоит заниматься серьезными вопросами. Вава! Есть предложение. Ты же владелец детективного агентства?

– Очень маленького, – быстро сообщил я. – Фирма состоит из двух человек: меня и моего секретаря Бориса.

Нюка схватила с полки кубик и кинула его на прилавок.

– Скажи, какая цифра выпала?

– Двойка, – ответил я.

– Понятно, да? – кокетливо пропела владелица торговой точки.

– Нет, – признался я.

– О! Ты не учил нумерологию, – расстроилась моя собеседница. – Ну ничего. Я задала сейчас вопрос духу Банди: «Как помочь Ваве стать владельцем мегаогромного бизнеса?» И выпала двойка. Ответ ясен: тебе нужна партнерша. Я готова взвалить на себя обязанности твоей помощницы.

– Дух Банди может ответить на любые вопросы? – осведомился я.

– Хочешь, он скажет, сколько песка в море, – заявила Нюка.

– Хорошо иметь связь со всемогущим помощником, – заметил я, – наверное, он поможет господину Шанхаеву отыскать баснословно дорогие ювелирные изделия, которые у него из сейфа сперли.

Нюка облокотилась о прилавок.

– Вава, поскольку мы с тобой теперь партнеры, могу поделиться секретиком. Поклянись, что никому его не сообщишь!

Я поднял правую руку.

– Обещаю молчать.

Нюка понизила голос.

– Марта, первая жена Вениамина, ему рога наставила и за границу с американцем свалила. Куда она подевалась, Шанхаев так и не узнал, хотя искал ее упорно. На мне он женился спустя много лет после побега Марты. Я один раз любопытствовала: «Почему вы разбежались?» Он так ответил, что повторить не могу. Понятно мне стало: прошел не один год, а до сих пор мужику обидно. Я закрыла тему. Про коллекцию уникальных украшений, естественно, я знаю, но видела ее всего один раз. В прошлом

году, когда у Вени случился юбилей, он пир на весь мир закатил, народа тьму позвал. Негоже жене юбиляра бедненько выглядеть. Веня со мной в банк порулил, сейф открыл. Я обомлела от того, что увидела. Прадед Шанхаева, дед, отец – все мужчины в семье были ювелирами, Веня первый, кто ничего не делает! Фрилансер! Он прикидывается художником. Только картин его никто не видел! В банке у Вени истинные раритеты. Мне он на юбилей дал ожерелье и диадему. Не передать словами, какая красота. За мной четыре охранника ходили, их страховая компания ко мне приставила. Ночью уникамы назад в сейф легли. Веня серьезно заявил: «В следующий раз достану что-то отсюда, когда сто лет отмечать буду». Через неделю к нему приехал Вадим Брунов, они в кабинете заперлись. А я...

Нюка кокетливо взглянула на меня.

– Совершенно случайно мимо кабинета шла, дверь была неплотно закрыта, я услышала рычание: «Какого хрена свою бабень в диадему вырядил? Хорошо, что моя клуша заболела и не пошла на тусню. Охренел фальшак светить?» Веня ему в ответ: «Когда я тебе украшение продавал, предупредил: раз в году оно может «погулять» выйти. Забыл? Объяснил, что это надо для успокоения страховщиков, чтобы не дергались. На месте диадема, на голове у моей жены. Оценку они уже провели, второй раз ее делать не станут. И чего ты запыхтел? Скажи жене: украшения парные. То, что у нее, принадлежало графине Боголюбской, а то, что у Нюки, ранее носила ее сестра княгиня Марковская. Партнерам не моргнув глазом брешьешь, а бабе не можешь соврать? Не смей».

Глава 6

Нюка снова стрельнула глазами в мою сторону.

– Они еще долго болтали, мне понятно стало: прапрадед, прадед, дед коллекцию собирали. А вот отец Вени страстным игроком уродился: лошади, карты, кости... Огромные суммы спускал, я знала. Веня его иначе чем «миксер для денег» не называл, сколько ни положи в чашу купюр, а «метелки» их в клочья раздерут. Я после случайно услышанной беседы поняла, что сначала папаша, а потом его сыночек коллекцию распродали. Фейки были в сейфе. Я это теперь точно знаю. Поэтому Шанхаев банк и взорвал.

Нюка усмехнулась и спросила:

– Понимаешь, Вава?

Я прикинулся дурачком:

– Зачем вашему супругу совершать преступление?

Собеседница вышла из-за прилавка и встала рядом со мной.

– Николетта постоянно сетует, что ее сын несообразительный бука, но я с ней не согласна. Милый, ты красавец. А то, что голова у тебя плохо варит, не беда. Когда около Вавы появится умная женщина и...

Нюка взяла меня за руку.

– ...крепко сожмет его ладони, поведет за собой, мозг ему не понадобится. Николетта давно невестку ищет. Но думаю, лучше создавать семью по взаимному чувству.

Я попытался высвободить свою руку, но Нюка держала ее хваткой бультерьера, она еще теснее прижалась ко мне и промурлыкала:

– Дорогой, сейчас предельно ясно растолкую то, чего ты не понял.

Я задержал дыхание. Объясните, почему курить в общественных помещениях нельзя, а обливаться удушающе вонючими духами можно? Не люблю табачный дым, но, ей-богу, он лучше, чем конфетно-въедливый аромат, который исходит от Шанхаевой.

– Ювелирка застрахована на офигенные деньги, – пела тем временем Нюка, – продать ее Веня не мог. Ему нужно при этом предупредить страховую компанию, та провела бы переоценку, изменила полис. И конечно, пошел бы слухок, что у Шанхаева дела плохи, он распродает семейное достояние. Но если втихую каратики сдавать такому, как Брунов, положить в сейф копию, жену в фейке на вечер вывести, то никто, включая страховщиков, ничего не заподозрит. Когда же вся коллекция фальшаком

станет, надо соврать, что ее сперли. Тогда еще и вознаграждение получишь. Старый трюк. Странно, что ты о нем не слышал.

– А почему Брунов не хочет сообщить о приобретении диадемы? – поинтересовался я.

Нюка по-хозяйски одернула мой пуловер.

– Хороший кашемир, дорогой. Вава, ты всегда достойно одет. Немного старомодно, но в этом есть свой шарм. Глупыш! Брунов именуется себя журналистом. Ха! Где его статьи? Мужик каким-то незаконным бизнесом ворочает, налоги не платит. Откуда у него, человека без большого стабильного дохода, деньги? Только он диадемой похвастается, как его за хвост схватят.

– М-м-м, – промычал я.

Нюка улыбнулась:

– Видишь, Вава, я много знаю. Мы с тобой чудесная пара, оба из хороших семей. Происхождение огромную роль играет. Например, Николетта, она член «Общества аристократов России». Уж извини, у твоей матери характер не сахар, она резка в суждениях. Но, с другой стороны, ее капризность – свидетельство того, что предки Николетты, графы д'Адиле, веками отдавали приказы дворне.

Я опустил глаза. Нюка даже не подозревает, как она далека от истины. Нет в маменьке ни капли «голубой» крови. Однако я впервые слышу про «Общество аристократов России».

– И я из благородных, – похвасталась Нюка, – урожденная Герасимова.

– О-о-о-о, – на всякий случай восхитился я.

Собеседница навалилась на меня боком.

– Таких дворянских ветвей несколько. Но мой прапра – тот самый Герасим, который утопил Му-му.

– Так он же был крепостной, – не выдержал я.

– Верно, – согласилась Шанхаева. – Барыня потом раскаялась в своей жестокости, усыновила Герасима, он стал дворянином. Вот так возникла наша фамилия.

Я открыл рот и закрыл его. Нет смысла объяснять Нюке, что писатель Тургенев выдумал историю про мужика и несчастную собаку.

– Ты знатного древнего рода, – щебетала Нюка, – и меня не в мусоре нашли. Не нищая, владею бизнесом, деньги есть. Вокруг меня толпы мужиков на коленях стоят, ждут, когда я внимание на них обращу. Богатое быдло! Такие мне не нужны. А вот ты человек моего круга. Помогу тебе расширить агентство, оно станет самым крупным в России. Я полна планов, энтузиазма, сил, сделаю из тебя успешного человека.

Мне стало неуютно. Я чужаюсь дам, которые полны планов, энтузиазма или горят желанием сделать меня успешным человеком. С такой женой не жди спокойной семейной жизни, она постоянно заставляет супруга как лошадь через барьеры прыгать, никогда не похвалит его за успех. Планку-то можно до бесконечности задирать. Владелец скромного, но любимого бизнеса? Мало! Хозяин крупного агентства? Пустяк. Обладатель самой огромной в мире детективной конторы? «Милый, а у нашей соседки муж президент!» Хорошо, влез ты на вершину власти, растерял по дороге удовольствие от любимого дела, заработал язву, гневливость, вечное беспокойство, бессонницу, не видел, как растут дети, забыл имя матери, отдыхаешь пять дней в году. И что делаешь в свободное время? В свободное время ты спишь. Ладно. Сидишь на вершине, стал императором всего земного шара. Но на небе-то еще есть Бог! Жена считает, что надо следующий барьер брать. Ну уж нет! Я не лентяй. Но люблю посидеть вечером с фужером коньяка и интересной книгой. А еще желаю получать радость от своей работы. Карабкаться в заоблачные выси, оправдывая амбиции супруги?

Увольте.

– Шанхаев – быдло и вун! – воскликнула Нюка. – Я сто раз пожалела, что из чистого сострадания к дураку и недотепа вышла за него замуж. Понимаю, почему ты молчишь. Думаешь, Вениамин меня в сторону отодвинул, на развод подал, поэтому я и клевету на него сейчас. Поговори с Александром. Он много лет на Шанхаева пахал, а тот его выгнал. Ни за что. Просто так. Саша в курсе всех дел Шанхаева. Он точно про фейковые драгоценности знает. Ну как, Вава? Хочешь получить телефон-адрес Александра?

– Буду очень вам благодарен, – заверил я.

Нюка ткнула меня кулачком в живот:

– Перестань мне «выкаты». Я на десять лет моложе тебя.

Я закивал, словно китайский болванчик. Конечно, моложе! Если учесть, что Нюка рассказывала Николетте, как, будучи пионеркой, собирала металлолом, то она совершенно точно появилась на свет позже меня на целую жизнь.

– И подумай, – сказала дама, – мы прекрасная пара. Союз ума и глупости. Предприимчивости и лени. Лучшей партии тебе не найти. Каждому мужчине необходимы бархатные ежовые рукавицы. Я серьезный партнер. Ты ведь не зря сюда пришел?

– Конечно, – заверил я. – Николетте нужны вещи по списку, который я вам отправил.

Нюка погрозила мне пальцем:

– Врунишка. Причем неумелый. Ты хотел меня увидеть. Ничего, я научу тебя лгать так, что слон хобот не подточит. Я мастер художественного вранья. Но с тобой откровенна. А как еще с женихом себя вести? Дам тебе адрес Александра, к нему лучше съездить, звонка он, как правило, не слышит. Но сначала пообещай, что мы поужинаем вместе.

– Непременно, – сказал я.

Нюка вынула телефон.

– Отлично. Завтра. В семь. У меня дома.

– Ну-у, – пробормотал я, – лучше в ресторане.

– Я гениально готовлю, – объявила моя собеседница, – в трактире мерзость дадут. Так как? Согласен? Если нет, то я адрес Саши потеряла.

И тут у меня затрезвонил телефон. Никогда еще я так не радовался вызову, который помешал моему разговору с женщиной.

– Слушаю, – быстро ответил я.

– Господин Подушкин? – спросил приятный баритон, смутно знакомый. – Вас беспокоит Максим Загорский.

Фамилия не пробудила у меня никаких воспоминаний, но к мужчинам, которых зовут Максим, я сразу чувствую расположение. У меня был лучший друг, единственный близкий мне человек Макс Воронов. Теперь его нет. Понимаю, что глупо так реагировать на имя, но ничего с собой поделать не могу.

– Слушаю вас, – ответил я.

– Вы сегодня встретились с моей дочерью Натальей, – продолжал Загорский.

– Прошу прощения. Не знаком с этой девушкой, – остановил я собеседника.

– Идиотка, которая украла кашемировые свитера, – повысил голос Максим, – знаю, что хозяин лавки хотел сдать ее в полицию, а вы его отговорили.

– У вас не совсем верная информация, – возразил я. – Семен Занавесин, хозяин магазина, не горел желанием обращаться в полицию. Он из тех, кто предпочитает решать дела миром. Простите, я забыл о нашей беседе.

– Хотите денег? – спросил вдруг Максим. – Речь идет о работе.

– Я никогда не отказываюсь от возможности заработать, – ответил я, – но берусь лишь за те дела, которые не противоречат моим моральным принципам. Кое-какие поступки я не готов совершить даже за все сокровища мира.

– Приезжайте в мой офис. Баранов переулок, – коротко велел Загорский. – Разговор не телефонный.

Я взглянул на часы.

– Полагаю, за сорок минут докачу, но количество пробок на дороге непредсказуемо.

– Я весь день на месте. Жду, – без задержки произнес собеседник.

Я положил трубку в карман.

– Милый, пока ты болтал, я сложила все необходимое для Николетты, – сладким, как шоколадка в мёде, голосом прочирикала Ньюка. – Понимаю, конечно, что главная цель твоего визита повидаться со мной, но надо и госпоже Адилье приятное сделать. Вот счет. Учитывая наши близкие отношения, я сделала двадцатипроцентную скидку.

Я взял чек. Ну и ну! Может, Ньюка ошиблась? Она случайно прибавила к счету... нет, не двадцать, а две тысячи процентов?

Владелица лавки нежно улыбнулась:

– Хрустальные шары доставляют из Америки, они особой огранки, поэтому такие дорогие. И весь полный набор уложен в прелестный чемоданчик из кожи питона. Очень модный, стильный аксессуар. Впрочем, если он тебе не по карману, могу сложить покупки просто в пакет. Некрасиво, конечно. Зато дешевле.

Я уже хотел обрадоваться предложению, но тут в моей душе расправил крылья орел мужского самолюбия и хвастовства.

– Возьму с чемоданом. Вовсе не дорого.

Жаба, которая живет у каждого представителя сильного пола на задворках сознания, встрепенулась и закричала: «С ума сошел? Отдавать огромную сумму за ридикюль, чей каркас обтянут останками дохлой змеи? Ваня! Никогда!»

– Пробиваю? – спросила Ньюка.

– Да, – гордо ответил за меня орел мужского самолюбия.

Жаба попыталась заткнуть ему рот липкими лапами, но гордая птица клюнула ее в темечко.

– Сунь карточку в терминал, – пропела Ньюка.

Я вытащил кредитку, она показалась мне на ощупь мокрой. Похоже, жаба облила ее слезами. «Ваня, скажи, что забыл пин, и убегай отсюда, – квакнула она мне в ухо. – Уноси ноги, пока счет не опустел». «Ну и какой ты после этого мужик? – каркнул орел. – Трясешься над рублями». Я набрал пин-код.

– Платеж прошел, – оповестила Ньюка.

«Отлично, теперь ты с орлом на плече, но с дыркой в кармане», –

взвыла жаба.

– Встречаемся завтра, – хихикнула Ньюка. – Когда придешь, тогда и получишь телефон Саши, который всю правду про Шанхаева знает.

Я промычал нечто нечленораздельное, схватил покупку и удрал.

Глава 7

Успев детально поговорить по дороге с Борисом, я ровно через сорок минут вошел в кабинет Загорского.

– Точность – вежливость королей, – заметил хозяин, протягивая мне руку. – Мой прадед, князь Федор Загорский, рассказывал, как его дед однажды опоздал на аудиенцию к царю-батюшке. И государь ему эту фразу произнес. Наша фамилия древняя. Наверное, вы слышали об обществе «Аристократ», которое я основал и возглавляю?

– Да, – ответил я, – некоторые мои знакомые состоят в его рядах.

Максим Петрович сдвинул брови:

– Общество «Аристократ»?

– Да, – снова произнес я.

– Я уточняю, потому что есть еще сборище самозванцев, – поморщился хозяин кабинета. – «Общество аристократов России». Рабоче-крестьянские графы. У них отсутствуют документы, подтверждающие благородное происхождение. Сами себе дворянские грамоты выписывают, ордена выдают. Анекдот. Но кое-кто тешится, что он нынче не Сенька без роду-племени, отца-мать не помнящий, а человек с многовековой семейной историей.

Я улыбнулся:

– Все, кто сейчас живет на земле, имеют многовековую семейную историю. Если вы появились на свет, у вас определенно были родители. Подчас человек говорит: «У меня нет отца». В корне неверная фраза. Мужчина, от которого ты произошел, всегда есть. В процессе зачатия двое участвуют. Отец не воспитывал малыша, не давал на него денег, не участвовал в его жизни, но он был. Следовательно, существовали дед, прадед и так далее, до Адама и Евы.

Максим Петрович нахмурился:

– Иван Павлович, вы правы. Но! Был так называемый в прежние века «подлый» класс и аристократия. Последняя имела образование, воспитание, часто не большие деньги, зато всегда обладала благородством. Моя мать из семьи князей Мусанкиных. Отец – из графов Загорских.

Максим Петрович показал на стену:

– Из родных Петра Владимировича не осталось никого, его деда и бабушку расстреляли большевики. Отец погиб на фронте, а мать, то есть моя бабушка, скончалась до того, как я появился на свет. Поэтому по линии

папы я знаю только портреты.

– Удивительно, что в горниле войны и репрессий полотна сохранились, – заметил я.

– О нет, – возразил собеседник, – их заказал я. В советские времена люди боялись рассказывать о своем неподлом происхождении. За принадлежность к знати сажали в лагеря. Мне семейную историю рассказала матушка. Папенька скончался очень рано, я не помню его совсем. Только фото на комодке осталось. А мать, Елена Николаевна, прожила много лет. Слава богу...

Собеседник истово перекрестился на большую икону, которая висела в углу.

– Матушка до сих пор пребывает в добром здравии. Когда мне исполнилось четырнадцать, я, как все школьники тех лет, вступил в комсомол. Пришел домой со значком. Элен, так ее называли близкие, усадила меня на диван и рассказала, как жили ее предки, сколько у них земли было в собственности, о том, что их брак с моим отцом стал союзом по страстной любви. Показывала мне медальоны, которые хранила как зеницу ока, с портретами ее отца, бабушки. Ох, что-то я отошел от темы беседы. Любезный Иван Павлович, у вас есть дети?

– Я холостяк, – ответил я, – пока не нашел суженую.

Загорский улыбнулся:

– Иван Павлович, иногда человек из всех сил пытается изобразить из себя благочестивого, милосердного, во всех смыслах достойного члена общества. А потом идешь с ним по улице, а сей прекрасный член общества, ведя разговор о любви ко всем земным тварям, походя, привычным движением пинает дворовую собаку, которая на него с надеждой на получение малой толики еды смотрит. И вмиг становится ясно: в пылу беседы он явил свое естество, речь контролировал, а вот про ногу забыл, она автоматически сработала. Нет в этом гражданине любви ни к кому, одно лукавство, позерство и зло в нем. Люди лучше всего открываются в момент, когда совершают что-то, не думая. Вот вы сейчас...

– Я не быю животных и зла никому не желаю, – заметил я, – но не могу утверждать, что испытываю добрые чувства ко всему человечеству, некоторые его представители мне не особенно приятны.

Максим Петрович выдвинул ящик стола.

– На вопрос о детях вы ответили: «Я холостяк». И о чем сказала мне ваша фраза?

Я улыбнулся.

– О глубоком эгоизме посетителя, который хочет прожить жизнь

спокойно, не обременяя себя заботами.

– Нет, – возразил Загорский, – об элементарной порядочности. Вы считаете, что наследники должны появляться в браке. Если когда-либо решитесь на ребенка, то станете хорошим отцом. Главное, не избалуйте чадо, хотя я не имею права давать советы, поскольку сам с дочерью потерпел фиаско. Моя жена попала под машину, когда Наташе едва четыре года стукнуло. Она мать не помнит. Я нанял мамок, нянек, гувернанток. Испытывал вину перед девочкой за то, что почти ее не видел, поэтому заваливал подарками. Ната привыкла, что отец ежедневный Дед Мороз, и распустилась. Не желает учиться, числилась студенткой в вузе, который принадлежал моему близкому другу. Наталье ставили зачеты, четверки на экзаменах, она в аудиториях хорошо если раз в месяц появлялась, но диплом получила. Неоднократно устраивал ее на работу, нигде дольше двух недель она не задержалась. Спрашиваю, почему она снова баклуши бьет, отвечает: «Скучно. Бумаги писать нудно. Вокруг одни дуры. Вставать надо рано». Чем она занимается? Носится по магазинам. От ее вещей в доме уже деваться некуда. И ладно бы она их носила. Так нет! Притащит гору пакетов, бросит у входа. Горничная их в гардеробную унесет, шмотки развесит, и все! Полагаю, девчонка не помнит, какие обновки имеет. Я решил Наталью приструнить. Ограничил лимит по карточкам.

Загорский махнул рукой и замолчал. Я решил приободрить несчастного отца:

– Пройдет несколько лет, и ваша дочь образумится. Она просто пока не понимает, что ей интересно. Когда любимое дело найдется, девушка в шесть утра с кровати соскочит.

– Ей хорошо за двадцать, – хмуро сообщил Максим Петрович. – Пройдет пара лет, и будет она тридцатилетней бабой. Насколько я понял, вы сначала работали секретарем у детектива Элеоноры, а после ее кончины унаследовали бизнес, успешно ведете дела^[3]. Вам нужны клиенты?

– Конечно, они мой заработок, – ответил я, – но, в отличие от полицейских, я не могу заниматься сразу двумя-тремя-десятью расследованиями. В агентстве всего два работника, я, владелец, плюс мой помощник Борис. Не собираюсь расширяться. Вполне доволен малым бизнесом.

– Но еще один сотрудник вам не помешает, – подчеркнул Максим.

Я ощутил, как в кармане завибрировал сотовый, но не вынул его.

– Согласен. Сам думал на эту тему. Однако работнику необходимо платить, а состояние моего кармана пока не позволяет это делать.

Я замолчал. В особенности не позволяет сейчас, когда кредитка, вся

мокрая от слез жабы, сохнет в кошельке.

Максим Петрович убрал из голоса сладость:

– У меня предложение. Возьмите на службу Наталью. Буду переводить деньги дочери, вы ей скажете, сколько она станет получать. Более ни копейки ей не дам. Пусть учится экономить. Только не говорите, что зарплата от меня.

Я ожидал чего угодно, кроме такого поворота беседы.

– Максим Петрович! Я понимаю вашу тревогу о дочери, желание приучить ее к труду. Но что мне прикажете с ней делать? На ресепшен посадить? Так стойки у меня нет.

У Загорского дернулось веко.

– Один мой приятель, крупный издатель, лет пять-шесть назад вручил Нате подборку произведений Милады Смоляковой. Теперь девочка – ее страстная поклонница. Нет, безумная фанатка. – Загорский на минуту замолчал, а потом заговорил вновь: – Не хочу обсуждать книги литераторши, не страдаю снобизмом. Я обрадовался, что Ната хоть чем-то увлеклась. Пусть лучше ерунду читает, а не по магазинам носится. Год назад, когда дочь в очередной раз со службы турнули, я сурово потребовал: «Наталья! Определись. Если не способна трудиться, принуждать не стану. Не каждая женщина ощущает тягу к работе. Иди под венец, реализуйся, как мать, жена, занимайся детьми, супругом, хозяйством».

Она ногами затопала:

– Фу-у! Никаких памперсов.

Я вышел из себя:

– Чего же ты хочешь? Просто тратить мои деньги?

Наталья неожиданно ответила:

– Мечтаю стать детективом. Это мое призвание.

Глава 8

Я кашлянул:

– Не отношусь с презрением к женским детективам, у них широкая читательская аудитория. Раз есть спрос, должно быть и предложение. Но при всем моем уважении к титанической работоспособности госпожи Смоляковой должен заметить: реальная жизнь сильно отличается от ее романов.

Максим Петрович оперся ладонями о свой помпезный стол.

– Так я и объяснил Наташе. Но она настаивала. Я связался со Смоляковой, попросил ее взять дочь к себе секретарем, пиар-агентом, кем угодно. Она в вежливой форме отказала. Два больших детективных агентства не согласились дочь даже на ресепшен посадить, хоть я обещал сам зарплату секретарю перечислять. Вся надежда на вас. Пожалуйста. Будьте добры.

Я молчал, подыскивал причину, чтобы отказать приглубить воровку, и, наверное, не уследил за выражением лица, на котором отразились мои мысли.

Бизнесмен их считал.

– Иван Павлович, долго Наталья у вас не прослужит. Она лентяйка. Встанет пару раз в девять утра, чтобы на работу успеть, и надоест ей Шерлока Холмса из себя корчить. Конечно, я надеюсь, что дочь увлечется, захочет в сыском бизнесе, как ваша Элеонора, заправлять. Но знаю, когда и чем завершится ее детективная история. Окажите мне услугу. Жизнь длинная, я могу вам понадобиться, у меня большой круг общения, многие люди мне обязаны...

– Разрешите вопрос? – остановил я Загорского.

– Слушаю, – ответил тот.

– Во время нашей беседы в магазине Наталья сообщила, что она дочь Владимира Коркина, а вы отчим, – сказал я. – Это так?

Загорский поморщился:

– Моя жена Елизавета... Ну... в каждой семье есть свои нюансы. Когда мы с Лизой познакомились, она училась в институте. В юности чувство вспыхивает сразу, так и у нас вышло. Глупые, безголовые парень и девушка поддались страсти. Елизавета забеременела, я ей тут же предложил пойти в загс. Она почему-то отнекиваться начала, говорила о мечте надеть белое платье, устроить красивую свадьбу. «Вот рожу, и

устроим торжество». Но меня воспитывала мать, которая вложила в мою голову понятия о чести и морали. Матушка вовсе не обрадовалась решению сына создать в юном возрасте семью да еще обзавестись ребенком. Но делать-то нечего. Елена Николаевна решила сама поговорить с Лизой, однако та придумывала разные поводы, лишь бы не встречаться с будущей свекровью. Я решил, что ей стыдно за секс до брака. В те годы я еще не был жестким, боялся обидеть Лизу. Сейчас, вспоминая эту историю, поражаюсь собственной глупости. Только идиот мог не заметить странностей. Лиза говорила, что живет с отцом, который велит ей приезжать домой не позже девяти. Поэтому мы встречались днем в среду и четверг, когда папенька Елизаветы читал лекции студентам, он был профессором в вузе. Я сам тогда еще жил с мамой, первые деньги заработал позднее. Состояние мне прямо на голову свалилось, я первым в России додумался одним бизнесом заняться, снял все сливки. Потом затеял другой проект, третий, ни разу не прогорел, не попал в тюрьму. Мне всегда везло в работе. А вот с семьей... Месяца за три до Лизиных родов я стал беспокоиться. Надо искать клинику, врача, покупать приданое для ребенка. Лиза отмахивалась:

– Времени полно, у папы есть знакомые.

Но я считал себя мужчиной и один раз ответил ей:

– Ребенок мой. Ответственность всегда на отце лежит. При чем тут твой папаша?

И вдруг! Лизавета вскочила, швырнула в меня пустой стаканчик (мы в парке сидели, она мороженое ела), потом с криком:

– Раз ты не уважаешь мою семью, прощай! – убежала.

А я тоже с гонором. Не поспешил за ней. Неделю Лизу не видел. Мобильных в те годы не было. Елизавета боялась отца, который запрещал ей с мальчиками гулять, поэтому дала мне телефон своей бабушки, я ей звонил, говорил:

– Максим Загорский беспокоит, попросите Лизу позвонить.

И через какое-то время в нашей квартире оживал аппарат. Семь дней я крепился, на восьмой соединился с бабушкой Лизы, а та вдруг сказала:

– Забудь мой номер.

Я растерялся:

– Мне очень Лиза нужна.

Старуха буркнула:

– Нет ее тут!

Я ничего не понял, засыпал бабку вопросами, та вдруг сказала:

– Хочешь чего узнать про Лизку? Приезжай. Заплатишь деньги,

расскажу. Ничего не дашь – не услышишь правды.

И что открылось? Мария Львовна на самом деле была бабкой Лизы. Родная мать девушку из дома в пятнадцать лет выгнала, потому что ее сожитель к дочери приставать начал. Лиза перебралась к бабке. Через год она обзавелась женихом, пятидесятилетним Владимиром Петровичем Коркиным, профессором, который недавно овдовел, и переселилась к нему. Едва Елизавете стукнуло восемнадцать, преподаватель на ней женился. Когда я звонил, бабушка набирала номер внучки, та ей за эту услугу приплачивала. А хитрованка вскоре соединялась с наивным Максимом.

Загорский оттянул узел галстука.

– Только поговорив со старухой, я сообразил, почему Лиза спешила вечером домой и по какой причине утверждала, что дома у нее нет телефона. Через несколько дней я нашел настоящий адрес обманщицы и заявился к ней. Не стану приводить весь наш разговор, суть его, по версии Елизаветы, такова. Профессор соблазнил ее, малолетнюю. Он много зарабатывает, щедр. Лиза с ним живет из-за денег, по элементарному расчету. Любит она меня, но: «Милый, ты нищий. Володя скоро умрет, у него уже три инсульта было. Вот стану законной наследницей, и тогда мы распишемся». Я ушел, хлопнув дверью, решил никогда более с вруньей не видаться. И быстро разбогател. Через пару лет Елизавета возникла на пороге моих апартаментов с маленькой девочкой на руках. Обманщица на колени упала, помощи просить стала. Оказалось, Коркин умер и выяснилась правда. Профессор давно подарил и квартиру, и машину, и дачу двум своим дочерям, о которых Лиза даже не слышала. А они, узнав, что папа-вдовец живет с пятнадцатилетней Лолитой, обозвали его педофилом и разорвали с ним отношения. Лиза помчалась к адвокату, тот развел руками: жене ничего не положено, потому что муж не имеет никакой собственности, все раздарено еще до брака с ней. Елизавета имеет право лишь на часть вклада в банке, деньги разделят между второй женой, ее ребенком и дочерьми от первого брака. Вот только денег там курица плюнула, почти ничего нет. Где профессор хранил накопления, молодая супруга не ведала, дочки его ее с малышкой мигом выперли вон. Прописана Лиза была у бабушки. Коркин ее в своих хоромах не регистрировал, говорил: «Мария Львовна скоро умрет, получишь ее апартаменты без хлопот. Войдешь в права наследства, как проживающая на квадратных метрах, налог платить не потребуют. А потом я тебя пропишу».

Но бабка скончалась после Владимира, сразу после поминок в квартиру въехала непутевая мать Елизаветы, которая тоже там была прописана, и какой-то ее очередной мужик.

Короче: «Максим, пусти погреться, хочется кушать так, что надеть нечего и переночевать негде».

– Печальная история, – не выдержал я. – Вы поверили Елизавете?

Загорский сложил руки на груди.

– Она была невероятно хороша собой. Люди вслед Лизе на улице оборачивались. Что фигура, что лицо, глаз не оторвать, а я был молод. Но все-таки уже кое-чему научился, поэтому ответил: «Пусть анализ подтвердит, что Наташа моя родная дочь». С ребенком оказалось без обмана. Я был ее отцом. Пришлось удочерить Нату. Но первые годы у нее в метрике значилось Наталья Владимировна Коркина. Лиза, увы, рано погибла, я ребенка один воспитывал. В четырнадцать лет, когда дочь, несмотря на ораву мамок-нянек, от рук отбилась, я определил ее в закрытый интернат для проблемных детей из обеспеченных семей. Там были строгие порядки. Через месяц я приехал ее навестить, надеялся, что Ната в слезах прибежит, начнет проситься домой, пообещает изменить свое поведение... Но она объявила:

– Знаю теперь, почему ты меня ненавидишь, я твоя падчерица. Мой родной любимый папочка Владимир Коркин умер.

Уж не знаю, кто девочке «правду» сообщил. Елизавета на тот момент давно скончалась. Рассказывать подростку о странном поведении матери не хотелось, да она и решила бы, что я нарочно ту черню. Но ситуация требовала объяснения, я очень аккуратно все рассказал, однако Наталья мне не поверила. Только хуже себя вести стала. Ее выгнали из интерната для проблемных детей, позвонили мне со словами: «Ваша дочь Наталья дурно влияет на наших воспитанников». Забыли только упомянуть, что учащиеся там все с душком, моя дочка не самая плохая. Не скрою, подростком она была трудным. В магазинах воровала, потом перестала. Я удивился, когда она мне позвонила из бутика Занавесина. Думал, это ее хобби в прошлом. Иван Павлович! Давайте поговорим о гонораре, который вы получите, если возьмете мою непутевую девчонку на работу. Все-таки я имею слабую надежду на ее исправление. Так как, Иван Павлович? Очень прошу. Помогите.

– Хорошо, – согласился я. – Но у меня тоже есть небольшая просьба. Пусть Наталья не пользуется духами «Ночь восточной луны». У меня на них аллергия.

Загорский поморщился:

– Самого от их запаха переклинивает. Уже говорил ей: «Смени парфюм. Невозможно дышать просто». Она ответила, что я вечно к ней придираюсь, всего один раз прыскается, а я выдумываю про нестерпимую

вонь. Но ради работы у вас Наталья мигом духи выкинет.

Глава 9

Борис встретил меня словами:

– Я все узнал про Шмидта.

– Отлично, – похвалил я помощника и сел за стол. – Не откажусь от чая с кексом, который на буфете стоит.

– Утром испек, – отрапортовал помощник, отрезая кусок, – с вишней. Роберт Германович Шмидт. Его можно назвать примерным середняком. В школе у него были одни четверки, пятерка только по поведению. Ничем не выделялся из толпы: не пел, не плясал, ни в каких кружках не занимался. Я нашел в Интернете фотоальбом, который дарили выпускникам его класса. Один из бывших одноклассников его на своей странице выставил. Там снимки детей и педагогов, которые их учили. Под каждым фото небольшой рассказ. Сейчас продемонстрирую.

Борис открыл ноутбук.

– Вот, например, Егор Икин. О нем сказано: «Наш лучший певец, участник всех школьных концертов. Любит рыбок, сделал в кабинете биологии аквариумы и ухаживал за ними. Хочет испытывать самолеты. Гоша, мы верим, у тебя все получится». Катя Варина. «С первого класса говорила: «Стану хирургом» – и твердо шла к своей цели. Занималась в кружках биологии и «Оказание первой помощи», постоянный победитель всех олимпиад по анатомии, с восьмого класса училась в «Школе юного врача» при мединституте. Золотая медалистка. Катя, нам нужен свой врач. Через шесть лет жди всех нас на приеме». Вера Лабрисина. «Верочка прекрасно готовит, ее многоэтажные торты потрясающе как внешне, так и на вкус. Вера решила освоить профессию кондитера, она подаст документы в кулинарный техникум. Еще она занималась в кружке танцев, рисования, пела в хоре. У Лабрисиной очень много друзей, и всем, конечно, нужны красивые тортики. Верочка, когда ты победишь на конкурсе «Лучший «Наполеон» мира», не забудь Ингу Федоровну, преподавателя домоводства, которая тебя в третьем классе научила яблочную шарлотку печь».

Борис поводил мышкой по коврику.

– Теперь о нашем герое. «Роберт Шмидт. Очень хороший мальчик. Учился всегда на четверки. Желаем ему найти любимое дело». Ну как?

– То ли ребенок был настолько неприятен, что о нем не захотели доброго слова написать, то ли он вообще ничем не интересовался, – резюмировал я.

– А может, и то, и другое, – уточнил Борис. – Отец у парня был военным строителем, мать нянечкой в яслях. Жили в коммуналке. После получения аттестата Роберт пошел в институт учиться на взрывотехника. Три года осваивал профессию, потом перебрался в том же вузе на финансово-экономический факультет.

Я удивился:

– Поменял кардинально будущую профессию?

Борис начал стучать по клавишам.

– У студентов была большая практика. Три года подряд на летних и зимних каникулах Роберт трудился на разных стройках. Будущих взрывотехников не щадили, заставляли работать без отдыха. Небось Шмидт сообразил: не такая уж это сладкая профессия – бегать постоянно по жаре-холоду или в туннеле сидеть. В банке намного теплее, уютнее и работа нормированная, по звонку домой. На строительстве же вечный аврал, там и ночью пахать придется. Уж не знаю, как Роберту удалось перевестись, но он осуществил задуманное, досдал кучу экзаменов, зачетов и в конце концов получил диплом финансиста.

Я отрезал еще один кусок кекса.

– Эмма сообщила, что мужа заподозрили еще и потому, что он проходил воинскую службу как взрывотехник. У него в документах это указано, но в реальности парень в денщиках у генерала состоял. Ни слова про три года обучения работе с динамитом жена не сказала.

Борис показал на экран:

– После получения диплома Шмидта призвали в армию. И на самом деле в документах указано, что он осуществлял взрывработы на строительстве мостов. А что было в реальности, неизвестно. Генерал мог его в слуги взять. Или жена привирает. Или она правды не знает. Вернувшись к гражданской жизни, наш середняк расписался с Эммой, устроился в банк «Росоно», работал там простым кассиром, затем дорос до должности клерка в отделе. Через несколько лет перешел в «Крос» на лучшую зарплату и вакансию чуть повыше. Так там и сидел. Замечаний не имел, но и особых успехов тоже. В банке каждый начальник отдела раз в год подает наверх характеристики на своих подчиненных. Доклады о Шмидте как под копирку: «Не опаздывает на работу, выполняет задания в срок. Бюллетень не брал. Не отпрашивается по семейным обстоятельствам. Не пьет, не курит».

– Сплошные «не». Идеальный работник, – заметил я.

– Есть и иные «не», – возразил Борис. – «Не инициативен, не генерирует интересных идей. Участвует в корпоративных мероприятиях, но

всегда уходит первым. Замкнут. Не имеет друзей в коллективе, кроме Стеллы Григорьевой, завдепозитарием. Часто обедает с ней, но не в столовой банка. Пара на перерыв уходит. Иногда их видят оживленно беседующими в холле первого этажа». Напротив инфы о Стелле поставлен красный флажок. Похоже, Шмидта подозревали в прелюбодеянии. Но более ничего предосудительного не отметили. Они просто вместе обеды. Отдел безопасности прекрасно знает, в каких помещениях сотрудники могут предаваться любовным утехам, в случае Стеллы это приемная, примыкающая к ее кабинету. Туда приходят VIP-клиенты отдела ячеек. Перед кабинетом нет секретаря, потому что посетители хотят сохранить инкогнито. О, наивные люди. Банк на своем сайте гордо заявляет, что в целях безопасности видеонаблюдение ведется только в операционных залах, на входе, на парковке. И любой клиент может попросить обслужить его в кабинке, где камер нет. «Недреманное око» отсутствует также в туалетах, во всех VIP-зонах, в подвале с ячейками.

– Предполагаю, что это ложь, – вздохнул я.

– Конечно, – согласился Борис. – Каждый уголок тщательно изучается. Но Роберт никогда в приемную Стеллы не входил. Теперь о Григорьевой. Вот тут интересная штука. Стелла – дочь Веры Федоровны Григорьевой, первой жены олигарха Максима Петровича Загорского, отца Натальи, которую вы на работу взяли.

– Погодите, – остановил я помощника, – только что я беседовал с Загорским. Он мне рассказал историю в духе индийского кино про то, как полюбил Елизавету Коркину, сделал той, уже беременной, предложение, и оказалось, что она замужем за немолодым профессором. В конце концов Лиза и Максим стали мужем и женой. Ни про какую Веру Григорьеву Загорский не упоминал.

– И тем не менее она есть, – возразил Борис. – Брак длился менее года. Сразу после свадьбы, чуть ли не в первую брачную ночь, молодая забеременела. Через семь месяцев на свет появилась недоношенная девочка. Вес – три восемьсот, рост пятьдесят пять сантиметров.

– Образцово-показательный недоносок, – восхитился я.

– Похоже, Максим тоже пришел в восторг, – усмехнулся Борис. – Он сделал анализ и выяснил: вероятность его отцовства почти нулевая. Невеста выходила замуж, будучи беременной от другого. Не новая идея прикрыть обручальным кольцом грех. Объясняю, почему бизнесмен не сообщил вам о первом браке. Он не разводился, добился аннулирования союза. Привел в суд свидетелей, которые поклялись, что брачных отношений толком не было. Вера спала с Максимом до загса, но это не

считается, штамп тогда в паспорте не стоял. А после свадьбы жена плохо себя чувствовала, интима ни разу не было, совместное хозяйство они не вели. И... эне, бене... Вычеркнули из жизни загс и свадьбу. Аннулирование не развод. Бывшая супруга не имеет ни на что права. Адвокат, которого нанял Максим, наверное, не получал больших гонораров, у Загорского тогда еще денег не было. Но он прошерстил биографию Григорьевой. Вера служила в гостинице на ресепшен. Адвокат представил свидетелей из служащих отеля, которые рассказали, что девушка любила покутить, выпить, задерживалась в номерах постояльцев, но ей даже пальцем не погрозили, потому что отец разнузданной красотки был управляющим этого отеля. Когда он внезапно умер, дочь мигом выставили за дверь. Она куда-то делась, потом пошла в загс с Максимом. Услышав такой доклад, судья вынесла решение об аннулировании брака. После разрыва Вера жила со Стеллой. Чем она занималась, не известно, сведений о месте ее работы нет. Прописана всю жизнь в одном доме в Каевом переулке, шесть. Четырехкомнатные кооперативные апартаменты когда-то построил ее отец. Через пару месяцев после аннулирования брака Вера сменила жилье, спустилась в том же подъезде с пятого этажа на первый. Теперь у нее была однушка, окна которой выходили почти на тротуар. Григорьева умерла два года назад.

Стелла окончила школу золотой медалисткой. Ни одной четверки за все годы обучения. И в вузе была первой. На втором курсе попала на практику в «Крос», очень понравилась местному руководству. Студентке предложили маленькую должность. Стелла перевелась на вечернее отделение, после защиты диплома ее быстро повысили. Карьеру Григорьева делала стремительно. Отлично ладила с людьми, на посту начальника депозитария завоевала любовь клиентов, нашла подход к самым капризным и нетерпимым. Взяла в своем банке ипотеку под низкий процент, купила трехкомнатную квартиру, продала родительскую однушку в центре, оплатила большую часть займа. У Веры пять лет назад отказали ноги, она села в коляску. Стелла определила мать в очень дорогую клинику, оплачивала все ее расходы. В городе колясочнику тяжело, гулять ему одному не выехать. А Вера спокойно выгуливалась в парк, получала отличное питание, массаж, врачей. Стелла была хорошей дочерью, она любила мать. У девушки, наверное, существовали амбициозные планы в отношении карьеры. С Робертом, на мой взгляд, никаких точек соприкосновения нет. Полярные личности. Почему они вместе обедать ходили – загадка. Думаю, Стелла – сопутствующая жертва при ограблении. Оказалась не в том месте, не в тот час.

Нашу беседу прервал звонок домофона.

Глава 10

Борис вышел, я взял очередной кусок кекса, Демьянка положила голову на мои колени и преданно заглянула мне в глаза.

– Нет, – возразил я, – уверен, что ты завтракала, ужинала...

Псина тихо заворчала, речь ее с собачьего языка явно переводилась так: «Иван Павлович, вы сами-то сколько раз чай с вкуснятиной пили? Кружечек пять опустошили, да с кексиком. А мне одна жалкая банка консервов за весь день досталась, и конец фейерверку? Несправедливо это. Горько и обидно». Кто-нибудь может спокойно наслаждаться выпечкой, когда рядом с шумом сглатывает слюну животинка с таким видом, словно она даже не нюхала провианта со времен входа Наполеона в Москву?

Я отломил кусок кекса и протянул попрошайке.

– Только ешь быстро. Борису это точно не понравится.

Демьянка схватила угощение, ее пасть захлопнулась, как пустой чемодан. Собака опять положила голову мне на руку. Я погладил вечно голодную подругу по макушке, потянулся к сыру и невольно рассмеялся. Прошли те времена, когда я опрометью бегал мыть руки, потрогав Демьянку. Зачем постоянно совершать омовение? Собака чистая, привитая, здоровая. Я давно перестал считать ее грязной. А потом... Осенью, когда еще не начался отопительный сезон, в квартире становится холодно, в особенности неприятно ложиться в постель, которая напоминает болото: сыро и зябко. Борис пытался засунуть мне под одеяло грелку, но я запротестовал. Когда ноги натыкаются на теплый предмет во фланелевом мешке, я чувствую себя столетним старцем, персонажем из романов Диккенса. В голову закрадывается мысль: вскоре мне понадобится колпак на голову, вязаная шаль на плечи, валенки, я перестану бриться... эдак и до памперсов недалеко. Ну уж нет. Лучше потерплю холод. Но однажды вечером, когда я мирно читал перед сном труд Блаженного Августина о ношении вериг^[4], по телу разлилось приятное тепло. Сначала я просто обрадовался тому, что исчезла ледяная сырость. Потом удивился, посмотрел под одеяло и увидел, что, несмотря на строгий запрет, Демьянка залезла на кровать и затаилась возле моей ноги. В первую секунду я хотел выгнать нахалку, сменить белье... Но пробило полночь, Борис спал, где в доме хранятся простыни и иже с ними, я не знаю. И мне стало так уютно, тепло... Я зевнул и заснул. После того раза Демьянка спит со мной. Летом, правда, от нее жарко, несколько раз я выгонял нахалку с постели, она

уходила, садилась на мои тапки и принималась громко рыдать. Собачьи стенания действуют на мои нервы разрушающе. Теперь я ее не выгоняю из-под одеяла, единственное, что мне не нравится, – это видеть утром на подушке собачью морду.

– Иван Павлович, – сказал Борис, появляясь в комнате, – пришла дама.

– Я никого не жду, – удивился я.

Секретарь понизил голос до шепота:

– Она не к хозяину детективного агентства.

– А к кому? – не понял я. – К вам?

– К гадалке, графине д'Адиле, – выпалил мой помощник. – Ей назначено на семь. Дама с мадам Николеттой сегодня договорилась. Сообщила, что...

Секретарь сел к ноутбуку и поводил мышкой.

– О! Посетительница сказала правду. Сайт «Лучшие гадалки Москвы». Слушайте текст: «Если хотите узнать свою судьбу и что ждет вас в ближайшее и отдаленное время, выяснить свою цель в жизни, создать семью, родить детей, получать миллион в месяц, видеть, как исполняются ваши желания, гибнут враги, похудеть, помолодеть, стать звездой, смотрите наш рейтинг гадалок. Все они обладают ярким экстрасенсорным даром, умением вляпываться во Вселенную»...

Я рассмеялся:

– Прелестное сообщение. А выражение «вляпываться во Вселенную» в особенности хорошо.

– Рейтинг гадалок посмотрите, – попросил Борис. – Кто там под первым номером?

– Графиня Николетта д'Адиле, – озвучил я, – потомственная ведунья. Чтение по руке. Распорчивание навсегда, убирание венцов холостячества и ожирения. Князя д'Адиле на протяжении тридцати веков занимались хиромантией, кармизмом... М-да! Николетте нужно определиться, графиня она или княгиня.

– Эй! – закричал из прихожей визгливый голос. – Долго мне тут тухнуть, а?

– Ступайте в холл, займите даму чем-нибудь, – велел я секретарю.

Борис убежал, а я набрал телефон Николетты.

– Вава! – закричала маменька. – Наконец-то я сумела с тобой соединиться.

Сообщать Николетте, что это я ей позвонил, не стоило.

– Привез покупки? Немедленно дуй в гостевую. Сделай там все как на фото, быстро, клиентка едет, я появлюсь через пять минут, сразу начну

гадить, то есть гадничать, фу! Гадалить! Вава, очнись, не спи, живо беги. Эй, ты где? – на одном дыхании выпалила графиня-княгиня Адилье.

– Внимательно тебя слушаю, – ответил я. – Есть вопрос: почему ты решила гадить, гадничать, гадалить или просто гадать?

– Чепуха потом, – взвизгнула маменька, – сначала дело. Ускорься! Не жуй, как обычно, свой галстук.

– Клиентка уже тут, – сообщил я.

– Вава! Немедленно свари ей... Нет, Бориса! Срочно! Сюда. Ко мне.

– Адрес скажи, – попросил я.

– Чей?

– Места, где ты находишься.

– В твоём дворе!

– Сейчас Борис спустится.

– Зачем?

– Ты же приказала ему срочно идти к тебе.

– К телефону! – взвыла маменька. – За что мне первый муж неповоротливый умом достался? А сын весь в папашу! Горе мне, горе! Немедленно дверь отворите! Явлюсь вам!

Домофон стал издавать серию гудков, спустя пару мгновений голос Николетты заполнил всю квартиру:

– Дорогая... э...

– Таня, – ответила не званная мной гостья.

– Душенька, – сладко запела маменька, – я задержалась немного, обескармливала лестницу, за вами тащился жирный хвост отрицательной энергии. Сюда, сюда!

В гостиную проник тонкий запах дорогих французских духов, за ним всплыл жуткий ванильно-карамельно-медовый аромат, и появились обе дамы.

Николетта включила светскую даму:

– Дорогая Маня, присаживайтесь, познакомьтесь, мой клиент барон Иван Подушкин.

Делать нечего, я встал и поклонился:

– Очарован знакомством, Татьяна.

Тетушка в платье из бордового искусственного велюра кивнула:

– Верно, я Таня, а не Маня.

Наивная! Она полагала, что Николетта смутится, извинится... Ан нет! Маменьку щелчком из седла не выбить.

– Таня вы по паспорту, – пропела она, – а Маня для того, чтобы порчу снять. Любезный друг, князь, вы отлично ориентируетесь в гадальном

кабинете, попросите моего секретаря Бориса сварить особый напиток.

Так я барон или князь? Я подавил смешок и встал:

– Конечно. А он знает, о чем речь?

Маменька прищурилась, открыла рот, но вовремя вспомнила, что я ей не сын, а князь-барон, и пропела:

– Естественно. Он его еще графу Сен-Жермену готовил. И, мой дружок, барон, заберите свои вещи из гадлючей комнаты.

Я вышел в коридор и увидел секретаря с телефоном в руке.

– Ваша маменька прислала мне странное сообщение на ватсап. «Шерсть от Вавы, листья зеленые любые, запах вашей дворняги, какао, ряженка, минералка. Яйцо сырое, соль, перец, любых специй побольше, черные чернила Вавы, горчица. Маленькое белое полотенце. Смешать, вскипятить, настоять двадцать три часа и немедленно нести. Должно быть готово через пять минут. Комнату оборудовать, как на фото. Живо».

Борис закончил декламировать бред.

– Что это? Настаивать двадцать три часа, но подать прямо сейчас? И как все успеть?

– Помогу вам, – пообещал я. – Ступайте к плите, а я займусь гостевой.

И тут снова ожил домофон, не удосужившись посмотреть на экран, я нажал на клавишу, потом открыл дверь. На пороге стояла магазинная воровка Наташа.

– Добрый вечер, – вежливо произнесла она. – Папа сказал, что вы меня берете детективом-стажером.

Борис потупился, а я несказанно обрадовался:

– Отлично, но сначала сдайте экзамен на скорость. Сейчас вам Борис... э...

– Сергеевич, – подсказал секретарь.

– Пришлет фото, вон там пакеты и картонный ящик, – показал я. – Необходимо за пять минут преобразить комнату. Сделать ее точь-в-точь такой, как на снимке.

– Это невозможно, – заскулила Наташа, – только распаковывать пакеты придется час.

– Тогда вы нам не подходите, – отрезал я. – Нам с партнером не нужны те, кто, ничего не сделав, заявляет: «Это невозможно».

Ната кинулась к моим покупкам.

– Борис Сергеевич, какую комнату надо оборудовать? Только покажите.

Глава 11

– Есть задания, которые невозможно выполнить, – тихо сказал Борис, когда мы с ним вошли в кухню. – При всем желании человек не может освоить игру на скрипке за один день.

– Но хоть какие-то звуки из нее он извлечет, – усмехнулся я. – А для некоторых людей «пиликанье» уже музыка.

Борис открыл шкафчик.

– Иван Павлович, вы назвали меня партнером, но я ваш секретарь на окладе.

– Намеренно солгал. Наталья с гонором, еще сочтет вас равным себе и начнет дерзить. А с компаньоном владельца агентства она будет вести себя уважительно, – объяснил я.

– Спасибо, – поблагодарил помощник.

Я улыбнулся:

– В моем классе учились мальчик Кирилл и девочка Маша. Их мамы дружили с детского сада, считали себя сестрами, дети тоже росли вместе, были очень близки, учились на «отлично», в дневниках стояли косяки пятерок. Но Кирюша был тихий, спокойный, вдумчивый, любил на переменке посидеть или у окна помечтать, в драки не лез. А Маша была огонь, веник на реактивной тяге. Она носилась по коридорам, как на метле летала, успевала одновременно оказаться в пяти местах. Наши ребята ее побаивались, потому что получить от белокурой, голубоглазой, ангелоподобной девочки кулаком в глаз ничего не стоило. Кирюше от лучшей подруги по сто раз на дню доставались зуботычины, Маша его постоянно воспитывала, заставляла делать все быстро и называла «Моя большая черепаха». Однажды к нам в класс пришла новенькая ученица Катя Иванова, на редкость, как потом выяснилось, противная девица. В девять лет уже готовая интриганка. Катя выбирала кого-то из детей и методично доводила жертву до бешенства. Делала ученику гадости, говорила ему неприятные вещи. Один раз в присутствии толстой неповоротливой двоечницы Ани Катерина громко заявила: «Мне мама не разрешает конфеты есть, от сладкого делаешься жирной и страшной, мозг зарастает салом, поэтому плохо учишься. Все, кто много весит, уроды и дураки». Аня с размаху стукнула Иванову, та зарыдала, побежала жаловаться учительнице. Наказали... Аню. Катя-то не с ней беседовала, просто вслух рассуждала. Понимаете, как действовала подлая девчонка?

Как-то раз Иванова принялась «щипать» Кирюшу, хотела довести тихоню до драки. Но она не подумала про Машу. В тот день, когда Иванова начала исподтишка издеваться над Кириллом, Маша подстерегла ее после уроков в парке, запихнула голову Ивановой в урну для мусора и произнесла фразу, которая вошла в золотой лексический запас одноклассников: «Кирюшу могу обижать только я, остальные окажутся мордой в дерьме».

Борис вынул из шкафчика миску.

– Такие девочки мне нравятся.

Я посмотрел на него:

– К чему я пустился в воспоминания? А к тому, что хотел перефразировать программное заявление Маши: «Бориса могу обижать только я».

– Спасибо, Иван Павлович, – сказал секретарь, – но вы не способны причинить мне зло.

– Давайте варить чудовищный напиток, – сменил я тему. – Какие ингредиенты нужны?

Секретарь кашлянул:

– Простите, конечно, первой в списке указана «шерсть от Вавы».

Я хмыкнул:

– У меня ее нет!

– Ваша маменька, очевидно, имела в виду прядь волос, – предположил помощник.

– Стригусь коротко, – возразил я, – локоны на плечи не падают.

– Давайте просто выщипнем один волосок, – предложил Борис, – его хватит.

– Полнейшая глупость, – возмутился я, – не верю я ни в какие зелья. Николетта только сегодня утром вознамерилась стать гадалкой. Ее рецепт чушь!

– Согласен, – кивнул Борис. – Но что будет, если ваша маменька решит проверить, точно ли соблюден рецепт?

Я наклонил голову:

– Выдерживайте.

Далее приготовление смеси покатило как по маслу. Сырое яйцо, соль, чернила и все прочее быстро смешалось в миске. Небольшие трудности возникли с запахом собаки, но мы решили, что сидящая около нас Демьянка широко распространяет свой аромат, и успокоились.

– Маленькое белое полотенце, – прочитал я в конце концов.

– Хватит этой салфетки, – деловито заявил Борис и начал кромсать ткань ножницами.

– Что вы делаете? – грозно спросила Николетта, врываясь на кухню. – Какого черта лоскуты режете?

– Так в рецепте указано, – пояснил я, – сейчас...

– Вокруг меня одни идиоты! – разбушевалась Николетта. – Полотенце нужно для процедуры снятия порчи! Яйцо и чернила тоже!

– Но в рецепте написано... – начал я.

– Ты закончил литературный институт, а читать не умеешь! – всплеснула руками маменька. – Ясно написано: «Конец составляющим. Еще необходимо полотенце, яйцо и так далее».

Я показал разгневанной госпоже Адилье телефон:

– Таких слов здесь нет.

Маменька уперла руки в бока:

– И что? Они подразумеваются. Это же всем понятно.

Борис поднял руку:

– Разрешите вопрос?

– Ну? – грозно ответила маменька. – Что еще?

– Настаивать двадцать три часа и нести немедленно, – зачастил секретарь, – следует ли мне приготовить постель для вашей... э... пациентки?

– С какой стати? – изумилась маменька.

– Э... почти сутки ей придется ждать, – проблеял Борис.

– Чушь! Глупость! Научитесь читать наконец, – пошла в разнос Николетта, – двадцать три секунды.

Я опять протянул ей трубку:

– Но тут написано «часа», а не «секунды».

Николетта закатила глаза:

– Даже безумному младенцу ясно, если в тексте указано: двадцать три часа, это следует понимать, как двадцать три секунды! Переделайте живо, надеюсь, комната готова, мы идем!

Спустя короткое время мы с Борисом вошли в гостевую. Я замер на пороге, не веря своим глазам. Из комнаты исчезли все мелкие детали интерьера, зато появились странные вещи, приобретенные мной у Ньюки.

– Садитесь, дорогая, – скомандовала Николетта, вводя в гостевую Таню.

Клиентка послушно направилась к стулу, маменька приблизилась ко мне и зашипела:

– Нет совы в клетке и черного кота! Немедленно достать.

Я не успел открыт рот, как Наташа со словами «Ща притараню» исчезла за дверью.

Маменька обратилась к Татьяне:

– Маня! Вам надлежит громко произнести ваше желание. А я с помощью гаданического обряда сделаю вас полностью и навсегда счастливой.

Посетительница, бряцая золотыми цепями и бесчисленными браслетами, заорала:

– Хочу, чтобы мой муж бросил свою дуру и вернулся домой. Вот прямо сразу! Через секунду!

– Хорошо, – кивнула маменька и показала ей куриное яйцо: – Какого цвета скорлупа?

– Белая, – ответила Татьяна.

Маменька положила яйцо на голову даме и начала катать его по ее макушке, бормоча что-то себе под нос. Мы с Борей стояли молча. Я чувствовал себя полным идиотом. Судя по лицу секретаря, его обуревали те же мысли.

– Уходи, порча! Приходи, муж! – выкрикнула Николетта с такой силой, что Демьянка, взвизгнув, забилась под диван.

Маменька схватила чернильницу, кисть, в одно мгновение измазала руку Татьяны, сунула ей в ладони яйцо и велела:

– Аккуратно сожмите его, смотрите, не раздавите.

За дверью раздалось мяуканье, створка приоткрылась, в комнату влетел черный, тощий, грязный котенок. Он вмиг вскарабкался по занавеске до карниза и повис на шторе, издавая душераздирающие звуки.

– Порча уходит, – торжественно объявила Николетта. – Где сова? Она должна зарезать злой наговор соперницы.

Мое богатое воображение вмиг нарисовало картину: невесть откуда прилетает сова, в ее лапах зажат кинжал. Она нападает на бедного кота, которого Наташа оперативно поймала во дворе...

Я потряс головой. Слава богу, это невозможно. Где Наталья найдет ночную птичку? Кошка отыскать не так уж трудно, но совы по Москве стаями не летают.

Дверь скрипнула, медленно открылась... Борис перекрестился:

– Матерь божья!

Я повернул голову и увидел, что в гостевую медленно входит... филин ростом с маменьку. Он был полностью покрыт белыми перьями. Меня охватил ужас. Я не верю в магию, колдовство, снятие порчи и прочую ерунду. Но вдруг мы с Борисом ухитрились составить нужную смесь, а маменьке удалось вызвать нежить? Смог же Фауст связаться с дьяволом!

Ужас в перьях широко раскрыл крылья и завыл:

– У-у-у...

Мне захотелось присоединиться к Демьянке, огромным усилием воли я удержался от того, чтобы не забиться под диван. Татьяна завизжала, кот съехал по занавескам, как по льду. Шторы превратились в лапшу. Сова махала крыльями и выла.

– Яйцо! – заорала Таня. – Оно почернело!

Птица заткнулась. Несмотря на дрожь в коленях, я едва не расхохотался. Ну конечно, скорлупа изменила цвет! Клиентка ведь держала ее в ладонях, которые щедро вымазали в чернилах.

– Порча удалилась! – торжественно объявила маменька. – Муж домой вернется.

Ко мне же вернулась способность трезво мыслить. Не стоит Николетте делать громкие заявления. Гадалке-знахарке-ведьме-целительнице-экстрасенсу в одной упаковке нужно выражаться осторожно. А то ведь, не получив назад беглого супруга, клиентка устроит скандал.

Сова совершенно по-человечески чихнула.

– Будьте здоровы, – машинально произнес я и вдруг увидел, что у птицы нет лап.

Из-под перьев, которые свисали до пола, высовывались две маленькие ступни с аккуратными пальцами, их ногти покрывал нежно-розовый лак. Можете считать меня дубиной стоеросовой, но лишь сейчас до меня дошло: сова – это Наталья, невесть где раздобывшая наряд ночной птицы.

У Татьяны в сумке раздался голос:

– Звонок гада. Вызов от мерзавца. Прелюбодей звонит.

Клиентка вытащила трубку:

– Да! Что тебе надо? Где? Во сколько? Ладно! Угу! Угу! Угу!

Таня вскочила со стула и бросилась Николетте на шею:

– Вы гений! Всем расскажу! Коля ушел от девки. Поймал ее с мужиком! Сейчас мне сказал: «Дорогая, прости, шлюха меня соблазнила». А-а-а! Сработало!

Котенок, испугавшись столь бурного проявления женской радости, кинулся под диван, через секунду из-под него раздался визг Демьянки. Сова опять стала махать крыльями. Все сто кило Тани тряслись от радости. Я попятился в коридор и был таков.

Глава 12

На следующее утро я вышел в столовую и вздрогнул.

На стуле сидела Ната.

– Я приехала на службу, – отрапортовала она.

– Сейчас только девять утра, – ошарашенно произнес я, чувствуя неудобство из-за того, что стою перед ней в халате.

– Вы вчера велели мне приехать в семь! – напомнила девушка.

Я молча посмотрел на Бориса, тот незаметно кивнул. Мне оставалось только думать, что я, шокированный действиями Никоlette, временно потерял разум. И было от чего. После ухода ликующей Тани матушка объявила, что будет работать с клиентами в моей гостевой комнате. На вопрос, почему она не желает снять более удобное помещение, просторное, оборудованное всем необходимым, последовал ответ:

– Мне и здесь хорошо.

Я не удержался и осведомился:

– Как тебе пришло в голову заниматься всем сразу? Знахари, гадалки, экстрасенсы и прочие – это разные специалисты.

– А я многопрофессиональная, – заявила Никоlette. – Кока предсказывает на бобах и заговаривает мигрень. Но это все, на что она способна. Православная белая ведьма графиня Адилье намного многограннее.

– А-а-а, – протянул я. – Кока увлеклась гаданием на бобах, у Ньюки магазин со всякими штуками... Ясно.

– Слышу в твоём голосе ехидство, – отбрила Никоlette, – так вот, запомни! Князя Адилье ведут свой род от барона Германэра, тот был гадателем Древней Греции и вещал через орало.

И тут я совершил ошибку:

– Никоlette, орало – устаревшее слово, оно обозначает плуг, соху. В Библии сказано: «И будет он судить народы, и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копыя свои – на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать»^[5]. А вот в Греции при храме Аполлона в Дельфах, согласно мифологии, существовал Дельфийский оракул...

Маменька не позволила мне закончить фразу:

– Вава, прекрати нести занудную чушь. Хватит. Слушай меня внимательно. Здесь офис княгини д'Адилье. Точка. Кота привести в

порядок. И сову тоже. Кстати, где она?

– Временно в лес улетела, – ответил я.

Маменька вновь начала раздавать указания, но я перестал воспринимать ее слова. Наверное, когда Николетта наконец покинула мои апартаменты, я был в полном моральном нокауте и поэтому велел Наташе явиться с утра пораньше.

– Каким делом будем заниматься? – сверкая глазами, поинтересовалась девица-красавица.

– Вы стажер, – напомнил я, – поэтому... э... мойте кота. Где вы его раздобыли?

– У подъезда сидел, – пояснила Наташа.

– А наряд совы? – спросил Борис. – Весьма впечатлен вашей оперативностью.

– Честно? – прищурилась дочь Загорского. – Мне просто повезло. Позавчера я тусила в клубе на карнавале, костюм филина напрокат взяла, он у меня в багажнике валялся.

– Очень кстати, – кивнул секретарь, – вы молодец. Иван Павлович, вы просили найти телефон Александра Филатова, номер которого вам Ньюка не дала. Я отправил его вам на ватсап.

Я сел за стол.

– Отлично, сейчас поеду к Филатову. Ньюка говорила, что он долгое время работал с Шанхаевым.

– Это кто такой? – поинтересовалась Ната.

– Потом, – отмахнулся я и пошел одеваться.

Господин Филатов не отвечал на вызов, поэтому я на свой страх и риск отправился к нему домой и без всякой надежды на успех позвонил в дверь, обитую потертым, ветхим дерматином.

Створка приоткрылась, показались цепочка и один глаз, он моргнул, раздался вопрос:

– Кто вы?

– Подушкин, – представился я.

– Чего хотите?

– Поговорить с господином Филатовым.

– Кто вы?

Судя по дребезжащему голосу и глазу, я беседую с очень пожилой женщиной, возможно, она страдает склерозом.

– Иван Павлович Подушкин, – представился я полностью.

– Кто вы? – повторило хриплое сопрано.

– Иван Павлович Подушкин.

– Не надо твердить одно и то же. Кто вы? Журналист? Интервью даю только за деньги.

Меня охватило удивление: господин Филатов – знаменитость?

– Пять тысяч рублей за час, – алчно добавила дама, – за снимок отдельная плата.

– Хорошо, – согласился я.

Послышалось лязганье, Сезам открылся. Я втиснулся в крохотную прихожую, вернее часть узкого коридора, у одной стены которого маячила вешалка, взглянул на хозяйку и вздрогнул. Передо мной стояла стройная девушка в джинсах. Одна половина ее лица была круглощекой и хорошенькой, вторая сморщенной, как у древней старухи.

Из комнаты выглянул юноша:

– Аленка! Пиццу притащили?

– Не-а, – ответила странная девица, – корреспондент припер. Ой, он испугался!

Парень вышел из комнаты.

– Здравсти. Я Жора, она Алена. Не бойтесь. Все ок. Мы готовимся к фестивалю компьютерных игр, там за лучший костюм персонажа из «Врат ада» обещаны подарки. Рисую Ленке лицо. А голос у нее скрипит, потому что вчера на улице два мороженных съела.

Жора постучал пальцем по макушке девушки:

– Доброе утро, голова, где ты бродила, когда дурочка эскимо в мороз жрала?

– Я есть хотела, – фыркнула Алена. – Шаурма из собаки не мое. Эскимо безопасно для здоровья. Как охрипла, так и расхрипну.

Помесь бабушки с девушкой вытянула руку, сложила ладонь ковшиком и просипела:

– Гонорар, плиз. Пять тысяч за час плюс за снимок еще две. Итого семь.

– У меня нет фотоаппарата, – предупредил я.

– А телефон? Не надо всех дурами считать, – прокашляла юная леди, – семь кусков наличкой или досвидос.

Я открыл портмоне.

Жора постучал в одну из дверей:

– Па! К тебе корреспондент припер. Халат натяни.

– Погодите пять минут, – прозвучало из комнаты.

Я терпеливо ждал, пока Филатов оденется, наконец меня пригласили войти.

Окно в небольшой комнате было нараспашку, в ней стоял лютый

холод.

– Сделайте одолжение, захлопните раму, – попросил лежащий на кровати мужчина. – Я сам, как вы знаете, уже год недвижим. С тех пор как олигарх Шанхаев сел пьяным за руль и сбил меня на пешеходном переходе, моя жизнь превратилась в ад. Постоянные операции, лекарства. А богач, который народ ограбил, так и не наказан...

Я закрыл окно и окинул взглядом спальню.

– Из-за пьяного уroda, который украл у простых людей миллионы, – вещал хозяин, – я лишен возможности работать, передвигаться самостоятельно. Ноги...

Александр сел и откинул одеяло.

– Обе в гипсе. В позвоночнике штыри. Пенсия... стыдно озвучить цифру. Из-за горькой нищеты я вынужден брать копейки с журналистов.

– Извините, – пробормотал я, – диктофон в куртке забыл.

– Возьмите его, – деловито приказал Филатов.

Я вышел в коридор и заглянул в соседнюю комнату:

– Ребята, я зажигалку посеял. Одолжите огоньку.

– Мы не курим, – хором ответили молодые люди.

– И вам не советуем, – заметил Жора. – Хотите рак легких и всего остального получить?

Я, держа в руке телефон, вернулся в спальню Филатова.

– Вы из какого издания? – осведомился Александр.

– Интернет-газета «Мысль», – лихо соврал я.

Филатов оказался не так наивен и доверчив, как Алена, он мигом вытащил из-под подушки ноутбук и через минуту заявил:

– А нет такого. Ступайте отсюда. Деньги я врунам не возвращаю.

Я сел в кресло.

– Странно слышать от вас упреки во лжи. На подоконнике пепельница с окурками. Алена и Жора не балуются сигаретами, значит, вы прекрасно доходите до окна и курите. На полу у шкафа немного гипсовой пыли, полагаю, белые коконы на ваших ногах удобно снимаются и надеваются.

Прежде чем Филатов успел отреагировать, я схватил его за правую ногу и дернул. Гипс оказался в моей руке.

– Заканчивайте ломать комедию. Я не репортер, а владелец частного детективного агентства, и меня ваши мелкие махинации не волнуют, не вы в фокусе моего интереса. Я пришел поговорить о господине Шанхаеве. Знакомы с ним?

Филатов спустил ноги с кровати.

– Мразь. Я работал с ним не один год. И вот итог. Венька меня

ненавидит за ум и талант зарабатывать деньги.

Я отвел глаза в сторону. Ну конечно, Филатова должны больно ранить семь тысяч, которые сейчас Алена выкланчила у меня.

– Реально год назад я под машину угодил, – вздыхал Филатов, аккуратно снимая второй сапог из гипса. – Шанхаев подонок. Толкнул меня бампером, лодыжка треснула... Выгнал меня на улицу! За что?

Я поднял руку:

– Уважаемый Александр, давайте вы лучше ответите на мои вопросы. Меня интересует кое-какая информация о Шанхаеве.

Хозяин квартиры исподлобья глянул на меня:

– За пятьдесят тысяч вы узнаете все его мерзкие тайны. Для затравки сообщу: Венька именуется графом Шанхаевым. Ха! Аристократ из мусорного бачка! Всю его биографию мне Тел добыл. Ему это как два пальца об асфальт. Шанхаев вообще никакой не дворянин. Почему он меня выпер, а потом машиной сбил? Потому что у меня настоящий титул. Я граф фон Филатов.

Я чуть было не выпалил: «Ибн Хоттаб»^[6], но вовремя удержал реплику. Ну вот, на тернистом пути сыщика Подушкина опять встретился аристократ в сто пятом поколении. Сколько же их вокруг роится?

Александр встал и направился к окну.

– Пятьдесят тысяч, и я рассказываю вам полную правду.

Я решил поторговаться:

– Дорого. Тридцать.

– Сорок, – предложил свою цену «инвалид».

В результате спора мы достигли консенсуса, я вынул телефон, перевел с помощью онлайн-банка деньги на счет Филатова и услышал тихий звон.

– О! – обрадовался «калека». – Птички-купюры в гнезде. Маленький просьбец: не сообщайте Аленке и Жорке о платеже. Пусть думают, что я за семь тысяч с вами беседую, как с журналюгой. Они у меня всегда пятьдесят процентов агентских забирают. Дочь к телефону подходит, договаривается, дверь открывает и за такую ерунду половину моего кровного заработка откусывает. Что Жорка делает, вообще не понятно. Балбес. Ну, что вы узнать хотите?

Глава 13

Прежде чем начать беседу о Шанхаеве, я задал Филатову пару вопросов и выяснил, что он несколько лет работал у Вениамина кем-то вроде курьера. Шанхаев представляется мегауспешным журналистом, фрилансером, который пишет исключительно для «Нью-Йорк пост», «Нью-Йорк таймс» и иже с ними. Российскую прессу он презирает. Но Филатов ни разу не видел, чтобы Шанхаев сочинял статьи. Веня страстный паримен-покойник. Но он никому о своей горячей любви к данному времяпрепровождению не говорит.

– Кто такой паримен-покойник? – удивился я.

– Дурак, который постоянно спорит, – с готовностью объяснил мой собеседник. – В Москве в центре работает контора, она только для своих. Веня в их офис никогда сам не ходил, меня отправлял. Звонишь в дверь, говоришь пароль, тебя впускают, дают список пари. Ну, например, «Огонек» спорит на триста тысяч, что певец Ласкин умрет через четыре месяца. А ты в ответ: «Нет. Ласкин продержится полгода». Отдаешь рефери свои триста тысяч и ждешь. В данном случае сто восемьдесят дней. Или сто двадцать, если «Огонек» прав. Выигравший забирает назад свои деньги и бабло противника за минусом десяти процентов, которые контора оттяпывает. Там большие цифры крутятся. Ставки миллионные.

– Пари заключают только на смерть знаменитостей? – уточнил я.

– Ага, – подтвердил собеседник. – Они там все убогие на мозг, Шанхаев целыми днями прогнозы составлял, газеты-журналы изучал, домработниц подкупал, искал точную информацию.

Александр заржал.

– Да этого идиота постоянно разводили. Знаете, из-за чего он с супругой полаялся? Анекдот прямо. Муженек понятия не имел, что женушка тоже в деле. Она ему про свои походы в контору не докладывала. И я был не в курсе. Это случайно выплыло. У Вени ник «Король мира».

– Красиво, – отметил я.

Филатов достал из комода пачку сигарет и открыл окно.

– Вполне в его духе. Он обожает громкие титулы, звания, сообщает всем о своем дворянстве. Угореть от смеха можно. Какой он, на фиг, князь? Ладно, дальше едем. Веня заплатил экономке актера Исидора Люстрова нехилые денежки. Баба ему поведала, что хозяину жить меньше месяца осталось. Новость, вообще говоря, та еще. Люстров свою онкологию не

скрывал, по разным шоу ходил, рассказывал, что умирает, правда, денег на лечение не просил. Дескать, они ему не нужны, так как никто ни в одной стране Исидору помочь не может. Зрители прямо рыдали, актеру предложили роль в сериале, он там изображал человека, который вот-вот окочурится. Все к экранам прилипли. Понятное дело, что многие паримены стали гадать, когда Люстров концы отдаст. И вдруг какая-то «графиня Вишня» предложила свой прогноз: Исидор в течение трех месяцев полностью выздоровеет. И поставила на кон пару миллионов. Веня живо с ней поспорил. Еще мне сказал:

– Во дура баба! Вся страна только и ждет, когда Исидор скопытится. Я с его экономкой пошушукался. Она мне за сто тысяч правду растрепала. Исидор уже не встает. Срублю легко два «лимона».

А когда Люстрова все уже мысленно похоронили, он на шоу появился. Весь гладкий, розовый, синяков под глазами нет, сообщает новость: его спасло новое лекарство. Запишите название и бегите в аптеки. Вот это был облом Шанхаеву! Ха! Через некоторое время журналисты завyli: никакой онкологии у кривляки и в помине не было, а был спектакль, чтобы препарат распиарить. Но это к истории с Шанхаевым отношения вообще не имеет. Пришлось ему два миллиона «графине Вишне» отстегнуть.

Филатов высунулся в окно и выдохнул струю дыма.

– Деньги я, как всегда, при заключении пари отдал. Вениамин, когда их отсчитывал, случайно рукой пузырек задел. Он бронхит подцепил, какую-то микстуру пил, красный такой сироп. Я успел флакон подхватить, но все-таки на несколько пятитысячных купюр брызги попали, наверное, тысяч пятьдесят в общей сложности испачкалось. Веня испугался, вдруг их не возьмут, потребуют поменять в банке, а в это время, кто-нибудь выгодное пари перехватит. Но в конторе мне ничего не сказали. Узнав, что проиграл, Шанхаев два дня злился, потом вызвал Карена, ювелира. Он его всегда звал, если казна пустела. Асатрян с ним пошептался в кабинете. Вениамин с ним куда-то уехал, вернулся уже в хорошем расположении духа и спросил у жены:

– У тебя деньги есть? Мне большой гонорар вот-вот из США заплатят. Но сейчас я временно голый.

Вероника ему ответила:

– В отличие от тебя, я всегда с копеечкой. Мой бизнес, над которым ты постоянно стебешься, стабильный доход приносит. В этом месяце у меня несколько миллионов прибыли.

Пошла в свою спальню, принесла кирпич денег и давай перед носом Шанхаева размахивать. Они часто из-за бабла ссорились. Веня не жадный.

Есть наличка? Всегда жене даст. Да Ньюка бездонная, сколько ни получит, вмиг потратит и опять гудеть:

– Милый, лапка пустая!

Но иногда у нее карманы полными оказывались, и тогда Вероника не упускала момента мужу свою независимость и крутость продемонстрировать. Что в тот день и случилось. Они поцапались легонько, и Ньюка стала Вене ассигнации отсчитывать. Одну, другую, пятую... Ба! На шестой красные пятна и на седьмой. Дело при мне происходило, я сразу деньжата узнал. И Веня тоже. Он жену за руку схватил:

– Говори, кто тебе бабки дал?

Ньюка сначала врала про наплыв покупателей в ее лавку, но Веня чуял неправду. Поднялся эпохальный галдеж, лай, драка... В конце концов открылась правда: Вероника – «графиня Вишня». И они разъехались. Не знаю, развелись или нет, но вместе не живут. А я под бомбежку попал, потому что Вениамин решил, что я с Ньюкой в сговоре состоял, про ее участие в пари знал. Но я, естественно, был не в курсе.

– Ногу он вам тогда сломал? – уточнил я.

Собеседник поморщился:

– Позднее. Я член совета общества «Истинный аристократ». У меня, в отличие от многих, настоящая благородная кровь течет в жилах. Тысячелетняя история рода Филатовых подтверждена архивными документами. Тел их нашел, сделал копии, он способен все отыскать. Классный парень! И тут нам заявление на свое членство Шанхаев притаскивает. Видите ли, сей рабоче-крестьянин с ладонями-лопатами желает в истинные аристократы записаться. Анекдот! Он не знал, что бывший его секретарь в обществе уважаемый человек, один из главных. К Филатову все прислушиваются. А то я не знаю, кто он! Совсем ум потерял. Написал в анкете: мать – княжна Шанхаева – скончалась. Ну, мне-то врать не стоило. И гнать с работы тоже. Если в твоём доме стены из бумаги, не надо горящей свечкой размахивать. Я членам совета правду сообщил, объяснил: незачем простолюдинам в нашем парке гулять, пусть на ярмарке пиво пьют, сосиски жрут, это для них понятное развлечение. А у нас симфонические концерты, обсуждение прочитанных книг, рассказы о посещении музеев, балы, манеры, элегантность, речь соответствующая. На хрена нам пролетарии с кувалдой? Вениамин – матерщинник, ловчила, врун. Про мамашу он точно солгал.

Я молча слушал Филатова. Истинно благородный человек лишен снобизма. И фразу «На хрена нам пролетарии с кувалдой» он никогда не

произнесет. Подобные выражения ему просто не свойственны.

– Аристократ из пивного ларька, – веселился Александр, – ему отказали в приеме, я вслух решение совета зачитал. Рожка у «князя» перекосилась. А так ему и надо! Не ссы в колодец, можешь пить захотеть. Если взлетаешь, не гадь на тех, кто ниже остался, когда падать станешь, мимо них придется планировать. За что он меня, верного помощника, турнул? А? По злобе. Через день Венька меня во дворе подстерег, начал орать, руками размахивать, обещал на фарш разделать. Ну я ему и двинул в рыло. Мерзавец в машину сел и меня бампером тюкнул. Лодыжку сломал, скот. Убить мог. Но поскольку простолюдины трусы, Шанхаев ни на что серьезное не отважился. Я решил ему небо с овчинку показать. Жора, мой сын, работает на телевидении, он визажист. Ну и устроил парень мне съемки в шоу на канале «Болтун», потом «Желтуха», еще корреспонденты приходили. Шанхаев бесится, а что он поделывать может? Ни фиги! Я же могу много чего забавного про Веню натрепать. Он после того, как в нашем обществе «Истинный аристократ» от ворот по морде получил, отправился к самозванцам в объединение «Общество аристократов России». Туда весь сброд принимают. И конечно, его взяли.

Глава 14

– Простите, но я слегка запутался в дворянах, – признался я. – Вы состоите в том же объединении, что и Вероника Шерметова-Шанхаева?

Хозяин захлопнул окно.

– Однако сильно похолодало. Шерметова! Не смешите меня. Баба, когда получала паспорт, за сексуальные услуги поменяла свои данные, от рождения она Танька Извозова! А поскольку фамилии наши возникли от занятий предков, то понятно, что род Ньюка ведет от мужиков с вожжами в корявых руках. Переспала девчонка пару раз с участковым, и... была Танька Извозова, стала Вероника Шерметова. Ну, прямо столбовая дворянка, вся из Рюриковичей. Откуда я это знаю? Ньюка выпить любит, а алкоголь с ней не дружит. Хлебнет королевишна из бокала пару раз, со стула не падает, не икает, но язык ее начинает все выбалтывать. И самое забавное, что на следующий день баба не помнит, что кому натрепала. Когда Веня с женой из-за пари полаялся, он «графиню Вишню» на лестницу выпер, в спину ей проорал: «Ты тут не прописана. Два миллиона моих у тебя в кармане, сними гостиницу или вали в свою трущобу». Я при их битве присутствовал, чувствовал себя неловко. Шанхаев с бабенкой разобрался и за меня принялся, тоже выпер. Спустился я вниз, Ньюка в подъезде стоит, я ее пожалел, позвал в ресторан, сели, вина заказали, и... понесло Ньюку. Выложила дурочка на стол полную свою биографию. Первый ее супруг владел колбасными заводами, Ньюка ни в чем не нуждалась. Муженек любое желание капризницы исполнял. В доме у них часто гости тусили, Шанхаев был одним из приятелей мясника. Потом колбасный магнат внезапно умер. Шанхаев вдову утешать стал, каждый день приезжал, подарки дарил, в любви объяснялся. Небось решил, что вдова богатая, вся колбаса же ей достанется. Очень Веня опасался, что кто-то другой сладкий кусок раньше его откусит, поэтому спустя три месяца после смерти колбасного магната позвал Ньюку замуж. А та, не будь дурой, согласилась. Она поверила Шанхаеву, считала его ну очень обеспеченным, да еще с графским титулом. Случился у них брак по расчету.

Филатов расхохотался.

– Вляпались оба. Месяцев через семь после смерти колбасника Веня у жены спросил: «Когда ты наследство получишь?» И супруга сообщила правду. Оказывается, брачный союз между ней и сосисочных дел мастером официально не регистрировался. У мужика есть законная половина, она

давно в Италии живет вместе со взрослой дочерью. Ньюке ничего не положено. Настоящая супруга, интеллигентная женщина, не стала с Вероникой драться, отдала ей квартиру, где Шерметова с любовником жила, ну и все подарки у Ньюки остались: ювелирка, шубы. Эх, надо было Шанхаеву подождать со свадьбой, но он поспешил. Не оправдался его расчет. Но и Вероника мимо кассы пролетела. Она быстро поняла: Веня нигде не работает, откуда деньги берет – неизвестно.

– Может, он коллекцию драгоценностей распродал? – задал я главный вопрос дня.

Александр сделал брови домиком:

– Не знаю. Про то, что в банке у него очень дорогое собрание ювелирки, я часто слышал. Но ни разу ни одного экспоната из коллекции не видел. Хотя... нет! Был один случай. Я ему привез очередное известие о проигрыше, а Вени дома нет, сижу жду его. Меня Ньюка на кухне устроила, ну не в гостиной же фон Филатова принимать... Звонок. Шанхаева, сказав: «Вениамин приехал, он никогда ключи не берет», пошла дверь открывать. Через минуту раздается вопль из холла, шум. Пошел я посмотреть, что случилось, вижу пожилую тетку. Слышу, она кричит:

– Где настоящая брошь? Где?

И швыряет на пол что-то, каблуком сверху давит. Ньюка на нее бросается, они, как кошки, драться начали. Я их разнять попытался, так старуха меня за Веню в истерике приняла, кулаком мне в зубы заехала, губа треснула, кровь потекла. Поспешил я в ванную рубашку замять. Минут через десять вернулся на кухню. Ньюка растрепанная, в кофте разорванной, вино пьет. Я давай ее расспрашивать:

– Кто это? Что это?

А Шанхаева, похоже, пару бокалов уже тяпнула, и ее по кочкам понесло:

– Свекровь моя настоящая, мать Вени, Раиса. Муж не в законном браке на свет появился, его родила продавщица из какого-то магазина, куда отец Вени ходил. Ой, не спрашивай, я ничего точно не знаю. Свекровь недавно приперлась, денег у Вени требовала, сперла брошь, которая у мужа в кабинете на столе валялась. Вениамин бешено ругался, когда увидел, что цацки нет. Так представь! Она опять ввалилась! Я ей сейчас вежливо сказала: «Вы воровка, поэтому двери нашего дома для вас закрыты». А она брошь раскрошила! Ну точно больная!

Хватит про Ньюку с Венькой. Давайте я вам про дворянские общества расскажу, их три. Одно – «Аристократ», его давно создал князь Загорский. У него там сплошь богатые, знаменитые, они приемы устраивают, пресса

постоянно о них пишет. Но! Титулы у них не настоящие, они куплены. Второе – «Общество аристократов России», там шваль всякая. Третье – «Истинный аристократ», там я состою, вот у нас настоящие родовитые дворяне.

– Вы знаете, как зовут мать Вениамина? – вернулся я к прежней теме.

– Раиса Никитична Булкина, – отрапортовал Филатов. – Мне Тел все про нее нашел. У Сергея Ильича и Авроры Михайловны Шанхаевых детей не было, поэтому они усыновили ребенка любовницы мужа.

– Кто такой Тел? Имя необычное, – запоздало удивился я.

– Парень, который в архивах любую информацию откапывает, – пояснил Александр. – Ничего о нем, кроме телефона, не знаю. Тел – его ник в ватсапе и в Сети. Я его в Интернете нашел, по запросу «составить родословную». Он только через Интернет общается, лично на связь не выходит, деньги ему на телефон переводить надо. Если вам хочется свои корни узнать или биографию новую себе смастерить, дам его контакт. Берет умеренно, работает классно.

– Спасибо. В случае необходимости непременно воспользуюсь вашим предложением, – ответил я.

Завершив беседу с Филатовым, я вышел на улицу, сел в машину и позвонил Борису, тот почему-то заговорил шепотом:

– Иван Павлович, речь пойдет о Наташе.

– Ее обсудим потом, – остановил я помощника. – Или она безобразничает?

– Наоборот! Очень старается, – заверил меня секретарь. – Кота привела в порядок, но клиент, которого ваша матушка ждала, сегодня не придет. Николетта велела, чтобы кот пока у нас пожил, он с Демьянкой подружился. Хоть дворовый, а милый.

– Прекрасно, – одобрил я, – значит, забудем пока про посетителей, а заодно и про дочь Загорского. Отыщите мне срочно сведения о Раисе Никитичне Булкиной. Возраст и адрес ее не знаю. Но, учитывая, что она, возможно, биологическая мать Вениамина Шанхаева, даме, наверное, хорошо за шестьдесят.

– Секундочку, – попросил Борис, я услышал стук клавиш ноутбука. – Вениамин Сергеевич Шанхаев. Мать, Аврора Михайловна, редактор. Отец, Сергей Ильич, художник и ювелир. Оба родителя покойные. Их сын живет в квартире, которую некогда получил его дед. Если надо, могу копнуть глубже. Веня появился на свет двадцать девятого сентября, седьмого октября того же года загсом выдано свидетельство о его рождении. Многие приемные родители пытаются скрыть от ребенка правду, не сообщают ему,

что взяли его из приюта. И государство хранит тайну, органы опеки не имеют права разглашать сведения об усыновителях. Но есть один момент. Сироте выдают другую метрику с информацией о приемных родителях. В ней нет слов «Усыновлен», «Смена фамилии» и прочего. Если ребенок случайно наткнется на метрику, он не испытает шока. Все хорошо законспирировано. Но! Есть там графа «Дата выдачи документа», в ней указан день получения новой бумаги. Объясняю на примере. Младенец прибыл в Дом малютки. При нем метрика, в ней указано: «Иван Иванов, родился пятого декабря двухтысячного года». Свидетельство выдано десятого, месяц и год те же. Потом кроху усыновили, он получает новую метрику, а там другие сведения: «Сергей Сергеев родился пятого декабря двухтысячного». Метрика выдана... двадцатого июня две тысячи третьего. Вот где собака правды зарыта. Дату нельзя менять. Но дети, как правило, на цифры не глядят, да и большинство взрослых тоже. Можно сказать, что теряли метрику. Правда, если ее посеяли, то на копии поставят штамп «повторная». При усыновлении его не ставят. А у Вениамина не было ничего подозрительного. Появился на свет, через неделю стал официально существующим гражданином.

– Спасибо за разъяснение, – поблагодарил я. – Адрес и телефон Раисы Булкиной можно найти?

– Сбрасываю на ватсап, – отапортовал Борис, – и адрес тоже. Она в Строгино проживает. Ранее обитала в соседнем с родителями Вениамина доме, работала в магазине «Вино», который на первом этаже функционировал. Сергей Ильич – ювелир и живописец, дед Вениамина тоже с золотом-камнями работал. Мать Вени – редактор самого крупного советского издательства, она тоже из интеллигентной семьи, в девичестве Карамзина. Сомнительно, что Сергея могла заинтересовать продавщица алкоголя. Хотя она потом уволилась и работала в школе учительницей домоводства.

Но я горел желанием узнать, почему госпожа Булкина устроила в квартире скандал из-за брошки, поэтому, быстро сказав: «По-разному бывает», направил свои стопы, то есть колеса автомобиля, в Строгино.

Глава 15

После беседы с Филатовым я ожидал увидеть пенсионерку, которая крепко дружит с алкоголем. А учитывая возраст Шанхаева, я предполагал, что мне предстоит беседа с опустившейся старухой, которая за поллитровку готова на все. И антураж в ее берлоге будет соответственный: грязь, матрас на полу, вместо занавесок на окнах газеты. Я иногда встречался с людьми, страдающими разными зависимостями, и знаю, как они живут. Но на мой звонок дверь открыла милая женщина в аккуратном домашнем платье, у ее ног крутилась маленькая пушистая собачка.

– Семен Андреевич, – обрадовалась хозяйка, – а мне сказали, что вы придете поздно вечером. Работа самая простая. Если вам неудобно, ботинки не снимайте.

Но я скинул штиблеты и пошел за Раисой, которая привела меня в уютную кухню. Я огляделся. На окне накрахмаленные занавески в красно-белую клетку, на столике электрочайник, тостер, там же несколько кружек с изображением псов. Дверца холодильника украшена магнитами, судя по ним, госпожа Булкина летала в Грецию, Египет, Турцию и Болгарию. Бытовая техника стоила недорого, люстра тоже не поражала великолепием, но у хозяйки было все необходимое: и свч-печка, и крохотная кофемашинка, и соковыжималка. А царящей чистоте могла позавидовать больничная операционная. Мне стало неудобно за лежащую в сумке бутылку, которую я приобрел по дороге.

– Оправдывая свою фамилию «Булкина», хочу предложить вам чаю с плюшками, – весело сказала Раиса, – а потом оцените фронт работ.

Я достал из кармана удостоверение.

– Прошу простить, но я не мастер.

– Генеральный директор частного детективного агентства? – растерянно прочитала вслух Раиса. – Господи! Что натворил Стасик? Это вы меня извините, приняла вас за краснодеревщика. Подруга телефон дала, предупредила: «Руки у него золотые, а характер мерзейший. Если решит, что ему уважения не оказали, сразу уйдет». Я специально свежую выпечку купила. Ой, что я несу! Угощайтесь, пожалуйста. Только скажите: где Стасик?

– Не знаю, кто он такой, – ответил я.

– Мой внук, – сказала Раиса, включая чайник, – сын дочки. Мальчику тринадцать, шkodник невозможный.

– Надеюсь, с ним сегодня никаких проблем не приключится, – улыбнулся я.

– Ох, хватит с нас трудностей, – вздохнула Раиса. – Не так давно наша семья пережила невероятный стресс. У мальчика вдруг стала подниматься температура, не очень высоко, но каждый день. Неделью он сидел дома, вторую... Районный педиатр не волновался, потом вообще заявил: «Симулянт он, ремня ему дать и в школу гнать». А зять задержался, повез сына в платную клинику, вернулся весь белый. Подозрение на рак крови. Стасика положили на обследование в эту дорогую лечебницу, и...

Раиса закрыла лицо ладонями.

– Ужас! Диагноз подтвердился. Начали его лечить, уколы делали, ребенок в обмороки падать стал, профессор из этого центра посоветовал немедленно лететь в Германию. А где деньги взять? Как мы выкрутились, лучше не спрашивайте, за две недели требуемые тысячи евро насобирали. Стасик с мамой улетел в Мюнхен...

Хозяйка убрала руки, открыла шкафчик, достала банку с чаем.

– Дочь через сутки позвонила в рыданиях. Не поверите. Нет никакой онкологии. И не было. Районный педиатр оказался прав. Он Косте, зятю моему, заявил: «Ничего у вашего сына нет. Прекращайте его лечить, отправляйте в школу. Симулянт он». Константин доктора идиотом назвал, и я с ним была солидарна. У внука постоянно тридцать семь и пять, тошнота, слабость. И у него ничего нет? Да какие в местной поликлинике специалисты! Пробирки они куда-то отсылают, по дороге, наверное, все портится. Такие мысли в голове крутились.

Раиса поставила передо мной чашку, налила жидкую заварку.

– И что немцы выяснили? Сделали они всякие исследования, их врач мигом сообразил, в чем дело, загнал Стасика в угол, потребовал рассказать правду. Сурово ему сказал: «Знаю, ты что-то принимал. Если не признаешься, не назовешь, что глотал, тебе сделают кучу операций, ногу отрежут!» Внук зарыдал и признался. У них в классе сменилась учительница математики. Вместо доброй Валентины Ивановны появилась строгая Мария Николаевна. Стасик нахватал двоек. Педагог его предупредила: «На следующей неделе устрою пять дней тотальной проверки знаний. Каждый урок контрольная. Если хоть на одной неуд заработаешь, поставлю в году «лебедя», не перейдешь в следующий класс. Ты сейчас еле тянешь на тройку, но есть шанс не стать лузером, если тщательно подготовишься к контрольным». Стасик представил, как ему от родителей за то, что он второгодник, достанется, и запаниковал. Сосед по парте давай его успокаивать: «Ерунда! Тебе просто надо заболеть. У моей

мамы есть таблетки. Она ими от рака лечилась, выздоровела, но лекарство не выкинула. От них температура растет и тошнит. Я тебе принесу коробку, там тридцать штук. Выпьешь, останешься дома, как больной, контрольные пропустишь, никто не придерется, получишь трояк в году».

И выполнил обещание. Стасик десять дней препарат пил, и весь организм у него в разнос пошел. Немец все матери объяснил. В районной поликлинике у нас нормальный педиатр, но, когда он анализы смотрел, Стасик еще не так долго химией травился, на крови это не отразилось. Поэтому доктор и заподозрил симуляцию. А когда мальчика в платную клинику привели, там уже такое в лаборатории увидели, что прямо жуть! Испугались, не поняли, что с ним. Назначили Стасику уколы. Ему совсем худо стало. В Мюнхене врач самый сообразительный оказался, он дочери моей сказал: «Я отец четверых мальчишек, знаю, что они способны на масштабные глупости». Стасик в Москву вернулся, сейчас вроде поправился, восстанавливался все лето, но осенью его еще шатало.

– Да уж, – вздохнул я, – теперь понятно, почему вы у Шанхаева брошку украли. Из-за внука пошли на этот отчаянный шаг.

Раиса опустила голову:

– Понятно. Вениамин нанял вас, чтобы обвинить меня в воровстве? Да. Я взяла брошь, думала, что это драгоценность. Звезда с бриллиантами. Очень красивая. Сергей Ильич мне ее подарил, но я тогда приняла только деньги, о которых мы договаривались. Я честный человек, не краду чужие вещи. Но когда речь зашла о жизни Стасика... потеряла самоконтроль. Что хочет Вениамин? Моего покаяния? Я ему честно рассказала, как обстояло дело. Да, я биологическая мать сына Шанхаевых. Но с Сергеем Ильичем никогда не состояла в любовной связи, работала в винном магазине кассиром. Пошла на службу по одной причине: была матерью-одиночкой, родила по большой любви Анечку, а ее отец нас с девочкой бросил, алиментов не платил, брак не оформил. Советское время, мне едва восемнадцать стукнуло. По тем понятиям я была женщиной легкого поведения. Родителей нет, живу в коммуналке. Денег ноль. Дно... Но у меня были хорошие соседи по квартире. Одна – нянечка в яслях, она туда Анечку пристроила и за ней там следила. В другой комнате жила продавец из винного магазина, она меня на кассу работать устроила. Зарплата маленькая, я подрядилась еще почту разносить по утрам, алкоголем тогда с одиннадцати торговали, познакомилась с Шанхаевыми, они неподалеку жили, начала у них полы мыть. Аврора Михайловна оказалась очень доброй женщиной, терпеливой, мужа обожала. И всех детей на свете любила, просила меня Анечку почаще приводить, покупала ей платья,

туфельки. Своих детей у них не было, у жены возникла какая-то проблема со здоровьем. Я Аврору полюбила, она мне кем-то вроде тети стала, только ласку и заботу от нее видела. Прекрасная женщина, трудолюбивая, спокойная, умная. Сергей Ильич...

Раиса сложила руки на груди.

– У него была страсть. Тотализатор. Он на ипподроме пропадал, ставки большие делал. На моей памяти он всего один раз выиграл. Закатил пир по этому поводу! Прогулял весь барыш. Жили Шанхаевы широко. Гости, холодильник всегда полон, дача, квартира – полная чаша, машина. По нынешним меркам ничего особенного, а по советским они считались богачами. Я сначала думала, что они много зарабатывают, потом, со временем, истина открылась. У Авроры скромная зарплата, Сергей Ильич вроде картины рисует, кольца делает, но клиентов у него не видно, и на мольберте один и тот же лист стоит. И что выяснилось? Отец и дед Сергея Ильича собрали уникальную коллекцию украшений, она в квартире в специально оборудованном тайнике хранилась. Как только деньги в семье начинали таять, Сергей Ильич брал из тайника кольцо, серьги, браслет, мастерил копию, прятал ее, а подлинник продавал. Он был талантливый ювелир, но ему хотелось, чтобы его живописцем считали. Аврора Михайловна, грустно улыбаясь, объяснила:

– Сережа полагает, что я не знаю о подмене драгоценностей. Иногда «алмазный фонд» мне покажет и говорит: «Видишь, все цело». А я делаю вид, что ему верю. Так и живем. Муж мне достался лучший в мире, можно ему страсть к игре на бегах простить.

Спустя некоторое время Аврора вдруг предложила:

– Раечка, я в квартире Сергея Ильича не прописана, зарегистрирована в Строгино в большой трешке, где с родителями жила. Апартаменты прекрасные, дом кирпичный, кооператив от Моссовета по особому проекту построен, кухня большая и аж два санузла, комнаты по двадцать метров. Хочешь, подарю тебе это жилье?

Я ахнула:

– Да!

Но потом догадалась спросить:

– Что надо сделать за хоромы?

Она ответила:

– Родить ребенка от Сергея Ильича. В придачу к апартаментам мы тебе еще хорошо заплатим. Как только малыш родится, квартира твоей станет. Со всем, что в ней есть.

Глава 16

– Разве в СССР делали ЭКО? – удивился я.

Раиса смутилась:

– Не знаю. Мы по старинке действовали. Естественным путем. Я с первого раза забеременела. Шанхаевы свои обещания добуквенно выполнили. Как они все проделали, понятия не имею. Но у меня в паспорте появилась другая прописка, я стала членом кооператива, полноправной владелицей квадратных метров, до сих пор тут живу и радуюсь. Девять месяцев меня поили, кормили, одевали, обували, ничего тяжелее газеты поднимать не разрешали, по врачам водили. Потом Сергей Ильич меня в полночь привез в роддом, там врач мне уколы сделал, вмиг роды начались, в пять утра появился мальчик. Шанхаев меня сразу перевез в другую больницу, там я лежала в отдельной палате. Неделью восстанавливалась и домой ушла. В тот же день вечером Сергей Ильич привез Анечку, она у Шанхаевых все это время жила, конверт с деньгами и сказал мне:

– Там еще путевка для тебя и девочки есть в пансионат на две недели. Отдыхайте. Вернешься в Москву, пойдешь работать в школу учительницей домоводства. Тебя уже зачислили. И Аня при тебе будет, ей на будущий год надо идти в первый класс. Извини, но более нам общаться не стоит.

Я согласилась:

– Верно.

Ювелир мне коробочку протянул:

– Это презент от Авроры Михайловны. Она знает, что тебе эта вещь очень нравится.

И крышку поднял. Господи! Внутри брошь-звезда, вся в бриллиантах, она меня и правда завораживала. Единственная вещь из тайника, которую Аврора часто носила. О таком украшении каждая женщина мечтает. Но я руки за спину спрятала.

– Спасибо. Я получила то, о чем мы договорились. Лишнего мне не надо.

Сергей меня понял, убрал презент, но сказал:

– Запомни, в завещании я специально укажу: оставляю это изделие Раисе Булкиной. Жизнь может по-разному обернуться. Сейчас тебе украшение не требуется. Но если понадобится, сразу приходи. Вот тебе бумага, там написано, что брошь твоя.

Раиса залпом выпила чай.

– Когда внуку посоветовали лететь в Германию, вы вспомнили о ювелирном шедевре? – предположил я.

Булкина кивнула.

– Ане и Косте я ничего не сказала, помчалась в дом, где жили Шанхаевы. Конечно, я знала, что Сергей Ильич и Аврора умерли. Видела Вениамина, но никогда к нему не подходила, издали смотрела. Думайте что угодно, но, соглашаясь родить ребенка, я в первую очередь хотела помочь Авроре. Не пообещай она мне квартиру, я все равно бы ей сына подарила. Не в жилье и деньгах дело. Но Стасику-то было очень плохо.

Булкина положила руки на стол.

– Не собиралась я никогда права на украшение предъявлять, бумагу, которую мне Сергей Ильич дал, сунула в документы, она там и лежала. Достала я ее – и к Вениамину.

Дверь он сам открыл, беседовали мы в прихожей, дальше меня не пригласили. Веня документ с печатью нотариуса изучил и вмиг рассвирепел:

– С какого рожна я должен чужой бабе дорогую вещь отдавать? Вали отсюда, пока я полицию не свистнул.

Очень грубо разговаривал, а я вся на нервах, руки трясутся, в глазах темно, в голове бьется мысль: «Стасик умирает». Понимаю, меня это не извиняет, но уж очень сильный стресс был. И слова Вениамина «чужая баба» больно меня ранили. Схватила я его за рубашку, трясу, кричу:

– Я твоя мать! Я тебя родила, Авроре отдала, за это получила квартиру и брошь тоже!

Захлебываюсь словами, колочусь, как эпилептик. Вениамин испугался:

– Тише, тише.

Да меня черт в спину пинал, квартиру-то я как свои пять пальцев знала, сколько раз эти хоромы мыла, где тайник находится, для всех секрет, но не для меня. Отпихнула Веню, кинулась в нужное место, книги с полки скинула, кричу:

– Открывай!

Он спокойно дверцу распахнул. Пусто. Я замерла, а Вениамин с пренебрежением заявил:

– Тупая курица. Ценности в банке. Уматывай.

И выругался.

Я пошла к двери, ощущение было такое, будто на голову кастрюлю чугунную надели и железной ложкой по ней лупят. В ушах раздается: бом, бом, перед глазами серая марля трясется... И вдруг!

Раиса прижала руки к груди.

– Ни на секунду не оправдываю себя, но сделайте скидку на мое психологическое состояние, оцените ситуацию, в которую я попала. Я-то была твердо уверена, что внук погибает, спасти его могут исключительно в Германии, а денег нет. Не могу найти слов, чтобы описать вам свои переживания. Поняла, что Вениамин не отдаст звезду, бросилась к двери, мчусь мимо его письменного стола и вдруг... вижу: прямо посередине стола в открытой коробке лежит та самая брошь!

Хозяйка опустила голову.

– Я ее схватила, прижала к груди и заявила: «Есть бумага с печатью, подпись заверена у нотариуса. Сергей Ильич отдал это украшение мне. Можешь в суд подавать». И деру. Была уверена, что Вениамин за мной кинется, ударит, спешила выскочить на лестницу, думала, там соседи, постесняется Шанхаев драку затевать. Но он за мной не последовал. Ну и я прямиком к своей подруге, у той муж Гриша – ювелир известный, делает вещи на заказ, клиенты у него сплошь богатые и знаменитые. Еду в метро, сумочку к груди прижимаю, думаю: «Ужасно я поступила. Зря Вениамину правду про его появление на свет сказала. Ой, некрасиво! Надо было просто документ показать, солгать, что драгоценность за какие-то услуги мне подарена. Шанхаев меня догонять не помчался! Все-таки он хороший человек, решил выполнить волю отца. Сейчас мне денег за брошь дадут, я Стасика спасу». Ан иначе вышло. Григорий усмехнулся: «Рая, это бижутерия. Камни – стекляшки. Оправа не золото. Работа прекрасная, для человека, который в украшениях не разбирается, прямо раритет. Но это фальшак». Я не поверила своим ушам. Гриша осторожно вытащил один «алмаз», положил его в какой-то аппарат и сказал: «Бриллиант выдерживает большое давление, стекло нет. Синяя черта на циферблате – предел прочности страза, красная – алмаза. Смотри». И нажал на кнопку. Сверху опустилось что-то, похожее на толкушку для пюре, стрелка поползла по делениям, чуть-чуть не достигла первой отметки. Крак! Камень рассыпался на крошки.

Раиса передернулась.

– Я потеряла разум. Бросилась назад к Вениамину, дверь мне открыла женщина. А на меня словно сверху одеяло набросили, я что-то кричала! Вроде плакала. Пришла в себя на платформе метро. Как ушла от Шанхаева, попала в подземку... не помню, вернулась домой, упала у вешалки – гипертонический криз.

Булкина потеряла рукой шею.

– Вот уж помогла я дочке. Анечке о сыне заботиться надо, а дура-мать в больницу угодила. Через день я оклемалась, поразмыслила над

ситуацией. Сергей Ильич коллекцию распродал, делал копии. Но мне он никогда фальшивку не подсунул бы, не такой человек был. Да и другим тоже. Копии для себя делал, на память. Еще одно свидетельство того, что «звезда» в момент, когда мне ее дарили, была подлинной: это любимое украшение Авроры, а вещи, которые она носила... Их немного было: серьги, пара колец, браслет, цепочка с медальоном. Вот их Сергей Ильич никогда с молотка не пустил бы. Но «звезда» – то оказалась фальшивой. Значит...

Раиса подняла голову:

– На яблоне капуста не родится. Отец на ипподроме пропадал, и сын в него уродился. Точно я ничего не знаю, у тотализатора его не видела. Но по какой же причине брошь не настоящая? Ответ понятен. Вот и вся история. Я не в курсе, много ли ювелирных изделий подменили, но...

Булкина подошла к окну и стала смотреть на улицу.

– Раньше я приезжала тайком на маленького Веню посмотреть. Аврора сама с ним возилась, няньку не наняла. Я в дом напротив заходила, из окна парадного наблюдала, как мать и сын вместе выходят. Или на детской площадке их видела, пряталась за сарайчиком. У школы на Веню глядела. Сразу понятно было: маму ребенок обожает. Мальчик Аврору обнимал, целовал, постоянно ей что-то рассказывал. Слов я не слышала, но по мимике, жестам понимала: он Авроре о своих делах докладывает. Последний раз я их в школьном дворе видела. Вене исполнилось тринадцать, совсем уже взрослый был, но Аврора его на уроки провожала. В тот день она мальчика довела до крыльца и ушла, Веня о чем-то с одноклассниками перед входом разговорился, вдруг какая-то девочка громко заявила:

– Венька – маменькин сынок, его на уроки за ручку водят. Ути-пути, поцелуй мамулю.

Мальчик спокойно ответил:

– Да, я любимый сын. На занятия ходим вместе, потому что это возможность побыть со своим лучшим другом – мамой. Она у меня самая лучшая. Жаль, что ты к своей матери иначе относишься. Тот, кто в детстве не любит мать, тот потом никогда никого в жизни полюбить не сможет.

Редкий подросток так ответит. И мне стало предельно ясно: Веня всем сердцем и душой принадлежит Авроре. А у меня есть Аня. Не стоит исподтишка смотреть на чужого ребенка. Он не мой сын. И все! Перестала я приезжать к зданию школы.

Раиса повернулась лицом ко мне:

– Я считаю, что Сергей Ильич начал распылять коллекцию, а его

наследник довершил начатое, он, как отец, заказывает копии. Я полагаю, «звезда» – последнее, что Веня сбыл с рук. Он же знал: это украшение самое любимое у его мамы. Аврора решила меня по-царски наградить за рождение ребенка, отдать самую лучшую свою вещь. Или знала о примете: если хочешь, чтобы сын-дочь выросли здоровыми, удачливыми, пожертвуй чем-нибудь. Ну, например, если любишь шоколад, перестань его есть. Подари самое лучшее платье бедному. Бог увидит твои старания и вознаградит, даст малышу здоровье. Но я отказалась от подарка, Аврора Михайловна продолжала носить брошь, я видела летом украшение у нее на груди. Маленький Веня в песочнице возится или, став постарше, в школу идет, а мама тут как тут, всегда с красивой прической, легким макияжем и с брошкой.

Глава 17

Поговорив с Раисой, я спустился в машину и посмотрел сообщение в своем телефоне. «Ванечка! Жду тебя сегодня в гости, как договорились. Не ешь после обеда, не пей чая. Готовлю потрясающее фишото. Твоя Ньюка», «Ванюша! Сколько яиц можно положить в пустой стакан? Лена». Я вздохнул. Госпожа Шерметова-Шанхаева полна желания угостить меня кулинарным изыском. А Лена, которую я, убей бог, не могу вспомнить, опять задала глупый вопрос. «Вава! Немедленно позвони!», «Вава, ты где?», «Вава, ответь!», «Вава! Какого черта ты не отвечаешь!», «Вава! Не могу тебя найти!». И еще штук двадцать однотипных эсэмэсок от Николетты. Не успел я подумать, как мне быть со всеми этими дамами, и тут трубка запищала: меня разыскивал Борис.

– Иван Павлович, вы уже освободились? Хочу рассказать вам нечто странное.

– Слушаю, – ответил я, помещая телефон в держатель и заводя мотор.

– В отношении практикантки, – продолжал секретарь.

– Минуточку, – попросил я, меня совершенно не интересовала навязанная в качестве практикантки девушка, – вы должны были раздобыть заключение экспертов, которые работали на месте взрыва. Нашли они там что-нибудь подтверждающее, что господин Шанхаев держал в ячейке коллекцию драгоценностей? Современные методы исследования должны указать на наличие украшений, даже в случае полной их гибели остаются мельчайшие частицы золота, камней, даже невидимая глазу пыль может помочь.

– Это так, – согласился Борис, – но не в нашем случае. Полиция попросила vip-клиентов сообщить, что они держали в ячейках. У следователя возникла естественная мысль: зачем взрывать депозитарий? Чтобы нечто забрать. Если определить, что пропало, станет ясно, кому оно могло понадобиться. Люди пошли следователю навстречу. Многие держали в ячейках документы, но всего трое объяснили, что конкретно прятали. Остальные отделались словом «бумаги». Еще в vip-комнате хранились кубки одной знаменитой спортсменки. Они не из драгметаллов, но имеют большую стоимость из-за морального аспекта. Эпицентр взрыва находился в ячейке, которая была расположена под сейфом Шанхаева. Рядом – отсеки, в которых хранилась бижутерия оперной дивы. Поэтому то, что держал там Вениамин, и наследство певицы пострадали более всего. Но никаких

следов настоящих драгоценностей эксперты не нашли. Следствие уверено, что Роберт сначала ограбил Шанхаева, а потом устроил взрыв, чтобы скрыть кражу. Депозитарий взлетел на воздух с помощью мощного самодельного взрывного устройства. При попытке открыть дверь сейфа активируется, грубо говоря, бомба. Отсек с этой начинкой был оформлен на Кузнецову Нину Сергеевну, москвичку. Понятное дело, к ней отправили сотрудника. Догадываетесь, что было дальше?

– Дама так больна, что из дома не выходит, или умерла, – вздохнул я.

– Второе, – уточнил Борис. – У Нины Сергеевны остались дочь и внук, Лариса и Гена, – вещал дальше секретарь. – Семья небогатая, о банке «Крос» не слышала. У Ларисы и Геннадия на руках есть зарплатные карточки, но они выданы другим крупным банком. Каким образом паспорт Кузнецовой мог оказаться в чужих руках, никто понятия не имеет. Нина незадолго до смерти справила столетний юбилей, но сохранила разум, до последнего дня читала книги, правда, с помощью лупы. На свежий воздух она лет пять одна не выходила, опасалась упасть и сломать шейку бедра. Работала учительницей младших классов, потом няней у разных людей. Бывшие воспитанники ее любили, навещали, приносили приятные подарки: кексы, которые пожилая дама обожала, теплые платки, жилетки. У Кузнецовых часто собирались гости, с Ниной Сергеевной хотели общаться, старушка сохранила веселый нрав и оптимизм. Паспортом она не пользовалась, он просто лежал у нее в комнате в коробке, его не прятали. В принципе паспорт мог взять любой гость. Дочь и внук были шокированы, узнав, что кто-то арендовал ячейку на имя умершей. Когда Кузнецова однажды утром не проснулась, Лариса вызвала «Скорую», похоронного агента, всем показывала паспорт, потом сдала документ матери, как положено, в загс. Не пропал он. Интересно, да?

– Напрашивается вывод, что кто-то из своих воспользовался паспортом, а потом вернул его на место, – предположил я. – Надо расспросить как следует родственников покойной. Это мог осуществить лишь тот, кто часто посещал дом, знал, где находится та самая коробка, мог спокойно войти в спальню хозяйки. Если вы приходите к человеку раз в году на день рождения, то посещение его опочивальни выглядит странно. А ежели регулярно появляетесь, то удивления ваше появление в спальне ни у кого не вызовет. Ну, например, купили какую-то штуку, допустим ароматическую свечу, и решили водрузить ее на тумбочку. Близкому другу это позволительно. Боря, отправляйтесь к Кузнецовым, расспросите их подробно.

– Полицейские уже провели с ними беседу, но родственники ничего

выдающегося не сообщили, – заметил секретарь. – Есть еще вариант: пакет не брали, кто-то из банковских сотрудников попросил Стеллу оформить сейф на свою родственницу.

– Тем более надо поговорить с семьей старухи, – не сдался я, – может, они назовут фамилию злоумышленника.

– Мне придется оставить Наталью одну, – пробормотал Борис, – а этого делать нельзя.

– Тогда подождите полчаса, я нахожусь недалеко от дома, – решил я.

– Теперь о практикантке, – опять произнес Борис. – Ее мать погибла в ДТП?

– Да, – подтвердил я. – Максим Петрович один воспитывал дочку. Наверное, поэтому он не женился. Почему вы спрашиваете? Вы же знаете, что он давно потерял супругу.

Борис кашлянул:

– Да, свидетельство о смерти Елизаветы Загорской имеется. Вот только я сегодня отправился в супермаркет. Наталья купала в ванной кота, я предупредил ее, что вернусь примерно через час, а сам вновь вошел в квартиру спустя минут десять. Дошел до магазина и обнаружил, что кошелек забыл. Открыл дверь, пошел в свою комнату, слышу голос Наташи. Она уже из ванной вышла, находилась в гостиной. Девушка говорила: «Мамулечка, не расстраивайся, я нашла работу. Правда, пока я на испытательном сроке, выполняю кретинские задания, хозяева проверяют, не устрою ли я истерику. Да, я терпеливая! Получу хорошую зарплату, потребую у отца купить мне квартиру. Главное, мамулечка, мы теперь будем вместе».

Борис на секунду умолк и продолжил:

– Возможно, она хотела продолжить беседу, но я, медведь неуклюжий, шкаф у стены локтем задел, из скважины ключ выпал на пол, громко звякнул. Наташа мгновенно разговор оборвала, не попрощалась, не сказала: «Ой, кто-то в квартире ходит». Просто замолчала, я понял, что она сейчас из комнаты выйдет. И точно, со словами «Эй! Кто там шумит?» она в холл выскочила. Я рассмеялся:

– Простите, душа моя, не хотел вас тревожить, портмоне оставил, пришлось вернуться.

Она затараторила:

– Неуютно мне стало. Учю роль, и тут звон. Подумала, вдруг кто-то влез в квартиру.

– Роль? – удивился я. – Какую?

– Я занимаюсь в театральной студии, – с самым честным видом

заявила девушка, – у нас скоро премьера.

Я решил ее на лжи поймать. Обычно вруны легко фантазируют, отвечая на первый вопрос, а то, что за ним последует второй, в голову им не приходит. Вот я и спросил:

– Чью пьесу ставите? Автор кто?

Наташа ни на секунду не растерялась:

– Наш руководитель ее сам написал, на Чехова мы не замахнулись. У меня роль девушки, которая воспитывалась в детдоме и случайно мать нашла. Родную. Твержу текст, твержу, но ощущение фальшивой интонации меня не покидает.

Уперла руки в бока и с чувством продекламировала последнюю фразу, которую по телефону произнесла:

– Главное, мамулечка, мы теперь будем вместе. М-да. Плохо как-то получается.

Я сделал вид, что не знаком с биографией Натальи.

– Трудно сыграть эмоцию, которую никогда не переживал. Слава богу, вы не сирота.

Наташа затеребила край кофты.

– Моя мать давно умерла, я ее не помню.

Борис кашлянул и замолчал.

Я припарковался на площадке.

– Где сейчас девушка?

– Она сказала, что раздобыла для Николетты сову, и поехала за ней. А кот у нас. Очень воспитанный, аккуратный. Я ему лоток купил, – сообщил секретарь.

Глава 18

– Где Наташа нашла сову? – с запозданием спросил я после того, как рассказал Борису о том, что узнал от Булкиной.

Борис достал из холодильника молочник.

– Тайна за семью печатями. Когда я задал ей аналогичный вопрос, она увильнула от ответа: «Иван Павлович приказал мне превратить гостевую в гадалый салон. Вчера у меня было мало времени, я сделала работу спустя рукава. Сегодня исправляю косяки. За пятнадцать минут до прихода Николетты сова будет там, где надо». И унеслась.

– Полагаете, что Ната общалась с матерью? – уточнил я.

– Она именovala свою собеседницу «мама», – напомнил Борис.

– Девушка могла и не соврать, возможно, театральная студия существует и там скоро состоится премьера... – высказал я свой взгляд на проблему.

– Я проверил ее мобильный номер с помощью приятеля, он в офисе телефонной компании не последний человек, – не дал мне договорить Боря. – Когда я слышал «зубрежку роли», Наталья беседовала по сотовому, она общалась с кем-то в пансионате «Рябиновый лес». Там тридцать номеров, с жильцом какого из них она говорила, узнать невозможно. Тот, кто намерен поболтать с постояльцем, сначала набирает телефон ресепшен, слышит обычные слова: «Здравствуйте, вы соединились...» – и в тоновом режиме вводит номер комнаты. Женщина за стойкой понятия не имеет, кто с кем общается. Единственное, что я смог выяснить: никого по имени Елизавета в пансионате нет.

– И как вам это удалось? – спросил я. – Неужели нашли в Сети медкарты клиентов?

– Я действовал проще, – улыбнулся Боря. – Звякнул в богоугодное заведение и сказал дежурной: «Будьте любезны, соедините меня с Елизаветой Загорской. Она моя тетя. Увы, я потерял айфон, в нем записал номер ее комнаты. Подскажите его». Администратор вежливо ответила: «Вы перепутали. Госпожа Загорская у нас не живет». Значит, она не под своим именем зарегистрирована в доме престарелых, который красиво называется санаторий «Рябиновый лес». Да и как она может телефон использовать, если свидетельство об ее смерти выдано? Но я все же спросил про Елизавету Загорскую на всякий случай. Списка постояльцев на сайте, конечно, нет. А вот врачи, медсестры и прочие сотрудники там

представлены. Небольшое фото, краткая биография, награды, достижения. Никого не забыли, даже библиотекаря. Ни одной Лизы среди работников нет, равным образом отсутствует и женщина по фамилии Загорская. Но обратите внимание, вот снимок жены Максима Петровича Загорского.

– Где вы его откопали? – поразился я. – Удивительная красавица.

– На сайте холдинга Максима Петровича, – объяснил секретарь. – Ему принадлежит куча всего, в частности страховая компания «Семья». Она создана год назад, позиционируется как спасательный круг для всех членов вашей семьи. Допустим, вы хотите купить страховку от несчастного случая, если вписываете в него только себя любимого, то платите высокую цену. Если присоединяете жену, платеж будет ниже. Чем большее количество родственников в полис включено, тем меньше взнос за каждого, ну и еще всякие программы. Рассказ об услугах предваряет текст. Сейчас найду его. Ага, читаю: «Люди часто интересуются: «Почему у вас такие выгодные условия для членов семьи? Где подвох?» Ответ содержится в вопросе. Недорогая страховка для родственников, потому что вы семья, а ее надо беречь. Идея выпустить пакеты страхования членов одной семьи с понижением стоимости в зависимости от количества людей в полисе принадлежит нашему президенту господину Загорскому. К сожалению, он знает, что такое терять любимых родственников из-за того, что не нашлось денег на их лечение. В свое время Максим Петрович лишился жены. И теперь страдает тем, у кого есть больные в доме...» Далее изложена душераздирающая история о том, как господин Загорский много лет назад во времена своего бедного студенчества не смог спасти свою обожаемую Лизу. Той поставили диагноз «рак в запущенной стадии». В России врачи отказались делать операцию, отправили ее домой умирать. А вот в Америке пообещали поставить Лизу на ноги. Но за огромные деньги. Загорский бросился собирать требуемую сумму и не успел. Елизавета похоронена в семейном склепе князей Загорских на кладбище в деревне Паново. Вот почему «Семья» постоянно советует... ну и далее про невероятно выгодную страховку, которую страховая компания предлагает в ущерб себе из-за того, что Максим Петрович потерял в молодости обожаемую жену.

– Навряд ли владелец огромного холдинга читал материал, размещенный на сайте, – предположил я. – Определенно есть человек, который отвечает за интернет-ресурс. И он напортачил. Много нестыковок. Время учебы Загорского в институте пришлось на советские годы. Какие полеты на лечение в США? Смешно. Да, я могу назвать фамилии писателей, знакомых отца, которые в приснопамятные времена ездили в Германию оперироваться. Но вопрос об их лечении решался чуть ли не на

уровне Политбюро, и эти литераторы являлись столпами советской прозы и поэзии. А вот прозаику Андрею Павлюкову^[7] не позволили отправить в Англию умирающую дочь, которую там могли вылечить, в КГБ сказали: «Вы вдовец, в СССР никаких родственников не имеете, кроме того, вы неблагонадежны, пишете клеветнические романы, изображаете в них советских людей в невыгодном свете. Улетите в Лондон и останетесь там». По слухам, Павлюков встретился с Брежневым. Леонид Ильич частенько инкогнито приезжал в Переделкино к одному барду, тот ему свои песни пел. Павлюкову удалось попасть на это строго закрытое мероприятие, он упал перед генсеком на колени. Брежнев был добрым человеком, он велел завтра же отправить отца с девочкой в Лондон. Счастливый Павлюков помчался на электричку, но в поезд так и не сел: его на переезде сбил грузовик. Машину и шофера не нашли. Больная за границу не улетела и умерла. КГБ не побоялся расправиться с известным писателем, которому дал согласие на лечение в Лондоне сам Леонид Ильич. В «сером доме» решили, что писатель не вернется на родину, станет рассказывать всей западной прессе правду о жизни в СССР. Загорский в юности был не богат, не имел веса в обществе. Все выдуманно неудачно. Склеп на погосте в Панове! Село это хоть существует?

– Есть на карте, – кивнул Борис, глядя в ноутбук, – на границе с Тверской областью. Если верить поисковику, там находится музей князей Загорских, усадьба, церковь, кладбище, где похоронены несколько поколений этой семьи.

– Надо же! – изумился я. – Полагал, что это «утка». Но хватит и онкологии с полетом в США.

– Вернемся к тому, с чего начали, – продолжал Борис, – к фото Елизаветы, которое помещено на сайте. Вот оно чуть крупнее.

– Молодая очаровательная девушка, настоящая красавица, – повторил я еще раз. – А снимок прямо иллюстрация к стихам Есенина. Березовая роща, зеленая трава, солнечный день. Елизавета стоит, обняв ствол.

– Это определенно фотошоп, – усмехнулся секретарь. – Взяли снимок девушки и поместили на природу. На тени посмотрите.

– Что с ними не так? – заинтересовался я.

Борис смахнул с клавиатуры невидимую соринку.

– Загорскому нужно нанять других специалистов. Те, что у него сейчас занимаются сайтом, заслуживают звания «мастер – кривые руки». В тексте они дурака сваяли, и в иллюстрации к нему тоже. Куда смотрят тени от берез?

– Налево, – сказал я и рассмеялся: – А тень от фигуры Елизаветы

падает направо. Непорядок.

Борис нажал на одну кнопку.

– Глупость, которую в наш век планшетов-ноутбуков-компьютеров-сенсорных телефонов даже первоклассник не совершит. Но то, что привлекло мое внимание, обработчик не тронул, а зря. У левого уха девушки на щеке есть темное пятно, сейчас его увеличу.

Я прищурился:

– Родинка размером с пятикопеечную монету, которые когда-то для входа в метро использовали.

– Теперь открываю снимок библиотекаря санатория «Рябиновый лес», – протянул Борис. – Зовут даму Маргарита Валерьевна Филина. Кого она вам напоминает?

– А должна? – насторожился я. – Полная крашеная блондинка. Возраст определить не могу. Не очень удачная прическа и слишком яркий макияж прибавляют ей лет. Выглядит на шестьдесят с хвостиком, но, возможно, она моложе.

Раздалось тихое попискивание.

– Готово, – обрадовался Боря, – смотрите. Родимое пятно на том же месте. Красавица в березовой роще и обрюзгшая библиотекарша – один и тот же человек.

– Время безжалостно, – только и смог произнести я. – Однако вероятно, что мы имеем дело с дамой, у которой просто похожая родинка.

Секретарь чуть наклонил голову.

– Снимок Елизаветы на сайте старый, думаю, над ним поработали, чтобы улучшить изображение. Родимое пятно могли слегка подкорректировать. А у Филиной его не полностью видно, прядь волос прикрывает изъясн. Я не могу сравнить у этих женщин родинки, чтобы доказать их идентичность или различие. Но! То, что родинка есть и у той, и у другой, является фактом. Месторасположение одинаковое. Наташа беседовала с кем-то по телефону, называла человека на том конце провода мамой. Еще один нюанс. Всем сотрудникам санатория, даже уборщицам, от тридцати до сорока лет. В коллективе есть только одна дама, которая по возрасту годится в матери Наташе. Библиотекарь Филина. У нее есть родинка. Думаю, надо потолковать с Маргаритой Валерьевной. Не исключаю, что мы ошибаемся. Но, возможно, Елизавета...

– ...жива, – договорил я. – И зачем весь этот спектакль?

Борис закрыл ноутбук.

– Лучше задать госпоже Филиной вопрос: не вы ли в анамнезе Загорская, а еще ранее Коркина? Иван Павлович, катить в сторону Тверской

области лучше вам. Вас дамы обожают и сразу выкладывают все свои большие и маленькие секреты.

– Делать нечего, – вздохнул я. – Завтра отправлюсь в путь. Придется рано вставать... Кто-то в дверь звонит.

Глава 19

– Сова какая-то некрасивая, не элегантная, – недовольно сказала маменька, рассматривая клетку. – Почему она не моргает, не шевелится, молчит?

Следовало объяснить Николетте, что раздобыть в Москве живую ночную хищницу почти невозможно. Они находятся под охраной закона, легально в зоомагазине не продаются. Наташа честно пыталась отыскать живую птицу, но потерпела фиаско. И что нам потом делать с совой, которую купили ради кратковременной прихоти Николетты? Ее увлечение гаданием, целительством и всем прочим быстро пройдет, а совушки – долгожители. В какой лес везти птичку, чтобы она не погибла? У Наты родилась идея взять напрокат филина или кого-то из его родственников, но выяснилось, что во временное пользование можно получить только голубей, их берут для свадеб. Ну, еще канарейку, маленького волнистого попугайчика, и все. И что сделала наша практикантка? Она поехала на киностудию и там у своего приятеля реквизитора взяла муляж, который снимали в каком-то фильме. На все про все ей понадобилось чуть больше часа. Ната оказалась предприимчивой и активной. Я впечатлился:

– Отличная работа.

– Спасибо, – потупилась дочь Загорского.

А вот маменька, осмотрев клетку, осталась недовольна.

– Она молчит!

– Сова? – уточнил я.

– Кто же еще? – взвилась Николетта.

Я попытался воззвать к ее разуму:

– Птицы не могут поддерживать беседу.

– У Коки в гадючной комнате разноцветный сине-красно-желтый филин, он болтает быстрее меня, – парировала госпожа Адилье.

Я поежился. Держать дома пернатое, которое тараторит активнее женщины? Господи, спаси членов семьи Коки и избави их от морской болезни, которая стопроцентно возникает у них к вечеру.

– Так это, наверное, попугай, – предположил Борис.

Маменька прищурилась:

– Нет! Просто у Коки заботливый зять. Она потребовала знающую русский язык совушку, и он вмиг раздобыл такую. А я? Несчастливая, бедная, голодная! У меня шуба старая, в прошлом году куплена, из леопарда

сшитая. В нынешнем сезоне носят снежного барса. Я оборванка. Но смирилась и с мужем жадиной, и с сыном неудачником!

Я кашлянул:

– Николетта, Владимир тебя обожает, готов потратить на жену все свои миллиарды. Просто скажи ему, какую доху хочешь, и получишь ее вмиг.

Маменька приложила ладонь к глазам:

– Он мне отказал!

Я не поверил своим ушам:

– Неужели?

– Да! – топнула ногой Николетта. – Я пришла к мужу вся в слезах, спросила: «Дорогой, ты меня любишь?» Жади́на начал клясться в самых искренних чувствах. И... все. Тишина.

– Может, ты просто не заметила в своих гардеробных обновку? – предположил я.

Маменька закатила глаза:

– Вава! По-твоему, я дура? Не способна увидеть манто? У меня не двухэтажный дом отведен под наряды, как у Коки! Вот у кого заботливый зять, прекрасная дочь. А у меня! Всего-то триста квадратных метров, крохотная комнатуха со старым прошлогодним шмотьем! Жмот не сделал мне подарка!

– Может, муж тебя не понял? – пробормотал я.

– О боги! – закатила глаза наша гадалка. – Я четко спросила: «Любишь меня?»

– Про манто сказала? – уточнил я. – Объяснила, какое тебе надо?

– Вава, – прости́нала маменька. – Ох, зря я всю свою молодость бросила на алтарь воспитания сына. С него манеры как с гуся вода стекают. Ни одна истинная аристократка не опустится до того, чтобы кланяться: «Купи мне шубу», это требуют только базарные бабы. Графиня Адилье не скажет подобного.

– И как ваш супруг догадается, что вам надо? – удивилась Наташа.

Маменька безглаголиво, как на таракана, посмотрела на девушку:

– Учитывая ваш внешний вид, отсутствие воспитания и истинной родовитости, объясняю. Я спросила: «Ты меня любишь?» Щедрый, благородный супруг сразу поймет, что нужно сию же секунду доказать свое горячее чувство, и поспешит купить манто из снежного барса. А жадный простолудин наговорит кучу слов, и... все! Князь накинёт на плечи своей спутнице жизни мех, лапотный колхозник сотрясет воздух. У меня нет ничего ценного. Сову, и ту принесли немую. У нее даже имени нет! Безымянная птица! Вот она, моя злая судьба.

Из клетки послышалось шипение, совушка растопырила крылья, затем раздался голос:

– Добрый день! Я княгиня Николетта Жабье.

От неожиданности я на секунду потерял пресловутое, постоянно поминаемое маменькой воспитание и способность владеть собой. Княгиня Николетта Жабье! Нет, такого просто не бывает. Механизм, который Ната отрыла в недрах реквизиторской киностудии, зовут почти так же, как маменьку, и совушка таки оказалась весьма болтливой! Я расхохотался во весь голос, опомнился, постарался замаскировать неприличный гогот кашлем, но не особенно преуспел.

– Как ее зовут? – вытаращила глаза маменька.

– Княгиня Николетта Жабье, – услужливо подсказал Борис.

И в эту секунду раздался звонок в дверь.

Глава 20

Секретарь вышел в холл, и вскоре оттуда послышался чужой голос:

– Здравсти. Андрей. Приехал вот!

Я попросил Наташу пройти в столовую и, когда мы с ней, пробежав по коридору, оказались где надо, тихо спросил:

– Как работает птичка?

Девушка протянула мне небольшой пульт:

– Вот!

– Тут несколько кнопок. Вы, наверное, в курсе, какая для чего? – спросил я.

Наташа слегка смутилась.

– Сову мне вынес помощник реквизитора, объяснил, что ее сделали для фильма «Ведьма без правил». Нажимаете сюда, активируется голос. Туда – приводите ее в движение. Зачем третья кнопка, я забыла спросить – очень к вам торопилась.

– Наверное, чтобы сову выключить, – предположил я.

– Вы такой умный, Иван Павлович, – решила подольститься к боссу практикантка. – Вот только сову нельзя активировать из другой комнаты. Нужно находиться с ней в одном помещении. Без вас с пультом у Николетты ничего не получится.

– Отлично, спасибо, – поблагодарил я и отправился в гостевую, где гадючила, гадалила, ох, простите, гадала маменька.

– Зачем он тут? – занервничал клиент. – Кто такой?

– Сидите спокойно, Андрей, – велела Николетта и округлила глаза: – Иван – слуга, он глухой, поэтому вас не услышит. И немой! Ничьих тайн, даже при большом желании, не выболтает. Что тебе надо? Ау! Лакей! Отвечай!

Я развел руками. Маменька забыла, что секунду назад представила меня как безъязыкого?

– Немедленно отвечай, – рассвирепела Николетта, – или говори, или уходи. Не мешай сеансу гадячества. У нас аура хрустального шара тухнет. И сова молчит! Вредное животное.

Я хотел уточнить, что графиня Жабье – птица, но вовремя вспомнил о своей немоте и нажал на пульт.

– Ух-ух, – донеслось из клетки, – лечу над миром, гляжу вокруг. Кто сидит? Медведь бирюк.

– Она меня имеет в виду? – уточнил толстый, абсолютно лысый мужик, который сидел в кресле. – Медведь бирюк? Почему?

– Не придирайтесь к зверю, – заулыбалась Николетта, – он говорит, как видит. Глаза у сов косые.

– Сама ты косая, – весьма разумно ответила графиня Жабье, – не смей оскорблять меня, королеву аристократов. Тьфу на тебя, чернь ползучая. Из какого навоза ты вылезла?

Впервые в жизни я увидел, что маменька лишилась дара речи, а Жабье не утихала:

– Иван-дурак, открой темницу, выпусти меня на волю, пригожусь тебе.

И тут меня осенило. Наташа притащила нам электронное чудо технической мысли. Раньше в фильмах-сказках снимали настоящих животных. Допустим, в сценарии есть очень умная собака, способная на разные кунштюки. Для съемок использовали десять-двенадцать псов. Один умел прыгать. Другой обаятельно улыбался, третий злобно скалил зубы. При монтаже четвероногих звезд совмещали в одну. Не счесть числа людям, которые после фильма «Лесси» завели колли, а потом удивлялись, почему их любимица не блещет сообразительностью, не подает хозяевам кофе в постель. Никто не объяснил наивным человекам, что в сериале работала уйма хорошо выдрессированных четвероногих. Но я вспоминаю события «времен очаковских и покоренья Крыма»^[8]. Нынче, в век разбушевавшихся технологий, скоро и артисты-то не понадобятся, их с успехом заменят создания вроде Жабье. Полагаю, что внутри совушки заключен магнитофон, на который записана ее роль. Как фальшивое пернатое понимает, когда ему надо говорить? Вопрос не ко мне. Может, оно реагирует на слово «сова»? Сейчас графиня Жабье произнесла: «Иван-дурак». Не стоит полагать, что она обратилась ко мне. Иванушка-дурачок – персонаж многих русских сказок.

– Ванька, вострепел, ясный сокол! Выпусти девицу на свободу! – повысила голос Жабье.

Почему-то я пошел у нее на поводу, открыл клетку. Муляж распростер крылья, полетел по комнате, заывая:

– Леса-поля, моря и реки, сейчас увижу правду с высоты небес о всех вас, человеки!

Я сел на диван, сова спланировала на макушку маменьки, та от неожиданности взвизгнула.

– Трепещешь, нечисть? – поинтересовалось электронное чудо.

Я понял, что совушка мне нравится. Наконец-то нашелся храбрец, осмелившийся беседовать с госпожой Адилье с позиции силы.

– Пошла вон! – замахала руками маменька.

Жабье клонула ее в макушку:

– Молчать! Исчадие мрака Аида.

Я удивился. Иванушка-дурачок, поля-леса, моря и реки – это лексика русских народных сказок. А «исчадие мрака Аида» явно относится к древнегреческой мифологии.

– Не Клеопатра ты молодая, заря души неокрепшей на фоне радуги восхода из моря лик Эос поднимающая, – продекламировала сова.

Я с интересом взглянул на чудо в перьях. Любопытно, кто ему текст сочинил? Клеопатра – это Рим. Эос – богиня зари у древних греков. «Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос» – так Гомер воспевал в «Одиссее» наступление рассвета.

Матушка сбросила птицу-робота на пол. Сова крякнула и неожиданно спросила:

– Где клиент?

– Здесь, – ответил Андрей.

– Приветик, – прошептала Жабье. – Ну варум^[9] приперся, убогий? За фигом тебе к нам, князьям? Куа^[10] со своей рожей лапотной в барских покоях подделываешь? Отвечай, иначе башка с плеч!

– Она хамит! – возмутился Андрей. – Я пришел к вам, госпожа Гадье, не за оскорблениями, деньги заплатил за прогноз будущего. И что я слышу?

– М-м-м, – пробормотала маменька, которая явно потеряла контроль над ситуацией.

Увидеть Николетту в беспомощном состоянии мне довелось впервые, я решил взять вожжи беседы в крепкие мужские руки.

– Уважаемый Андрей, графиня Адилье не может руководить вещим оракулом. Сова говорит что хочет и кому хочет, когда ей это кажется нужным.

– Да, да, – ожила маменька, – Иван-дурак прав.

– Так он немой или нет? – поразился клиент.

– Ваня, за твою доброту я тебе помогу, – заявила сова, – проси чего хочешь. Полверблюда готова дать! Выбери: передний план возьмешь или задний?

– Часть животного мне не нужна, – отказался я. – Сделайте милость, погадайте Андрею.

– Лысому? – уточнило электронное чудо-юдо.

Я тряхнул головой. Может, княгиня Жабье намного сообразительнее, чем я считаю?

– Тому, что не кудрявый, – деликатно согласился я.

Сова перелетела на голову клиента и неожиданно басом запела:

– Там, за туманами, там, за туманами, там, за туманами...

Повисла тишина, потом совушка фыркнула:

– Да фиг его знает, что там, за туманами? Нам бы со своей убогой, жуткой, страшной, катастрофичной, невыносимой, нищей жизнью здесь сейчас разобраться. Понял, Андрей?

– Вы про меня? – прошептал мужик.

Сова закрылась перьями и прогудела:

– Ой, плохо, Андрюша! Ой, плохо! Ой, печаль да скорбь! Ой, прощай, Лот! Ой, горит Содом! Ой, рушится Гоморра!

Я опустил голову. Содом и Гоморра – два города, которые, согласно Библии, Бог уничтожил за грехи их жителей. На месте населенных пунктов возникло Мертвое море. Поэтому многие верующие избегают в нем купаться и пользоваться всякой продукцией из солей этого водоема. Госпожа Жабье всесторонне образованна, легко цитирует разные источники.

– Убогий, жена у тебя есть? – деловито осведомилась сова.

– Н-нет, – прозаикался клиент. – Госпожа Жабье обещала ее найти в шаре хрустальном.

– Я? – совершенно по-человечески удивилось чудо в перьях. – Атас прямо! Да я тебя, калику перехожего, сегодня впервые очами своими сладкими узрела!

– Нет, не вы, а госпожа Гадье!

– Адилье, – поправил я.

Андрей ткнул пальцем в Николетту:

– Короче, она. Совсем запутался. У всех здесь похожие фамилии.

– Ну и спрашивай у дуры сиволапой, – надулась совушка, – у которой ни ума, ни воспитания, ни таланта нет. Лишь дурь, гонор и жадность в ней. Плебс, одним словом. Тьфу. Не мой это уровень.

Я посмотрел на маменьку. Та сидела с открытым ртом. Создавалось впечатление, что Николетта не способна гадючить-гадалить-гадать. Она пребывает в моральном нокауте. Придется самому разбираться с проблемой. Я принял наиболее простое решение: выключить излишне болтливый муляж – и нажал на кнопку.

Жабье чихнула. Я еще раз ткнул в пульт, и еще, и еще...

– Не старайся, Иван-дурак, – велела сова, – не поможет. Меня даже режиссер Сергей Петрович заткнуть не мог, а уж как хотел! Эй, убогий Андрей, нищий духом, не женись.

- Почему? – удивился мужик.
- Ты за правдой пришел?
- Да, – ответил клиент.
- Точно ее услышать хочешь?
- Ну конечно.
- Плати.

Я с восторгом слушал диалог птички и посетителя. Надо найти создателя сего чуда и преподнести ему бутылку хорошего коньяка.

Андрей вытащил из кармана портмоне:

– Сколько?

Сова вырвала клювом у него из руки кошелек и со словами:

– Не жабься, грешно это, – уволокла портмоне в свою клетку.

– Эй, там кредитки, – занервничал Андрей.

– Круто, – обрадовалась Жабье. – Жаль, неудобно мне клювом в банкомат тыкать. И застревает он в щели, откуда деньги вылезают. Правду знать хочешь?

– Да.

– Плати.

– Так ты у меня все деньги отобрала.

– Мало при себе имеешь.

– На счете бабла полно!

– Ладно, – сжалилась Жабье, – не женись!

– Почему?

– Баба тебя ночью задушит, пилой на части разделает, в кастрюлю засунет, свиные щи сварит! – без запинки проорала сова.

За дверью послышалось хихиканье, Наташа и Борис явно подслушивали в коридоре.

– Геть оттуда, – скомандовала неясить, – понаехали, понимаешь, басурмане финикийские, хананеи злоречивые.

Я уставился на Жабье. Финикийцы, хананеи... В библейские времена Ханаан – страна, простирающаяся на запад от северо-западной излучины Евфрата и от Иордана до берега Средиземного моря. Ханаан называли «Землей обетованной». Ныне она поделена между Сирией, Ливаном, Израилем, Иорданией. Жили там разные народы, в том числе хананеи и финикийцы. Надеюсь, у совы не сядет батарейка. Интересно поболтать с ней вечером за фужером настоящего арманьяка. Жабье по достоинству оценит мою библиотеку.

– Свиные щи сварит, – повторил Андрей, – из меня?

– Из кого же еще? – хмыкнула Жабье. – Твое будущее каркаю. Детей

не заводи. По миру отца пустят, судьба короля Лира ему пряником покажется.

Я восхитился: да она и Шекспира изучила!

– Изба сгорит, – вещала птичка, – молоко сбежит, еда протухнет, чума на оба ваши дома.

Я прищурился. Если мне не изменяет память, слова про чуму – это цитата из пьесы «Ромео и Джульетта» все того же старика Вильяма.

Андрей вскочил и схватил сову за крыло:

– Ща придавлю! Заткнись!

Птичка начала вырываться.

– Пришел за правдой, так слушай.

– Хочу услышать хорошие известия, – разозлился толстяк.

– А нет их, – огрызнулась Жабье. – Истина не мармелад с медом. Житуха, брат, не глазированный сырок со сгущенкой. Усек?

Сова выскользнула из рук разгневанного клиента, взлетела к потолку и зависла над макушкой Андрея:

– Дурак! Ишак! Напал на меня! Получи ответку.

На лысину посетителя посыпались, как мне показалось, горошины.

– Она меня обосрала! – взвыл Андрей.

Теперь дара речи лишился я. Ей-богу, не ожидал от Жабье ничего подобного. Весьма образованная особа – и такой пассаж! Хотя она дама, а женщинам свойственно на пике эмоций совершать резкие поступки.

– Немедленно поймайте ее, – заорал Андрей, – и отдайте мне!

Жабье сложила крылья и камнем упала на пол. Секунду она лежала, потом встала на... четыре маленькие лапки и со словами:

– Да пошел ты, убогий, раз мечтался фею словить, это даже никому из Рюриковичей не удалось, – борзо унеслась под диван.

Через секунду раздался вой, из-под дивана выползла Демьянка и кинулась к двери. Собака ткнула головой в створку, та распахнулась.

– Вау! – взвизгнула Наташа.

– Лови ужас фараонов! – взвыла сова, выскакивая из укрытия и несясь за псиной в коридор.

Я очумел. Крылья Жабье были аккуратно сложены на спине. Откуда у птицы четыре ноги?

– Борис, – прохрипел я, – сколько у пернатых конечностей?

– Крылья и лапы, – ответил из коридора секретарь, – по две штуки каждых. А у этой четыре лапы!

– Чтоб вас тут всех взорвало! – заорал Андрей и опрометью бросился вон из гостевой.

Глава 21

– Прошу простить, книги выдаются только тем, кто проживает в санатории «Рябиновый лес», – сказала библиотекарьша, увидев меня перед своим столом.

– Я приехал побеседовать с вами, – объяснил я.

– Нахожусь на работе, – попыталась увильнуть Филина.

И тут на ее столе зазвонил большой черный телефон, похоже, он здесь находится с пятидесятих годов прошлого века.

Дама подняла трубку.

– Да, слушаю, Николай Всеволодович. Конечно, на месте. Ясно.

Она отсоединилась, и я улыбнулся:

– Вас беспокоил директор санатория?

Тетушка поправила круглые очки.

– Да. Велел мне поговорить с корреспондентом из Москвы, который пишет о нашем прекрасном доме статью. И зачем вы беспокоили начальника? В обеденный перерыв я могу ответить на все ваши вопросы. Всего-то часа четыре надо подождать. Занята я сейчас.

– У вас нет ни одного читателя в зале, – заметил я.

– Кроме выдачи литературы я обязана еще карточки составлять, фонд вести, – ответила Филина.

– Вот поэтому я и направился к директору, – пояснил я, – попросил его разрешить вам общение с прессой в служебное время в ущерб работе.

– Хоть сейчас и утро, самая напряженная часть дня, я не имею права ослушаться Николая Всеволодовича, – вздохнула Филина. – Начинайте.

– Вас зовут Маргарита Валерьевна? – завел я беседу.

– Верно.

– Живете неподалеку?

– В селе Глебовка у меня маленький дом.

– Удобно, когда работа неподалеку.

– Да.

– Вы коренная жительница?

– Нет.

– Откуда приехали?

– Что за странный интерес к моей личности? – опешила Филина. – Спрашивайте о книжном фонде!

– Хочется понять, какие люди служат в сельских библиотеках, –

вывернулся я.

– Я работаю в санатории, – поправила Маргарита, – сюда колхоз не суется. Тут приличные люди, обеспеченные. Шантрапу на порог не пускают.

Я решил взять быка за рога:

– Вы знакомы с Натальей Загорской?

На лице библиотекарки не дрогнул ни один мускул.

– Впервые слышу это имя.

Я вынул планшет и положил его на стол.

– Можно вас попросить положить руку на экран?

– Прямо на айпад? – удивилась Филина. – Зачем?

– Компьютер считает отпечаток вашей ладони, вмиг снимет размеры, мы дарим всем, кто дает нам интервью, красивые кольца, – лихо соврал я.

– Правда? – по-детски удивилась Маргарита, выполняя мою просьбу. – Забавно. Что он там пишет?

– Вы, Маргарита Валерьевна Филина, – прочитал я, – родились в Москве, воспитывались одинокой матерью Галиной Петровной, отца не знали, других родственников тоже. Верно?

– Да, – согласилась библиотекарка.

– С книгами обращаться научились на зоне, – не утихал я.

– Так вы из полиции, – решила тетушка. – В вашем планшете программа, которая по отпечаткам человека определяет?

Насчет компьютера мошенница права: Борис на днях загрузил интересное приложение. Где секретарь его взял, понятия не имею. И проигнорирую вопрос Филиной.

Библиотекарь поджала губы:

– Давнишние времена вспоминаете. В юности каждый может оступиться.

– Если вы имеете в виду свою первую ходку, то она давно состоялась, – согласился я, – госпожа Филина потом неоднократно оказывалась за решеткой. В последний раз вы отсидели четыре года и были условно-досрочно освобождены. Значит, я вижу перед собой Маргариту Валерьевну?

– От того, что вы сто раз повторите мои паспортные данные, они не изменятся, – огрызнулась собеседница.

– Раз вы подтверждаете свою личность, а компьютер по отпечаткам тоже установил, что рука принадлежит Филиной, объясните мне, почему вы называете Наталью Загорскую своей дочерью.

– Вранье, – живо открестилась от услышанного Филина, – я не делала

этого.

Я поморщился:

– Маргарита Валерьевна, вы не раз попадались на мошенничестве. Звонили родственникам покойных людей и лгали, что усопшие должны вам деньги.

– Ни слова вранья не сказала, – опомнилась Филина, – у меня были расписки на руках.

– Верно, – улыбнулся я. – Перед тем как ехать сюда, я выяснил подробности о вашей, так сказать, профессиональной деятельности. Вы умеете филигранно подделывать чужой почерк, показывали родне покойного бумагу и в большинстве случаев получали сумму, которая в ней указывалась, благо она никогда не была запредельно высокой. Где вы брали информацию о мертвых, телефоны членов их семей? Вы работали санитаркой в больнице, имели возможность посмотреть документы. Люди верили вам еще и потому, что вы говорили: «Добрый день, Анна Ивановна, Сергей Петрович перед кончиной оставил мне номер телефона жены, обещал: «Аня отдаст долг». Наличие у мошенницы номера, знание ею имен покойного, расписка – все убеждало людей в вашей честности. Но в конце концов вы попались, отсидели срок. Однако за ум не взялись. Снова устроились поближе к тем, чей земной путь подходит к концу, и принялись за старое, за что опять очутились за решеткой. В вашей анкете, которую вы заполнили, нанимаясь в санаторий, нет ни слова о пребывании на зоне. Зато к ней приложена ваша характеристика от главврача одной из столичных клиник. После ее чтения возникает ощущение, что один из ангелов сошел с небес и сейчас служит в библиотеке. Но вот что забавно: главврач, который расхвалил подчиненную, никогда о ней не слышал. Почему? Ну не может же он помнить каждого из нескольких тысяч простых сотрудников, ему бы имена врачей не забыть. Но, даже обладая феноменальной памятью, о Филиной ни хорошего, ни плохого сообщить не мог, поелику сия дама никогда под его началом не служила. Иными словами: подделали вы рекомендацию. Поэтому у меня есть следующее предложение. Я никому не сообщу, что вы предоставили фальшивую рекомендацию. А вы честно отвечаете на мои вопросы, увольняетесь из санатория и живете, не обманывая окружающих. Если вам это не подходит, то я иду к главврачу...

– Согласна, – живо отозвалась Филина, – задавайте свои вопросы.

Я перелистнул айпад.

– Даже если человек очень хочет скрыть информацию, всегда можно найти торчащий «хвост». Прокалываются порой профессионалы из спецслужб, а уж они тщательно готовят свою легенду. Мы выяснили

правду...

Я на секунду умолк. Местоимение «мы» тут лишнее. Я не имею ни малейшего отношения к поискам подробностей биографии супруги Загорского. Я мирно спал до утра, а вот Борис не сомкнул глаз, пустил в ход несколько своих компьютеров, залез во все темные углы и вытащил на свет божий сведения, которые Максим Петрович считал надежно закопанными и заваленными камнями.

Я посмотрел на Филину и продолжил:

– Когда Наталья еще не пошла в первый класс, Елизавета угодила в клинику. Отец сказал дочке, что мама погибла в автокатастрофе. Каким-то образом он ухитрился раздобыть свидетельство о смерти жены, но в реальности Лиза скончалась намного позднее, когда Наташа уже училась в школе. Вы тогда работали в больнице, но не в той, где содержалась жена Загорского. Откуда вы узнали про Наталью? Зачем сейчас прикинулись ее матерью?

Маргарита подперла щеку кулаком.

– Мамашка Лизки дружила с Галиной Петровной Филиной, бабой, которая меня родила. Я старше Елизаветы, но разница в возрасте не мешала нам дружить. Родительницы нам достались злые, они дочек за неправильное, по их мнению, поведение буквально на улицу выкинули. А мы ничего ужасного не совершали, просто были глупыми детьми. Если ребенок непослушный, членам семьи надо удерживать его от дурных поступков. Моя мамашка, узнав, что я в четырнадцать лет с мальчиком в близкие отношения вступила, обозвала меня шлюхой и отправила в интернат. Ей, как многодетной, этот фортель легко проделать удалось, и я оказалась в приюте. Хорошо, что не надолго. Когда через два года меня из интерната выпихнули, пришлось по знакомым скитаться, домой меня мать не пустила. Лизку вон выгнали, когда выяснилось, что у нее со взрослым мужиком, профессором, любовь. Вот почему у нас жизнь наперекосяк пошла! Из-за подлых старших!

Я терпеливо ждал, когда немолодая особа перестанет обвинять давно умерших родных во всех своих проблемах. Не стал ловить ее на лжи, хотя Борис узнал, что в подростковом возрасте Маргарита обокрала соседей и ее отправили в спецшколу, мать государству дочь не по своей воле отдала.

В конце концов библиотекарь подошла к сути вопроса. Маргарите в жизни не очень везло. Жилья у нее не было, приходилось снимать комнату, замуж она никак не могла выйти, жила с разными партнерами. У Елизаветы судьба складывалась веселее. Она переехала к профессору, потом познакомилась с Загорским. После ряда приключений Елизавета вышла

замуж за Максима Петровича, тот признал Наташу своей дочерью. Казалось бы, можно радоваться, воспитывать ребенка. Но Лизу тянуло на приключения. Супруг работал в разных местах одновременно, добывал деньги для семьи, а жена по-тихому ходила налево. Господь наградил Елизавету редкой красотой, недостатка в кавалерах у нее не было.

– Макс мало денег приносит, – жаловалась подруга Маргарите, – хочу найти богатого, надоело копейки считать.

Среди любовников Лизы были обеспеченные люди, но вот удивление: восхищаясь красотой любовницы, они не спешили бросать своих толстых неуклюжих жен и вести в загс очаровательную блондинку. Елизавета жила с Максимом в ожидании лучшего варианта для брака, а он ну никак не появлялся. О том, что у Лизы СПИД, выяснилось случайно. У госпожи Загорской вдруг начались разные болячки: то насморк, то кашель, то с желудком чехарда, а потом ее свалило воспаление легких. Да такое серьезное, что Елизавета попала в больницу. Там взяли анализы крови, и открылась правда.

В людском сознании ВИЧ – стыдная болезнь, по мнению многих, ее зарабатывают только те, кто ведет развратный образ жизни. То, что подцепить вирус можно во время укола, который сделает недобросовестная медсестра, используя зараженную иглу, или вступив в отношения с человеком, намеренно не сообщаящим о том, что он инфицирован, мало кому приходит в голову. Народ твердо уверен, раз диагноз СПИД, значит, больной гей или проститутка. И если от онкобольных большинство здоровых людей теперь шарахаться перестали, то от ВИЧ-инфицированных народ бежит как от чумы. Объяснять, что при простом рукопожатии вы не заразитесь, бесполезно. Поэтому подавляющее большинство заболевших ничего не говорит коллегам по работе, друзьям, а иногда не знают о болезни даже родители и взрослые дети.

Но Загорский-то узнал истину и выдал стандартную реакцию. Сначала он обозвал жену шлюхой, потом кинулся с Наташей к доктору. Максим узнал, что он и ребенок здоровы, и устроил супруге допрос. Та, рыдая, призналась в изменах. Оцените выдержку Максима Петровича. Девять мужчин из десяти, вспомнив, сколько жена им лгала ранее, надавали бы бабе пощечин и разорвали брак. Загорский не распустил рук, он не хотел, чтобы кто-либо узнал про диагноз Лизы, боялся позора, пересудов, косых взглядов в свой и Наташин адрес, поэтому оплатил пребывание супруги в клинике, где ее лечили анонимно. Развод Загорский не оформил по той же причине, он просто объявил супругу умершей.

Рита про СПИД подруги не слышала, она часто звонила Максиму с

вопросом: «Как там Лизонька? Вылечила пневмонию? Скажи, где она лежит, я хочу ее навестить». Загорский отделялся ответом: «Жена не желает никого видеть, потому что плохо выглядит». Потом он вдруг сказал: «Лиза выписалась. Все ок». Рита захотела пообщаться с Лизаветой, но ей это не удалось. В тот день трубку снимал только Макс, он говорил: «Жена в ванной», «Она устала, спать легла». На следующий день Загорский сообщил ужасную новость: «Елизавета трагически погибла в ДТП. О дате и месте похорон извещу завтра».

Маргарита не сомневалась в том, что Лизы более нет. Да и как не поверить, стоя у могилы, куда опускали закрытый гроб? Присутствующим объяснили: покойная сильно изуродована, привести ее в нормальный вид не удалось. Лицо погибшей шокирует, лучше запомните ее красивой.

Прошло время.

Однажды в полночь Маргарите позвонили.

– Алло, – пробормотала Филина, – кто и какого черта ночью не спит?

– Это я, Маргошик, – прошептал знакомый голос.

Рита похолодела. На свете был лишь один человек, который так ее называл.

– Кто это? – в ужасе осведомилась Филина.

– Лиза, – ответили из трубки.

Безбожница Маргарита взвизгнула, отшвырнула от себя телефон и начала креститься, горько сожалея, что не знает ни одной молитвы. Снова раздался звонок, а поскольку Филина не отвечала, включился автоответчик, и Рита услышала:

– Понимаю, ты в шоке. Я жива, но скоро умру. Меня запрятали в больницу, которая похожа на тюрьму. Это на самом деле я, Лиза. В это трудно поверить, да? Полагаешь, что общаешься с шутником-идиотом? Маргошик, помнишь, как мы влезли на дачу к Серовым, украли там пару колечек тети Нины, сдали их в скупку и купили тебе туфли? Об этом никто, кроме нас, не знает.

Рита дрожащей рукой схватила аппарат:

– Лизок! Боже! Ты где?

– Записывай адрес, – деловито велела подруга, – приезжай во вторник после полуночи. На дежурство заступит Маркова, она нам встречу устроит. Возьми денег, Зинке заплатить надо.

Филина прибыла в указанный день и час в небольшой подмосковный городок. Хмурая медсестра отвела ее в кладовку, через пять минут там появилась Елизавета.

Филина хотела обнять воскресшую подругу, но та резко отстранилась.

– Лучше не надо. У меня СПИД. Сядь и выслушай.

Вот так Рита узнала о болезни Елизаветы, а заодно и по какой причине Максим не развелся с женой, а объявил ее покойницей.

Загорский любил непутевую Лизу, несмотря на то что она скрыла свое замужество, прикидывалась свободной. А еще он хотел детей. Когда Максим удостоверился, что Наташа его родная дочь, он простил Лизе все, женился на ней, переоформил девочку на себя. Думаете, жена была благодарна Максиму? Как бы не так! Вскоре после свадьбы новобрачная завела любовника. Тут уж даже Рита, всегда одобрявшая безумные затеи подруги, сделала ей замечание:

– Если Максим что-то заподозрит, тебе не сладко придется. У Загорского не бесконечное терпение, не натягивай веревку, лопнет! Уймись. Загорский тебя обожает, шубу купил. Чего тебе еще надо?

– Мужика настоящего, – честно ответила Лиза. – Я хочу секса утром, вечером и днем. Каждый день. А Макс еле-еле два раза в неделю удосужится. Ширь-пырь, три минуты. Мало мне этого. И денег он нормальных не зарабатывает. Манто из кролика припер, а я о норке мечтаю. Да и как он узнает про моих парней? Я не дура, домой их не вожу!

– Хорошо хоть на это ума хватает, – вздохнула Филина. – Не профукай свое счастье. Остановись!

– Ты же меня всегда прикроешь, – хихикнула подружка.

Глава 22

Несколько лет Елизавета веселилась по-тихому на стороне, а Рита ее прикрывала. Потом очередной любовник Игорь Гакин заразил Лизу СПИДом.

Дальнейшее известно. Однако была история, которую Борис никак не мог найти в Интернете, но ее знала Маргарита и сообщила сейчас мне.

Услышав о состоянии своего здоровья, Елизавета поняла, что получила заразу от Игоря, позвонила ему, заорала:

– Сволочь! Гад! Чтоб ты сдох! Вот почему ты вечно таблы жрал, врал: «У меня аллергия!» Мразь! Презерватив не надевал! Я тебя засужу! В тюрьму посажу.

Гакин, не прерывая, выслушал ее вопли и пробормотал:

– Прости.

Это короткое слово вызвало новую волну гнева у жены Максима. Когда цунами улеглось, Гакин сказал:

– Осознаю всю меру своей вины. Хочу хоть немного исправить то, что натворил. К тебе приедет мой адвокат с документами.

– С какими? – спросила Елизавета и услышала, что Игорь дарит ей свой огромный загородный дом со всем содержимым, участок и коллекцию холодного оружия, которую начал собирать еще дед Гакина.

– Можешь на меня заявление в милицию накатать, да только это бесполезно. Я скоро умру, – печально говорил Игорь, – ни жены, ни детей я не завел. Имущество государство заберет, пусть лучше тебе в качестве компенсации за ВИЧ достанется.

– А куда твои гостиницы денутся? – спросила Лиза. – С отельным бизнесом что произойдет?

– Все тебе подарю прямо завтра, – пообещал Игорь. – Мне считанные недели остались.

– Ну а я еще поживу, – прошипела Лиза.

Удивительно, но Гакин ее не обманул, вскоре Елизавета стала владелицей всего, что обещал ей Игорь. Лиза не собиралась рассказывать законному супругу о подарках любовника. Но адвокат с нотариусом приходили к ней в больницу. И прикормленная Загорским врачаха вмиг разболтала Максиму Петровичу о визите. Муж потребовал у Лизы ответа: зачем к ней в палату наведывались юристы? Лиза понесла чушь, дескать, ей предложили стать донором почки для одного иностранца.

– Донор почки? – повторил Загорский и расхохотался. – В жизни все надо умело делать, и врать в том числе. Донор почки? ВИЧ-инфицированная баба – донор спидоносной почки?

Продолжая смеяться, Максим перерыл всю палату и нашел документы. В эту секунду судьба Елизаветы была решена.

– Ты никогда не выздоровеешь, – сурово заявил ей супруг, – речь идет только о продлении твоей жизни. Год, два... ну, может, три. И это лишь в случае оплаты бешено дорогих лекарств, которые я тебе покупаю. Без них ты сдохнешь через несколько месяцев в мучениях. Домой не возьму тебя ни при каких обстоятельствах. Не хватало еще заразиться. У меня есть дочь, о которой мать, бегая за больным любовником, начисто забыла. Сначала я хотел оформить развод и лишить тебя материнских прав. Причина – СПИД, заработанный прелюбодеянием. Но я подумал о Наташе. Девочка подрастет, каково ей будет узнать правду о матери? А в случае нашего развода истина точно наружу вылезет, и непременно найдется доброхот, который когда-нибудь ребенку правду сообщит: мамаша у тебя шлюха, умерла от болезни, которую ей хахаль подарил. Не хочу для юной девочки таких ужасных переживаний. А теперь подумай не о Наташе, тебе на нее плевать, помысли о себе. Я могу не разводиться с тобой, заплачу психиатрам, тебя объявят сумасшедшей. Все твое добро перейдет под мою опеку. Я ни копейки за нормальное содержание распутницы не заплачу. Сгниешь в палате на двадцать человек в окружении вокзальных проституток. Но есть и другой вариант. Ты немедленно оформляешь на меня завещание и после этого умираешь не по-настоящему. Я объявлю тебя покойной, сообщу всем: Елизавета скончалась в результате ДТП. Ни малейшего упоминания про СПИД. Народ глаза на твоей могиле выплачет. А я помещу тебя в частную больницу, в отдельную палату-квартиру из нескольких комнат, кухни, у тебя будут личная сиделка, вкусная еда, наилучшие лекарства. Сколько ты протянешь, столько и проживешь. Умрешь без мучений и боли. Это я тебе гарантирую. Наташа никогда не узнает правды. Она будет считать мать прекрасной женщиной. Выбор за тобой. Имей в виду, в государственном учреждении ты сдохнешь быстро, и независимо от того, есть завещание жены или его нет, мне все твое добро достанется. Спектакль с похоронами я устрою ради спокойствия девочки. Решай.

Елизавета согласилась на «погребение». Почему она спустя время соединилась с Маргаритой? Лиза поняла, что ей недолго жить осталось, и попросила подругу:

– Помоги мне. Максим мерзавец. Теперь я знаю, почему он заставил

меня составить завещание на себя, написать: «Оставляю все исключительно моему мужу, без передачи чего-либо другим наследникам». Я еще удивилась, о каких других наследниках идет речь? У меня никого нет! Загорский ответил: «Это стандартная формулировка». Соврал он. Я забыла про Наташу. Она же была совсем маленькая. Не подумала, что девочка имеет все права. Загорский исхитрился все сам огрести. Ребенку ни копейки не дал. Сейчас Наташа еще ребенок. Когда ей стукнет шестнадцать, будь добра, свяжись с девочкой и расскажи, как папаша ее обдурил. Только не говори правды обо мне. Объясни Наташе: «Отец обязан тебе выделить хороший кусок не только из наследства матери, но и из прибыли, которую ему часть твоего состояния принесла».

– Ну ты и умная! – восхитилась Рита.

– Не я, – возразила подруга. – В соседних апартаментах крупный юрист лежит, он мне это и растолковал. Поклянись, что все сделаешь.

Маргарита согласилась выполнить ее просьбу. Лиза с ней более не общалась. Через год после свидания в кладовке Филиной позвонила женщина и, не представившись, сказала:

– Ваша подруга ушла на небо. Она просила вам сказать: «Помни об обещании».

Маргарита честно собиралась пообщаться с Наташей в день ее шестнадцатилетия. Но за неделю до этой даты Маргариту арестовали. Исполнение просьбы Лизы отложилось на годы.

Филина замолчала.

– Грустная история, – заметил я. – Но зачем вы прикинулись матерью Наташи?

Маргарита опустила голову.

– Думаете, я людей обманывала по преступности характера? С огромной неохотой родственникам покойных звонила. Где деньги взять? Из-за своей матери я образования не получила. А какая без диплома работа достанется? Самая тяжелая, с нищенской зарплатой. Я серьезно больна. Ходить совсем не могу. Ноги отказывают. Годы идут, моложе я не стану. Родственников нет. Мужики на пути попадались все сволочи. Жить со мной жили, ели-пили вкусно, спали мягко, а как только я намекала: в загс нам сходить надо, хватали ноги в руки – и деру. Сколько раз меня гражданские мужья обманывали! Не сосчитать! Старость на пороге. Кто за мной ухаживать станет, когда ноги совсем откажут? Кто копеечку подаст? Никого нет! Погибай, калека! Вот я и подумала: если Наташа узнает, что мать жива...

Маргарита сжала ладони в кулаки и прижала их к груди.

– Девка еще не замужем, детей у нее нет, а ведь ей не двадцать лет. Я для Наташи прекрасного жениха нашла! Максим плохой человек, он Нате никогда не разрешит быть счастливой с Валерой. Я их свадьбу устрою. Наташа потребует от жадного папаша свою часть бизнеса с процентами. Мы купим дом! Я стану бабушкой их детям! Ната будет считать, что мамочка вернулась! Скажу ей, что долго болела. А теперь вылечилась.

Я опешил:

– Вы всерьез это говорите?

– Конечно, – подтвердила Маргарита.

– Для начала вы внешне совершенно не похожи на Елизавету, я видел ее фото, – сказал я.

– В молодости? – уточнила собеседница.

– До старости она не дожила, – парировал я.

– Вот-вот, – кивнула Рита, – Наташа в последний раз виделась с мамой в пятилетнем возрасте. Она ее вообще не помнит.

– Родимое пятно! – осенило меня. – Вы его специально сделали? Татуировка?

– Ага, – призналась Рита, – это доказательство, что я Лиза.

– Ладно, предположим, обманете вы Наташу, – согласился я, – но у вас паспорт на другое имя. Как вы объясните девушке наличие свидетельства о смерти Лизы? Почему мать, если осталась жива, ни разу дочке не позвонила?

Филина надула губы.

– Я ей уже растолковала: заболела СПИДом. Муж меня заразил. У Максима любовница была, он от нее ВИЧ подцепил, мне передал. Сам за большие деньги вылечился, а меня вон отправил. Я улетела в Корею...

У меня закружилась голова. Маргарите нужно писать романы, любой писатель позавидует буйной фантазии дамочки.

– ...жила в этой стране у монаха, – неслась на лихом коне вранья Филина, – не один год провела в услужении. А муж тем временем меня «похоронил», чтобы все имущество захватить и дочку родную ограбить, не выделить ей ни копейки.

– Маргарита... – попытался я остановить дамочку.

Куда там! Та пела, как сошедший с ума соловей:

– Я в Корее стала здоровой, вернулась в Россию, устроилась на интеллигентную работу библиотекаря и теперь готова жить вместе с доченькой.

– Отлично, – пробормотал я.

– Вам тоже мой план нравится? – обрадовалась Филина.

- Просто слов нет, – вздохнул я.
- И муж Наташи, Валера, в восторге! – заявила Маргарита.
- Дочь Загорского с кем-то расписана? – удивился я. – В документах нет упоминаний о ее браке!

Глава 23

– Пока они просто жених и невеста, – после небольшой паузы ответила Маргарита, – состоят в емейл-переписке. Но вот-вот встретятся. Валерочка уже несколько раз Натусеньку на свидание звал. Но девочка очень занята. Он прелестный мальчик, старше Наташи на пятнадцать лет.

Я успел погасить ухмылку. Мальчик старше девушки, которая скоро отметит тридцатый день рождения, на полтора десятилетия? Ну прямо малыш!

– Профессию прекрасную имеет, – тараторила Филина, – автобизнес, доход приличный, жильем он обеспечен, у него роскошная квартира. Максим никогда не разрешит Наталье выйти замуж за возлюбленного. Недавно девочка решила почву прощупать, спросила: «Папа, какого зятя ты хочешь? Красивого, доброго, умного, который меня любит, но не очень богатого. Или жирного, старого, злого уroda, но с деньгами?»

Загорский ей ответил: «Если мужик беден, значит, он дурак и лентяй. Представитель сильного пола обязан обеспечивать жену и детей. Внешность зятя меня не интересует, его вес тоже. Что толстяк, что скелет, мне по барабану. Другое требуется. Умение зарабатывать. Желание развивать свое дело. Ты небось под словом «любовь» имеешь в виду женские штучки: букеты, конфеты, серенады, «дорогая, обожаю тебя», подарки, ужин на берегу моря с шампанским. Бразильский сериал, короче. Такой якобы любви для дочери я не желаю. В моем понимании истинное чувство – это ответственность за семью, способность разрулить любую стрессовую ситуацию, не превращать супругу в лошадь, которая тянет и финансовый воз, и быт. Ты мужик? Сам паши конем. Слабая женщина пусть трудится там, где ей нравится, цветочный магазин ей купи, студию балета, рисования, цветоводства, вязания. К чему ее душа тянется, тем пусть и занимается. Без неистовства. Домработницу найми, няню детям. Знаю парней, которые гнутые копейки домой приносят, в пять вечера на диван рушатся и пультом щелкают. А жена в девять с работы прилетает, язык на плече, не знает, за что хвататься: уроки у ребят не сделаны, ужин не готов, посуда с утра не мыта, белье не глажено, собака не гулена. И стартует у бедолаги вторая рабочая смена. А ее прыщ с дивана блеет: «Дорогая, обожаю тебя. Ты лучшая на свете зайка. Хочу тебя в меха укутать, брильянтами осыпать. Я тебе луну подарить готов!» И где презенты? Это не любовь. Болтовня и лень. Вот такого сморчка я сразу вон

отправляю».

Натусенька продолжала: «А если жених такой хороший, что тебе понравится, но фамилия у него Жабкин. Тогда как?»

«Пусть в своем болоте живет! – заорал папаша. – Не лезет в семью, чей род тысячелетнюю историю имеет! Забыла, кто такие Загорские? Напомнить?»

Маргарита включила настольную лампу.

– Я очень расстроилась. Не разрешит он детям быть счастливыми. Лиза над мужем всегда посмеивалась: «Если его послушать, так он прямо от первых обезьян произошел. Весь дом в портретах: «Это мой прапрадедушка, он у хана Батыя выпросил чего-то для Руси». Анекдот. Мать его сберегла лабуду всякую, типа снимки древние, картины, книги потрепанные». Максим с ножом-вилкой яблоки ест, маникюр делает, одет безупречно. Жену он постоянно тиранил, что она не по дворянскому этикету живет. Знаете, что после шести вечера нельзя надевать одежду коричневого цвета?

Я улыбнулся:

– Это очень старое правило, его придерживалась в прежние века аристократия. Да, не принято было являться на ужин в костюме цвета спелого каштана, и ботинки такого колера не приветствовались. Но сейчас даже в этой свято чтущей традиции среде многое изменилось. Увидев меня в семь вечера в брюках неподобающего цвета, дамы не сочтут Подушкина недостойным претендентом на руку дочери. Они просто подумают: «Ох уж эта молодежь!»

– Ну, юным-то вас не назовешь, – заметила Маргарита.

Я спокойно ответил:

– И да, и нет. Для двадцатилетней девицы я трухлявый пенёк, а для дамы за восемьдесят неразумный юнец.

Но Маргарита не слушала меня, она продолжала:

– На всю голову Загорский упавший. Делит людей на дворян и лакеев. Лиза рассказывала, как Максим один раз день рождения справлять собрался. И давай вслух рассуждать:

– Куда мне Виктора Годунова сажать? На левую или на правую сторону стола?

Лизка не поняла проблемы:

– Да где хочет, пусть там и устраивается. – Так Максим ее чуть не убил, орал полчаса:

– Можно вывезти девушку из деревни, но вывести деревню из девушки невозможно. Сколько раз я тебе объяснять должен! Размещение

гостей – тонкий вопрос, надо учесть массу нюансов. Если отбросить то, что Виктор на гитаре играет, песнями на жизнь зарабатывает, то ему, исходя из древности рода Годуновых, нужно выделить место справа. Но он певец! И как решить сию задачу?

– Что-то я не поняла, – призналась Лиза. – При чем здесь Витина работа?

– А при том, что комедиантов ранее за оградой кладбища хоронили, – взвился муж, – сие подлое ремесло предназначалось для черни. До того как большевики батюшку-царя расстреляли и из Великой Руси позор по имени СССР сотворили, актеришек-певцов в гостиные не пускали, их на кухне с прислугой кормили. Да и основная часть лицедеев в крепостных состояла. Сейчас ноги с головой местами поменялись. Кривляки небожителями считаются. Но не в моем доме! Не у Загорского! Что делать? Виктор родом из Годуновых! Но он клоун, для публики поет! Очень сложная ситуация.

– Так не зови его вообще, – пожала плечами Лиза.

– Годунову не отправить приглашение? – подпрыгнул муж.

Лизавета нашла новый вариант:

– Ты еще позвал Никиту Кошкина, Диму Рыбалко и других не знатных, посади Витю с Китом. Им есть о чем поговорить, Кошкин – оператор на телевидении.

– Годунова к черни! – ахнул Загорский. – Да он меня на дуэль вызовет и прав будет.

– На дуэль? – повторил я.

Маргарита кивнула:

– Бред, да? Мать Максиму психованная досталась. Еленой ее звали, отчества не помню. Она еще давно, когда нельзя было вслух говорить даже то, что твоя бабка мыла полы у дворян, организовала какое-то тайное общество. В нем все эти идиоты, князья-графья, состояли. Вы в гостях у Максима Петровича были?

– Не довелось, – признался я. – Посещал только его офис. Впечатлен интерьером. Тонко стилизованное под старину помещение. Много книг.

Рита рассмеялась.

– Наташа мне видео квартиры папаши присылала. Дом расположен на Большой Ордынке. Это хоромы его родителей. Там ремонт лет сто не делали. А может, двести. Поколения Загорских жили в свинарнике.

– Какая фамилия у жениха Натальи? – остановил я Филину.

– Квакин, – ответила Маргарита, – ну очень хороший парень.

Глава 24

Борис встретил меня дома словами:

– Очень хороший парень Квакин на поверку оказался ну очень плохим кадром. Все, что Маргарита вам о нем сообщила, имеет мало общего с действительностью. «Занимается автобизнесом». Работает таксистом, нанимается в разные фирмы водителем. «Имеет хорошую жилплощадь». Прописан в коммуналке в малопrestiжном районе Москвы, у него одна комната в двушке. «Старше Лизы на пятнадцать лет». На двадцать старше. «Хорош собой». Ну, смотря на чей вкус. Смотрите. Как он вам?

Я уперся взглядом в экран ноутбука.

– У каждого свое понятие о красоте. И я не дама, чтобы оценивать внешность мужчины. Похож на цыгана. Смуглый, волосы кудрявые, глаза карие, лицо характерное для румын, молдаван. Стройный, благодаря спортивной фигуре выглядит моложе своих лет, следит за собой, похоже, он франт.

– Это профессиональное, – заметил Борис.

– Валерий актер? – предположил я. – Снимается в эпизодах?

– Нет, он грабитель, – пояснил мой помощник.

Я нахмурился:

– Интересно.

– Отсидел за обман людей, которые продавали свои машины, прикидывался покупателем, садился за руль, чтобы совершить пробную поездку, и уезжал навсегда.

– Милый мальчик, – хмыкнул я. – Полагаю, такой жених Загорскому не по вкусу придется.

– Согласен, – кивнул Борис. – Иван Павлович, а не поговорить ли вам со вдовой Маслова? Игорь Кириллович мог супруге что-то о Роберте рассказать. Муж и жена – одна сатана. Шмидт посредственность, но не идиот же! А история про выплату кредита наличкой, которую начальник департамента сам у него забирал, вообще чушь. Я начинаю думать: вдруг клерк не врал?

– Вы правы, – согласился я, – необходимо побеседовать с Масловой.

– Иван Павлович, у вас телефон мигает, – подсказал секретарь.

– Когда я беседовал с Филиной, заблокировал звонок, а потом забыл его включить, – сообразил я и, не глядя на экран, схватил трубку: – Подушкин на проводе.

- Как официально, – произнес женский голос, – прямо сурово.
- С кем имею честь общаться?
- Обидно сознавать, что ты меня не узнал.
- Простите, кто вы?
- Ваня, ты обещал сегодня приехать.
- Куда? – осведомился я.
- Ко мне.
- Простите, ваш телефон не указан в моих контактах.
- Вот оно что! После всех твоих слов!

Я мигом вспомнил загадочную тетюшку с вопросом про какающего павлина и выдохнул:

– Лена! Простите! Вы мне прислали еще одну загадку, на сей раз не про павлина, но я не успел ответить.

– О! Ты еще и угадыватель. Но я не Елена, сделай еще одну попытку опознать меня.

Не свойственное мне желание отреагировать бранью я подавил. Но не удержался от резкого высказывания:

– Извините, у меня нет времени для пустой болтовни. Желаю вам прекрасного вечера.

– Ну поскольку ты не сдержал своего обещания и, похоже, вообще забыл, что собирался со мной поужинать, то часы, проведенные мной в одиночестве, не будут прекрасными, – пропел голос. – Понравился ли Николетте набор с чемоданчиком?

– Ньюка! – осенило меня.

– Она самая, милый, – засмеялась подружка маменьки.

Я быстро сообразил, что госпожа Шерметова-Шанхаева легко может превратить мою жизнь в ад. Стоит ей только намекнуть Николетте, с которой владелица салона магического инвентаря знакома, что она собралась замуж за Ивана Павловича... Далее лучше не думать. Ньюке госпожа Адилье поулыбается, а меня сожжет на газовой горелке. Почему не на костре? Так где его развести в московской квартире! Конфорка самый подходящий инвентарь для казни сына, выбравшего неподходящую невесту. Надо срочно успокоить обиженную даму.

Я набрал полную грудь воздуха.

– Кто сказал, что я забыл про ужин?

– Разве нет?

– Если не ошибаюсь, вы не указали точное время, когда я должен прибыть к вам, поэтому я решил, что нужно явиться...

Я быстро глянул на часы. Сейчас семь, за час я успею.

– ...в восемь... Но, если ошибся, постараюсь прибыть ко времени, которое вы назовете!

– Восемь меня устраивает, – пропела Ньюка, – только не опаздывай, как раз приготовится ужин.

– Так я уже в пути, – соврал я.

– Гав, гав, гав, – донеслось из коридора, – гав, гав, гав.

– Ты едешь с собакой? – изумилась Ньюка.

– Э... э... э... – протянул я.

– Гав, гав, гав, – надрывалась Демьянка.

– Вава! Врунишка! Сидишь дома, – обиделась моя собеседница. – Ты точно забыл про меня! А сейчас врешь, чтобы я не позвонила Николетте и не рассказала ей о наших отношениях. Отлично знаю, как ты матери боишься.

Вот здорово! Значит, у нас с Ньюкой есть «отношения»?! К сожалению, моя маменька склонна к бурным реакциям. Если Вероника сейчас на пике гневных эмоций позвонит моей родительнице, нашепчет ей в уши бред об «отношениях» с ее сыном... Я поежился. Не стоит считать, что я боюсь Николетту. Просто терпеть не могу скандалы, истерики, а после общения двух дам я получу сей джентльменский набор в квадрате. И что мне делать?

– Гав, гав, гав, – надрывалась Демьянка.

– Понятненько, – процедила Ньюка, – ясненько. Вот как ты относишься ко мне!

И тут кто-то добрый шепнул мне на ухо, что я должен говорить.

– Молчишь? – повысила голос Ньюка. – Правильно. Нечего сказать. Врун! Лгун! Обманщик! Прощельга!

– Извините, – вздохнул я, – не мог рта раскрыть, Демьянка на заднем сиденье спала, вывалилась случайно из гамака для перевозки, запуталась лапой в завязках. Я вытаскивал потерпевшую бедствие псинку.

– Собака с тобой? – удивилась Ньюка.

– Да, – подтвердил я.

– Ездишь по делам с псиной?

– У Демьянки ухо заболело, – начал фантазировать я, – ездил с ней к ветеринару. Оказалась сущая ерунда, она где-то оцарапалась. Собака в машине полежит, пока мы поужинаем.

– До утра одна останется?

Я вздохнул. До утра? У Вероники далеко идущие планы, но они категорически не совпадают с моими. Ну, Ваня, ты и влип! Если я не приеду к Ньюке, она позвонит Николетте и маменька съест меня вместе с ботинками. Если приезжаю к Ньюке, то... Нет, нет, нет. Можете считать

меня старомодным замшелым пнем, но я не способен на близкие отношения с дамой, которая не вызывает у меня никаких эмоций, кроме одной – желания держаться от нее подальше. И что делать?

– Прекрати мне «выкать», – велела собеседница.

Я кашлянул:

– Извините, то есть извини, не подумал, что ты начнешь нервничать из-за того, что псинка заперта в автомобиле. Отвезу ее домой.

– Нет! В городе сплошные пробки. Эдак ты ко мне через трое суток приедешь. Жду тебя в гости вместе с собачкой, но не вздумай оставить ее в салоне. Все. Жду. Поторопись!

Я выскочил в коридор:

– Борис!

– Тут, – отрапортовал помощник. – Что случилось?

– Почему Демьяна гавкала?

– Из-за совы, – пустился в объяснения секретарь, – вчера робот куда-то спрятался, мы с Наташей не смогли его поймать. Сейчас сова вылезла из-за стеллажа в коридоре, а Демьянка...

– Понятно, – перебил я Бориса. – Мне срочно нужен дорогой букет, только не интеллигентно лаконичный. Наоборот. Цветы должны кричать о своей стоимости, пусть это будет какая-то экзотика, то, что не растет в России. Веник размером с половину моего седана. Еще коробка шоколадных конфет, по внешнему виду и стоимости родная сестра клумбы в целлофане, плюс Демьянка, облитая духами и наряженная в лучший свитер. Увы, на организацию всего этого у вас есть пятнадцать минут.

– Понял, – кивнул Борис и испарился.

Глава 25

– Вава, какая лапочка! – засюсюкала Ньюка, присев около собаки.

Демьянка, на которую Борис натянул розовый пуловер с красным сердцем на спине и надписью «Ай лав мой dog», завиляла хвостом.

– О! Она пахнет «Аква ди Парма», – восхитилась Вероника. – Обожаю этот парфюм. И ботиночки с узором! А ошейник со стразами.

Я улыбнулся:

– Она же девочка.

Надеюсь, Ньюка никогда не узнает, что гламурный комплект из свитера, сапог и кожаной полоски на шее приобретен Борисом в ближайшем супермаркете час назад. Наша собака выходит на улицу, так сказать, босиком, а из одежды у нее есть только стеганая попонка черного цвета.

Ньюка оторвалась от Демьянки.

– Вава! Шикарный букет! Что за цветы? Впервые такие вижу!

– Флеродижиматисы, – на одном дыхании выпалил я заученное слово, – очень редкий вид. Привезены в Москву из долины Амазонки.

– Похожи на шары для тенниса, – рассмеялась хозяйка, – только разноцветные. Сейчас поставлю их в воду. О! Шоколад! Мой любимый, швейцарский. Как это мило с твоей стороны! Приятно, когда мужчина мелкими штрихами дает понять, как он тебя обожает. Вава, раздень собачку. Чмок-чмок-чмок, зайнька сладенькая, сейчас угощу тебя вкусняшкой.

– Пожалуйста, не корми Демьянку, – попросил я.

– Она смотрит на меня голодными глазами, нельзя столь жестоко относиться к животным, – возмутилась заботливая хозяйка.

Я попытался объяснить Ньюке, что псинка всегда смотрит на людей с таким видом, словно ей две минуты до смерти от недоедания осталось, но мои слова не возымели успеха.

– Всего-то кусочек колбаски прекрасного качества, – пропела Ньюка и засунула в разверстую собачью пасть полбатона брауншвейгской. Демьянка проглотила угощение в одну секунду.

– Лапочка неделю не ела! – возмутилась Ньюка. – Еда провалилась в нее в один миг. Как в мусоропровод. Вава! Ты жестокосердный садист. Ничего, девочка, попробуй еще сырку!

На морде собаченции возникло выражение полнейшего счастья.

– Вава, иди вымой руки, – велела Ньюка. – Мой санузел в самом конце

коридора, последняя дверь.

– А где ванная комната для гостей? – осведомился я.

– Зачем она тебе?

Замечательный вопрос, если учесть, что секунду назад мне приказали вымыть руки.

– Нет необходимости моему жениху идти к умывальнику для посторонних, – отрезала Вероника. – Сними пиджак.

– Э... э... э... – пробормотал я.

– Дома тепло, вспотеешь, котик, – засюсюкала Ньюка, – сейчас принесу твой халатик.

– Спасибо, не надо, – отказался я.

– Хочу создать уют, – повысила голос хозяйка. – Почему ты отказываешься, я специально для тебя его купила. Вот!

Ньюка схватила меня за руку, дотащила до двери в ванную и распахнула ее. Мне в лицо ударила смесь запахов разных духов. Я не удержался и чихнул.

– Вава! Ты простыл! – засуетилась Ньюка. – Все! Не смей спорить! Надевай специально купленные для тебя уютный халатик, теплые тапочки, мой лапки и приходи ням-ням, зайчика!

Проворные ручонки Ньюки вцепились в мой пиджак и ловко сдернули его с меня.

– Дальше сам, – пропела Ньюка и исчезла, захлопнув дверь.

Я перевел дух. Надеюсь, Борис не забудет о нашей договоренности. Секретарь должен через час позвонить мне, а я «случайно» поставлю трубку на громкую связь, Ньюка услышит тревожные слова Бориса: «Иван Павлович! Скорее домой, случилась огромная неприятность, не могу сообщить подробности по телефону, очень прошу приехать». Я полагал, что шестидесяти минут хватит на ужин, а потом, когда Ньюка потребует продолжения банкета в спальне, поступит вызов от Бориса и я уйду, восклицая: «Дорогая, прости! Очень расстроен, что не могу остаться». Но Вероника прямо с порога загнала меня в ванную, отняла пиджак и велела облачиться в шлафрок. Возможно, у нее другой план вечера: сначала койка, а потом дастархан.

Я открутил кран. Некоторые дамы, приглашая в гости кавалера, усиленно потчуют его разносолами: салаты пяти сортов, тазик супа, поднос с мясом и картошкой, торт на десерт. Гастрономический оргазм сопровождается непрерывным наполнением бокалов. Среднестатистический физически и умственно здоровый представитель сильного пола редко откажется от вкусной домашней еды. Милые дамы,

если вы просто хотели от души угостить кавалера, то браво-браво, ваша задача выполнена! Но коли в ваших планах было интимное продолжение вечера в полутемной спальне... То, увы, не ждите подвигов от того, кто до отказа набил желудок, скорей всего ваш обожд, очутившись в постели, элементарно заснет. Не стоит злиться на него, считать его бесчувственной скотиной, рыдать в санузле и говорить, глядя в зеркало: «Он меня совсем не любит. Я толстая, старая, страшная уродина. Я так старалась! Наготовила кучу вкусок. А милый пожрал и задрях».

Успокойтесь! Он к вам прекрасно относится. Просто переел. Мужской пол не страдает излишней деликатностью, глаза видят домашнюю буженину, руки к ней тянутся. О любви к вам, отрезая сочный шматок мяса, кавалер не думает. Он просто лопает. Хотите, чтобы ваша программа осуществилась с блеском? Тогда угостите парня одним бокалом вина, небольшой порцией его любимого салата, живенько переоденьтесь в красивый пеньюар... А уж потом, вскочив с любовного ложа, закармливайте мужика на убой. При таком раскладе он и в постели будет героем, и все, вами приготовленное, съест. Как нам известно из истории великих военных сражений, правильная тактика – ключ к блистательной победе.

– Вава, – закричала Ньюка, – ты заснул?

Я вытер руки полотенцем и посмотрел на халат. Поверьте, такого шлафрока я никогда не видел. На пронзительно голубом фоне тут и там были разбросаны изображения кроликов. Угадайте, чем они занимались? Подсказка: длинноухие не лопали капусту. К ужасающему наряду прилагались тапочки в виде красно-желто-зеленых попугаев. Чувствуя себя полным идиотом, я сунул ступни в пантофли и пошел на зов.

Глава 26

– Вава, ты ничего не ешь, – обиженно протянула хозяйка, – не вкусно?

– Восхитительно, – покривил я душой, пытаясь разжевать одну «ракушку».

Всегда считал, что еду перед подачей на стол нужно пожарить или отварить. Правда, когда русский народ стал кататься в Италию, во всех ресторанах Москвы начали подавать рожки и иже с ними, приготовленные «al dente», то есть «на зубок», мягкие снаружи и чуть твердые внутри. Лично мне это нововведение не по нраву. Уж простите дурновкусие господина Подушкина, но мне более всего нравились советские макароны, толстые, с дырочкой внутри. Николетта не разрешала их покупать, называла пищей для плебса. А я от них был в восторге. Когда маленького Ваню вывозили на дачу в писательский поселок Переделкино, я первым делом летел к сторожихе тете Вере, та угощала меня моими любимыми макаронками, на которые выкладывала тушенку из банки. Поверьте, вкуснее я ничего не едал. Увы, Ньюка сейчас подала нечто похожее на камни, сдобренные кисло-сладко-горькой подливкой.

– Ты не ешь, – простонала хозяйка.

Я мужественно проглотил один «кирпич», так и не разжевав его.

– Просто наслаждаюсь блюдом, вкушаю его, не торопясь.

Из кухни раздалось попискивание.

– Ой, – подскочила Ньюка, – вкусный пирожок с творогом и...

Последнее слово мне расслышать не удалось, хозяйка улетела на кухню.

Я воровато огляделся по сторонам, взял тарелку, поставил ее перед Демьянкой и шепнул:

– Дорогая, выручай. Слопай быстрее. Отлично знаю, что тебя отчаянно ругают за воровство со стола. Но сейчас особая ситуация, я сам тебя угощаю, и тарелка-то стоит на полу. Начинай!

Псинка кинулась к еде, схватила одну «ракушку», секунду постояла, потом закашлялась и отбежала в сторону. Я поскуchnел. Даже Демьянка, которая с удовольствием лопает все, что попадает на пути, отказалась от сего изыска. Чего уж тогда хотеть от меня? И что делать?

Взгляд упал на окно. Ощушая себя главным героем книги «Денискины рассказы» великолепного писателя Виктора Драгунского, я распахнул раму, живо выбросил на улицу ужин и сел к столу. Будучи первоклассником, я

перечитывал истории про этого шаловливого паренька многократно и веселился от души. До сих пор помню, как Дениска вывалил в окно манную кашу.

– А вот и вкуснейший пирожок с творожно-каменючей начинкой, – объявила Ньюка. – Вавочка, ты съел пасту? И как?

У меня слово «паста» всегда вызывает ассоциацию с зубами.

– Восхитительно, – соврал я.

– Правда? Не обманываешь? – с подозрением осведомилась Вероника.

– Потрясающе! – воскликнул я.

– Не верю, – всхлипнула Ньюка, – когда человек в восторге, он найдет для похвалы много слов. Хочешь добавки?

– Нет, – быстро ответил я.

– Вот! – воскликнула повариха. – Ясно! Ты считаешь мою стряпню отвратительной, мерзкой, макароны развалились, подливка прокисла, мясо напоминает тряпку...

Там еще было мясо? Ни я, ни, что совсем уж удивительно, Демьянка говядины не почуяли. Лично мне пованивало рыбой. Ну почему женщины так любят говорить за мужчин, а потом обижаются на самой же сказанное. Знаете анекдот? «Милая, что у нас на ужин?» – «Приготовить не успела». – «Ну и ладно, пойду куплю шаурму». – «Фу, ее неизвестно из чего делают. Значит, из-за того, что я не приковалась к плите, ты отправишься за этой хренью? Намекаешь, что я тебя заставляю питаться дрянью? Из-за меня будешь есть лепешки с сомнительным мясом? Да в них начинка из собачатины. Ты злишься, что я заставляю тебя есть дворнягу? Собаку? Суку? Мама! Муж меня сукой назвал. Мама! Я с ним развожусь! Из-за того, что ему один раз в жизни вовремя жрачку не подали, он мне сказал: ты жирная, злобная, мерзкая, кривоногая, блохастая дворняга...» Вот и Ньюка сейчас демонстрирует типично дамскую реакцию.

– Спагетти невероятно вкусные, – уверил ее я, – но если я попрошу добавки, то не смогу отведать пирога с яблоками и камнями. А он так аппетитно выглядит!

– Вава! Я что, по-твоему, идиотка, которая в выпечку засунула булжжик? – захихикала хозяйка. – Внутри творог и каменюга. Ягода такая. Растет в горах Арктики на валунах, поэтому так называется, собирают ее замороженной.

Ну это логично, все-таки в этой части света холодно.

И тут раздался звонок в дверь.

Ньюка пошла в коридор.

Я покосился на пирог. Может, сразу отправить его в окно и сказать, что

не удержался, слопал все разом, уж очень аппетитно пахло. Или отрезать кусок? Поразмыслив пару секунд, я взял здоровенный нож, который лежал возле блюда, воткнул тесак в пирог, некоторое время пытался отделить от общей массы малую толику, потерпел неудачу, выдернул нож и увидел, что он погнулся. Вмиг вспомнив, какие деньги я заплатил за красивые коронки, моя внутренняя жаба занервничала и посоветовала: «Ваня, отправь десерт в полет вслед за макаронами, иначе придется тебе платить доктору Темкину за поломанные клыки». Я уже собрался это сделать, но тут с воплем: «Ваня, мерзавец, любовницу завел, гаденыш!» – в комнату влетела растрепанная блондинка крошечного размера.

Незнакомка кинулась ко мне и стала молотить меня кулачками по солнечному сплетению. Малый рост не позволял блондинке стукнуть меня по носу, а ей, похоже, этого очень хотелось. Девушка подпрыгивала и размахивала ручонками. Я изловчился и поймал ее за запястье:

– Милейшая, вы кто?

И тут в мою спину вонзился кулачок Ньюки.

– Ты отвратителен! Едешь на свидание ко мне, а сам спишь с Леночкой!

– С кем? – поразился я. – Если речь идет об этой юной фурии, то я не знаком с ней!

– Скотина ползучая! – заорала нежданная гостья и укусила меня за предплечье.

Нюка стала колотить меня промеж лопаток. Я попытался удрать, но милые дамы вцепились в меня как разъяренные кошки. Не в моих правилах драться с женщинами, даже с теми, что бросаются на меня с желанием растерзать на клочки. Поэтому я сгорбился и стал отступать к двери, приговаривая:

– Дамы, не стоит нервничать.

Демьянка оглушительно лаяла, я пятился к выходу, и вдруг мелкая девушка закричала:

– Но это не он!

– Кто – не он? – тяжело дыша, осведомилась Нюка.

– Он не он! – повторила прилетевшая в гости фурия. – Не Иван.

– Я Иван, – возразил я и заткнулся.

«Ваня, не распускай язык, хуже будет».

– Как тебя зовут? – уже без ненависти в голосе поинтересовалась незнакомка.

– Иван Павлович Подушкин, – представился я. – А вы кто?

– Леночка, – всхлипнула блондинка.

– Как какает павлин? – выпалил я.

– Да, – шмыгнула носом красавица, – и еще другой вопрос про яйца и стакан. Ты на него не ответил.

– А зачем вы отправляли мне эти сообщения? – в свою очередь спросил я. – Подумал...

Я умолк. Не стоит рассказывать, что я долго соображал, кто автор глупостей, а потом, прочитав имя Лена, решил, что это одна из моих мимолетних знакомых.

– Что подумал? – поинтересовалась Ньюка.

Я сел на пуфик.

– Сейчас модно проводить всякие исследования, я решил, что какая-то Елена-психолог занимается выяснением порога терпеливости людей, поэтому и пишет чушь, ждет реакции человека. Разрешите поинтересоваться, как вы, Лена, узнали адрес Вероники, зачем сюда приехали, по какой причине задавали оригинальные вопросы и что послужило поводом вашего бурного поведения?

Елена вытащила из кармана мобильный и сунула мне его под нос.

– Ваш номер?

– Да, – удивился я.

– Его мне дал Ваня Курганов, – пролепетала блондинка, – главный продюсер телепрограммы «Кто? Где? Зачем?». Викторина такая. Ведущий задает вопросы, герой отвечает. Ваня сказал, что редактор пришлет мне тестовое задание. Если я решу его, стану главной участницей шоу. Но я ему очень-очень-очень нравлюсь, поэтому, когда получу вопросы, надо их сбросить ему. Ваня сообщит, что нужно писать редактору. Так я и поступила, получила один правильный ответ от него.

– У вас сохранилась эсэмэска продюсера? – осведомился я. – Вы зафиксировали его номер?

– Вот она, – прошептала Лена, показывая свой сотовый, – я записала тщательно контакт.

Я улыбнулся:

– Ангел мой, сенсорные телефоны – замечательная вещь, но у них есть несколько недостатков. Обо всех говорить не стану, коснусь только одного. Клавиатура узкая, поэтому лично у меня постоянно случаются опечатки. Эсэмэс продюсер отправил с номера с цифрой девять в конце. А вы, когда его записывали, ткнули пальчиком в ноль, и в памяти айфона сохранился мой контакт. У нас с теледеятелем почти полностью совпадает номер, разница лишь в одной цифре. Имя Иван не редкое. Вы думали, что общаетесь с продюсером, а обращались к частному детективу.

Лена прикрыла ладонью рот:

– Ой!

– Не переживайте, с каждой может случиться, – заверил я. – Но как вы сюда попали?

– Так вы мне написали, – заморгала Лена, – вот!

Я взглянул на сообщение. Вначале шло послание, определенно написанное блондинкой: «Ванечка! Ответь! Эсэмэсила сто раз. Ты молчишь! Что со мной будет? Если я не нужна тебе, честно скажи. Не стану расстраиваться. Нет, вру! Буду долго плакать и страдать, что меня вон послали!» Далее шло отправление с моего номера: «Леночка! Как ты могла подумать, что не нужна мне. Наоборот. Нужна больше всех. Ты лучшая. Скорее приезжай по адресу».

– Я решила, что выиграла кастинг, – тараторила Лена, – помчалась сюда, позвонила в дверь...

Блондинка показала пальцем на Ньюку.

– А она накинулась на меня с воплем: «Сейчас узнаешь, кто тут главная. Ваня меня выбрал». Я обиделась. Если ты с другой договорился, зачем мне эсэмэску отослал... ну... и... вот так! Вскипело в душе!

Я сразу понял, что произошло, и спросил у Ньюки:

– Где мой пиджак?

– На вешалке, уже несу, – услужливо ответила та.

Через секунду я вытащил из кармана айфон и увидел кучу сообщений от Лены: «Ванечка, почему не пишешь?», «Ваня, я тебе не нужна?», «Ванюша, если решил не иметь со мной дела, просто скажи». И еще штук двадцать, все в подобном духе.

– Пока я мыл руки, кто-то взял мою трубку и ответил Елене, – предположил я. – Ньюка, есть соображение, как зовут сию интриганку?

– Не знала, что речь о шоу идет, – заныла Вероника, – подумала, что какая-то наглая особа пристает к моему жениху. А он, мерзавец, изменяет мне. Решила вас лоб в лоб столкнуть, посмотреть, как вы разбираться будете. Ненавижу мужиков-врунов.

Я стоял молча. Нет смысла цитировать Веронике песню Владимира Высоцкого: «Я не люблю, когда мои читают письма, заглядывая мне через плечо». Творчество актера и барда мне не близко, незатейливые мелодии его песен и простота поэзии не восхищают меня, но по некоторым позициям мы с поэтом совпадаем. Я тоже не люблю, когда кто-то роется в моей переписке. Я с большим трудом способен терпеть физическую нечистоплотность человека. Его можно научить чистить зубы, принимать душ, менять белье. А вот с моральной нечистоплотностью ничего поделать

нельзя. Как бы меня ни уверяли, что женщина, сунувшая нос в мой телефон, сделала сие случайно, я не верю этому и знаю: подобное повторится.

– Не понимаю, как это вышло, – стенала Ньюка, – всего один раз в жизни. Вава, не сердись.

– Мне и в голову не придет дуться, – честно ответил я и замолчал.

Обидеться я могу лишь в том случае, когда в мою душу, не сняв грязные сапоги, залезает близкий человек. Посторонний не может нанести мне душевную рану, потому что он чужой. Повторяю, обиды на Веронику я не держу. Но общение с ней постараюсь свести к минимуму. Конечно, если Шерметова позвонит Николетте, совет про нашу свадьбу, мне достанется от маменьки по полной программе. Но разве это первый скандал, который госпожа Адилье закатит сыну? Да и любая буря рано или поздно выдыхается. Зря я отпраздновал тогда в магазине труса, очень глупо поступил, приехав на ужин. Винить в произошедшем мне некого. Ньюка такая, какова она есть. Не стоит думать, что сова способна петь соловьем. Все трения в человеческих отношениях происходят от завышенных ожиданий. И почему я, дубина стоеросовая, решил, что после моего визита Ньюка не позвонит Николетте с радостным сообщением о нашей свадьбе? Иван Павлович, ты трус, мямля, не способный окоротить ни одну бабу, полный идиот. Достойное по делам моим приемлю. Разворачивайся и немедленно уходи.

Я быстро сбегал в ванную, снял халат, тапочки и вернулся в прихожую.

– Вава, – зарыдала Ньюка, – ты меня бросаешь?

– Нельзя бросить то, чем не владел. До свидания, – сказал я. – Демьянка, домой.

Собака, весело виляя хвостом, кинулась ко мне. Я распахнул дверь и увидел на пороге мужчину, тот держал в руке пирог Ньюки, который я недавно выкинул в окно.

– А-а-а! – заорал он. – Сами дверь отворили? Думали, я не вычислю, кто... дерьмом швыряется? А вот вам!

Перед моим носом возникла конструкция из трех пальцев.

– ...! ...! – продолжал бесноваться мужик. – По стене дома вмиг ясно откуда ..., ..., ..., свалилось. Сначала макароны плюхнулись, а вскоре эта ... упала! Я колесо менял! ...! Блин! ...! Макароны по крыше машины разметало, а ... шлепнулась в ящик с инструментами. Что у вас вместо головы?

– Мой пирожок! – воскликнула Ньюка.

– Так я и думал! – бушевал незнакомец. – Уроды! Кретины!

– Вава! – закатила глаза Ньюка. – Мой ужин!

Я схватил на руки Демьянку и помчался по ступенькам вниз. Меня, как и главного героя книги «Денискины рассказы», разоблачили вмиг.

Глава 27

На следующее утро я проснулся от лая Демьянки.

– Тсс, – зашипел голос Наташи, – Ивана разбудишь. Лучше покажи, где эта дрянь!

– Гав-гав, – ответила собака.

Я повернулся к тумбочке. Восемь утра. Зевая во весь рот, я принял душ, оделся, вышел в столовую, увидел Наташу и спросил:

– Почему вы так рано приехали?

– Сами сказали, завтра в полвосьмого, – ответила девушка, – поедешь со мной на встречу с женой Маслова.

– Вдовой, – машинально поправил я.

Похоже, вчера я, травмированный ужином у Ньюки, слегка тронулся умом, если пообещал Нате совместную поездку.

Передо мной на столе появилась чашка кофе.

– Омлет сделать? – спросил Борис.

– Спасибо, не хочется, – остановил я помощника. – Какая-нибудь информация по Игорю Кирилловичу Маслову есть? Очень он меня заинтересовал после сообщения об организованном им для проверки служащих взрыве. Может, Роберт не лгал. Вдруг Маслов ему и правда квартиру вручил и заем в банке устроил.

– На момент смерти Маслов работал в банке «Крос», – начал Борис, – пришел простым клерком, быстро дослужился до начальника. Отца не знал. Мать родила его вне брака. Младенца усыновил дед. Кирилл Игоревич в советские годы заведовал сберкассой, часто брал с собой на службу внука-сына. Когда мать ребенка скончалась от тяжелой болезни, подростка продолжал воспитывать старик. Думаю, он же пристроил после школы Маслова в вуз, где учили на финансистов и который сам когда-то окончил. Когда Игорь получил диплом, дедушка определил его на работу и умер. Дальше Игорь шел по жизни один. Ни в чем дурном не был замечен, вредных привычек не имеет. Женат на Оксане Максимовне, в девичестве Волковой. Игорь Кириллович несколько раз менял службу. Как я уже говорил, последнее место работы – банк «Крос», там он не один год трудился. Сын Николай занимается компьютерными технологиями. Оксана сидит дома. Семейная жизнь текла счастливо, правда, один раз у Масловых вспыхнул скандал, да такой, что соседи позвонили в полицию и сообщили: «Слышим ужасные крики, грохот, шум».

Когда полицейские приехали на место, их встретил хозяин с молотком и гвоздями. Услышав, что соседи вызвали оперативников, Игорь поманил оперов рукой, привел их на кухню, показал лежащий на полу трехстворчатый шкаф и грудку битой посуды в помойном ведре.

– Люблю руками работать, – пояснил он, – сам недавно вешал новую кухню. Месяца три-четыре она нас радовала, а сегодня Оксана купила новый сервиз, поставила на полки. И... любуйтесь. Рухнуло все. Да, мы кричали. Я от неожиданности, Оксана от ужаса. Потом жена меня ругать начала, косоруким обозвала. Я на нервах ей ответил, хотя обычно в ссору не вступаю. Поскандалили. Потом успокоились. Супруга осколками замела, а я теперь обмозговываю, как шкаф починить.

Полицейские посмотрели на дыры в стене, на шкафчик и уехали. Ничего особенного не произошло. Бытовая ссора.

Борис оторвался от монитора:

– Это весь компромат.

– Добропорядочный гражданин, который один раз от души наорал на супругу за ее ехидное замечание, – резюмировал я. – Сей факт не криминал, это свидетельство редкой незлобivosti Игоря Кирилловича и его умения держать себя в руках. Кое-кто каждый день ссорится с домашними.

– Например, Максим Петрович, – подала голос Наташа, – орет постоянно, как потерпевший.

– Интересное выражение, – заметил я, – орет, как потерпевший. Среди ваших знакомых есть некто, кто произносил сию фразу?

– А что? – прищурилась Наташа.

Глава 28

– Искренне советую вам не связываться с теми, кто сидел на зоне, – сказал Борис.

– Я не общаюсь с преступниками, – фыркнула Наташа.

– Значит, у кого-то из ваших приятелей некоторое время за решеткой провели родители, брат, сестра, друзья, – продолжал я, – фраза характерная. Речь помимо воли человека выдает его образование, воспитание, из какого он социального слоя. «Приехал с Ростова. Ложите вещи на место. Покладите сумки в шкаф» – ну, это необразованные родители, двойки-тройки в школе, нелюбовь к хорошим книгам. Это не обязательно бедные люди, у человека на руке могут болтаться часы стоимостью в загородный дом, но он говорит: «Это ихние дети». Большие деньги не всегда связаны с образованием, умением себя вести. Лично я не возьму в жены девушку «с Ростова», предпочту ту, что приехала «из Ростова» и говорит «это их дети».

– А если человек все время матерится, он кто? – вдруг спросила Ната.

– Вопрос в том, как человек использует нецензурную лексику, – заметил я. – Есть люди, которые так разговаривают. Площадное слово, обозначающее женщину легкого поведения, для них не ругательство. Оно нечто вроде артикаля. Такой тип ничего плохого в нем не видит. Он из социальных низов, его родители, соседи, друзья именно так изъясняются. Они не хотят никого оскорбить, просто не умеют иначе выразиться. Очень часто это добрые, честно работающие люди. Просто никто им не объяснил, что лексический запас русского языка огромен. Если же матерится представитель шоу-бизнеса или представитель творческой интеллигенции, то у него есть желание эпатировать окружающих. Только вот беда: нецензурно выражаясь, человек привыкает к грубости, мат автоматически срывается с языка. Вы, Наташа, лучше не употребляйте бранных слов, может случиться конфуз. Позовет молодой человек вас с родителями познакомиться, сядете за стол и ляпнете по привычке выражение, которое даме произносить не пристало. Все. Свадьба не состоится. Многие вам замечания из-за грязного языка не сделают, но более никогда к себе в гости не позовут. И еще раз насчет фразы «орет, как потерпевший». Во-первых, она грубая. Если кого-то ограбили, избили, изнасиловали, то такой человек называется потерпевшим, и, конечно, он расстраивается, возможно, кричит от переживаний. Обычным людям его просто жаль. А вот у преступника слезы жертвы вызывают насмешку, поэтому «орать, как потерпевший»

в его устах звучит издевательски. Держитесь подальше от такого человека. Либо он в анамнезе уголовник, либо у него друзья такие, либо перед вами жестокая личность. А почему ваш отец злится?

Наташа пожала плечами:

– Да он всегда всем недоволен! Бизнес большой, он много чем занимается! И сам людей на работу нанимает. Папочки, папочки...

– Простите, – не понял я. – Кто папочка?

– Не папочка, а папочки, – развеселилась Наташа, – в них бумаги кладут. У Максима Петровича есть знакомый Григорий Круглов. Такой приторно вежливый. Он к нему часто приходит, мужики в кабинете запрутся и секретничают. Загорский не знает, что из оранжереи, куда никто никогда не заходит, потому что там очень влажно и душно, прекрасно слышно, о чем он в рабочей комнате болтает. Я бы тоже не знала, но очень давно Ведьма Карловна...

– Наверное, у женщины другое имя, – рассмеялся Борис.

– Забыла, как по-настоящему мою няню звали, – скривилась Наташа. – Ведьма Карловна ей отлично подходило. Вечно она придиралась, а один раз, уж не помню за что, притащила меня в оранжерею, у стены поставила, велела: «Подумай о своем поведении» – и ушла. Тупая такая манера детей в угол ставить!

– Просто люди забыли, по какой причине их предки ребят в угол ставили, – возразил Борис, – да не в обычный, а в красный. Он в комнате был один.

– Остальные синие? – хмыкнула Наташа.

– Красный угол тот, где иконы находятся, – растолковал Борис, – образа, как правило, размещали на полочках. Под них и велели шалуну встать. Это не наказание, ребенка не пытали стоянием на одном месте. Наши прапрапрадеды хотели, чтобы Господь вразумил безобразника. В углу непоседа стоял, пока кто-то из взрослых молитву о нем читал. С приходом к власти большевиков традиция читать молитвы исчезла. СССР был государством атеистов, поэтому тех, кто набедокурил, просто в угол ставили и велели стоять, пока они прощения не попросят.

– Надо же, не знал, – удивился я. – Тоже всегда удивлялся: почему угол? Можно к стене поставить, на стул посадить. Для вертлявой егозы любое ограничение движения – мука. Но сейчас я все понял.

– Меня прабабушка за мои пакости к иконам отводила, что-то бормотала, – продолжил Борис, – а когда я подрос, она мне все про молитвы объяснила, но велела молчать, сказала: «Начнешь болтать, тебя, как прадедушку в тридцать седьмом году, расстреляют».

– Фу, – поморщилась Ната, – нельзя малыша смертью пугать. До такого даже Ведьма Карловна не додумалась. Я в оранжерее заскучала, от тоски стенной шкаф открыла, роюсь на полках, и вдруг... Одна из деревянных плашек, задняя стенка, чуть в сторону отошла. Стали голоса слышны. Я догадалась, что звук из кабинета идет. Услышала, как Максим Петрович у Круглова спрашивает: «У нас на него папочка есть?» Отец со мной вообще не общался. Месяцами его не видела. Он или в командировке, или в офисе, или дома, но из кабинета не высывался. И я стала в оранжерее тайком ходить, подслушивала, чем там папа занят. Хотя и маленькая была, живо разобралась, что вежливый Круглов для отца всякие сведения собирает. А в нужный момент, когда кого-то нагнуть надо, Загорский говорит человеку: «Не хотите мне помочь? Ладно, но уж тогда не обижайтесь, если вся правда о том, что ваша сумасшедшая дочь в клинике лечится, на свет выплывает». Муж моей матери – подлец!

– Неладно так про отца-то, – укорил девицу Борис.

– Я уже говорила, что он просто женился на моей мамочке и придумал такое...

Наташа замолчала.

– Что? – спросил Борис.

– Это личное, никого не касается, – буркнула девушка.

Я встал:

– Поедем к Оксане Максимовне.

– Не захочет она разговаривать, – вдруг сказала Ната.

– Со мной она общалась любезно, – возразил Борис, – сразу согласилась на встречу.

– Все, кого зовут Максим, и те, у кого отчество Максимович, такие же противные, как Загорский, – заявила Наташа.

– Если вы настроены ехать, то одевайтесь, – велел я практикантке.

Минут через пятнадцать мы с Натой сели в мою машину и потащились по пробкам.

– Не убогий сарай, – заметила моя спутница, когда мы наконец достигли цели. – Дом и двери, как в Париже.

– Вы посещали столицу Франции? – любопытствовал я.

– Конечно, – подтвердила девушка. – У нас там есть квартира, я часто летаю туда-сюда. Типа круассанов пожрать и вообще поесть вкусно, ну там шмоток купить.

– Возможно, господин Загорский не столь уж плохой по отношению к вам человек, – заметил я. – Вы имеете многое из того, о чем мечтают девушки вашего возраста: апартаменты в Париже и возможность оказаться

в них в любое время, когда вам заблагорассудится.

– При чем тут Максим Петрович? – скорчила мину дочь бизнесмена.

– Вы, Наталья, пока ничего не вложили в семейную кассу, – заметил я, – только запускаете руку в карман отца и тащите оттуда золотые монеты.

– Ничего вы не знаете, – разозлилась моя спутница, – и вообще мы приехали. Нам в дом, который на торт похож. Я запомнила адрес, который Борис назвал. У меня гениальная память.

– Прекрасное качество, – похвалил я Наташу. – Пошли.

Глава 29

– Садитесь, пожалуйста, – предложила Оксана Максимовна. – Чай, кофе?

– С удовольствием выпью, что дадите, – согласился я.

– А вы? – обратилась к Наташе хозяйка.

– К... к... кофе, – прохрипела моя спутница и начала кашлять, потом пару раз оглушительно чихнула.

– Вы больны? – испугалась Маслова. – Простите, в городе грипп. Не хочу заразиться.

Наташа показала на огромного рыжего кота, вольготно развалившегося на диване.

– У меня аллергия на них... кха, кха... шерстяных... апчхи... Иван Павлович, не могу...

Я протянул безостановочно чихающей девице ключи:

– Ждите меня в машине.

Ната унеслась. Я посмотрел ей вслед. Черный кот, которого девица притащила по просьбе Ниолетты, не вызывал у Наташи недомогания.

Хозяйка налила в чашки заварку и посетовала:

– Неприятно вот так остро на что-то реагировать.

– Да уж, ничего хорошего, – согласился я. – Кошек вокруг много, придется постоянно таблетки пить.

Хозяйка решила, что вводная часть беседы закончена.

– По телефону вы сообщили, что речь пойдет о моем покойном муже.

– Простите, что напоминаю вам о страшном дне, но вы можете рассказать, как развивались события в тот трагический вечер? – спросил я.

Оксана села к столу.

– Да в принципе все было обычно. До рокового часа жизнь текла без каких-либо странностей. Игорь находился на работе. Как водится, он уехал в восемь тридцать. Сын живет в соседнем подъезде, поэтому он почти всегда ужинает с нами, родителями.

– Невестка против этого не протестует? – спросил я.

– Коля не женат, – ответила мать. – У него периодически появляются девушки, но ничего серьезного. И это очень хорошо. Я считаю, что мужчина должен идти в загс после сорока, когда может обеспечить достойную жизнь семье. Вечером Игорь, как всегда, позвонил. Он любил, чтобы, когда он войдет в дом, стол уже был накрыт. Знаете, у некоторых как

заведено: супруг входит, жена, зевая и потягиваясь, тащится на кухню сосиски варить, говорит: «Ну ты там картошечки пока почисти. Устала я очень». В нашей семье патриархальный уклад. Муж на работе, жена на хозяйстве. Я посвятила себя дому.

Оксана показала на буфет, в котором по ранжиру стояли бокалы, а ручки чашек глядели в одну сторону.

– Люблю красоту и порядок.

– Вы сказали, что муж позвонил вам вечером. Это обычное явление? – поинтересовался я.

– Конечно, – кивнула вдова. – Раньше, когда город не умирал в пробках, я знала: в семь пятнадцать супруг войдет в прихожую, а сейчас как угадать? Поэтому Игорь меня и предупреждал: «По навигатору мне ехать сорок минут». Если вдруг форс-мажор случается на шоссе, он звонил: «Я задерживаюсь». Очень, конечно, это неудобно. Еду много раз подогреть нельзя, вкус портится. Я расстраивалась, когда Игорь тарелку отодвигал, потому что ему ужин не понравился.

– Вы только из-за горячего ужина расстраивались? – уточнил я. – Днем вы с мужем не беседовали?

– Зачем? – опешила Оксана. – Игорь – генеральный директор банка «Крос». Хотя он был на зарплате, но это очень высокая должность. В его кабинете люди серьезные проблемы решали. И тут я с глупостями? Жене следует знать свое место.

– Значит, в тот день Игорь Кириллович обещал появиться в определенный час, но не приехал и сын забеспокоился? – спросил я.

– Именно так, – подтвердила Оксана. – Наш сосед Виталий Иванович недавно ногу сломал, упал у метро. Долго лежал, пока кто-то сжалился и «Скорую» вызвал. Коля занервничал, что и с отцом неладно, и убежал. Я на кухне копошилась. Нет их, нет и нет, и... вдруг входит Николаша: «Мама, ты только не волнуйся, сядь».

Оксана передернулась.

– Хорошее начало. Если вам так говорят, значит, дело плохо. Дальше вы, наверное, знаете. Новую машину мужа угнали, карманы вывернули, часы исчезли. Игоря моего ограбили. И убили.

Маслова поникла.

– Конец истории.

– Можно задать еще пару вопросов? – попросил я. – Игорь Кириллович служил генеральным директором банка?

– Да, – подтвердила Оксана. – Это очень высокая должность с прекрасной зарплатой, бонусы, поощрения, премии.

– Я думал, большие начальники не сидят от звонка до звонка, как простые клерки, – заметил я.

– Наоборот, – вздохнула хозяйка дома. – Маленький винтик ничего не решает, он свои обязанности исполняет, делает, что ему велят. Шеф же стратег, он всем занимается. Дел много, Игорь часто по стране летал, планировал открытие филиалов.

– Супруг вам рассказывал о своих делах?

Оксана внезапно вспыхнула как маков цвет:

– Нет. Не моего ума это дело. Да я и не спрашивала. Зачем лезть туда, куда не надо?

Я колебался, потом сказал:

– Извините, Оксана Максимовна, но мы совершенно точно знаем: Игорь Кириллович занимал пост начальника департамента кредитов. Это хорошая должность, но до генерального директора ему было еще шагать и шагать.

– Ошибаетесь, – возразила Маслова. – Конечно, я не разбираюсь в финансах, но кем муж работал, понять могу. Он даже охраной занимался. Во все сферы «Кроса» вникал. Ему в последнее время глава секьюрити звонил. Роберт... Ой!

Оксана закрыла рот рукой.

– Вы боитесь охранника? – уточнил я.

– Нет, – ответила Маслова, – мы с ним шапочно знакомы. Муж никогда не приводил домой подчиненных.

– Роберт? – переспросил я. – Это кто?

Оксана вцепилась пальцами в край стола.

– Простите, я оговорилась. Хотела сказать «Игорь Кириллович», но поскольку... – Хозяйка умолкла.

– Мы вели беседу о секьюрити. Вы произнесли «Роберт...», – сказал я и соврал: – Знаю, что так зовут главу охраны «Кроса», симпатичного мужчину. У него ребенок и жена Эмма, вот фамилию его запомнил.

– Какая-то не русская, – прошептала Оксана, – Штерн вроде.

Я изобразил реанимацию памяти:

– Шмидт!

– Может, и так, – согласилась Оксана. – Муж ее вскользь произнес. А вот имена я запомнила, и его, и супруги. Роберт и Эмма. Сериал смотрю по телевизору английский, он идет лет пять в удобное время днем, вечером мне некогда на экран пялиться. Там главные герои Роберт и Эмма. Очень они мне нравятся, поэтому к гостю я сразу симпатию почувствовала.

Я вынул из кармана телефон, нашел фото Роберта и показал Масловой:

– Это он?

– Да, – подтвердила та. – Даже внешне на Роба из кино смахивает. Только его Эмма умерла.

– Героиня телесериала скончалась, – невесть зачем повторил я.

– Нет, нет, вы не поняли, женщина в сериале жива, – поправила меня Оксана. – Скоропостижно скончалась супруга главного охранника. Поэтому он к нам очень поздно вечером и примчался. Игорь в своей комнате смотрел телик. Я посуду на место ставила, оставалось только пол на ночь вымыть, и тоже можно было ложиться спать.

– Зачем пол мыть, когда день закончен? – отклонился я от основной темы беседы.

Маслова опешила:

– Так положено. Главное в доме – чистота. Унитаз – лицо квартиры. Паркет – свидетельство того, старательна ли хозяйка. Звонок в дверь застал меня врасплох, я подумала: «Если опять Светлана Федоровна притащилась, не пущу». Над нами живет до безобразия любопытная Константинова. Мы сюда въехали несколько лет назад, покупкой апартаментов муж занимался, он их нашел, ему понравилось, что на этаже соседей нет. Прежний владелец объединил свою и родительскую квартиры, получилось роскошно.

– И очень дорого, – заметил я.

– Владелец апартаментов умер, – пустилась в объяснения Оксана, – его дочь давно замужем за иностранцем, живет в Канаде. Она торопилась квартиру продать, цену выставила минимальную. Игорь сначала хотел продать дачу, которая ему от родителей досталась. Но потом передумал.

– У вас сын, – поддержал я пустой разговор, – Николай женится, пойдут дети, им свежий воздух необходим.

На лице Оксаны промелькнула гримаса.

– Фазенда находится в Войтыкове. Страшное воспоминание медового месяца. Глухое Подмосковье. В Войтыкове воды-газа не было. Мы туда после свадьбы поехали. Холод в доме стоял. Жуть. Сырость. Постель влажная. Батарей нет. Затопили печь, так в нее дрова непрерывно приходилось подбрасывать. Чайник на плите, которую тоже поленьями топили, два часа закипал. Муж радовался: «Ну прямо как в детстве. Помню бабулю свою, она к завтраку оладушки пекла. Жена, сделай утром такие же». Я тогда плохая повариха была и неумеха, в шесть утра к колодцу пошла. Пользоваться им не умела, ведро утопила. Игорь начал меня учить женской работе. Устала я донельзя, спать легла в своей комнате. А через неделю привидение явилось. Я с перепугу в окно сиганула...

– В любом уважающем себя старом доме должен обитать призрак, – повеселел я, – он ходит в саване, бряцает цепями...

– Наверное, – согласилась моя собеседница. – Я до ужаса перепугалась. Игорь уехал кататься на велосипеде. А я осталась, для меня двухколесного коня не нашлось. Но я даже обрадовалась: уставала очень, крутить педали совсем не хотелось. Я пошла прилечь, на улице дождь начался. Ну и заснула. Открываю глаза: по комнате старуха ходит жуткая! В платье грязнее болота. И бубнит. Я дар речи потеряла. Бабка к секретеру подошла, чего-то из него достала, обернулась и хрипит: «О! Гостя тут! Что ты в моей спальне делаешь? Здесь я хозяйка. Сейчас деньги найду и уеду. А тебя убьют! Как меня! Меня убили!»

Я с перепугу в окно выпрыгнула, хорошо, комната на первом этаже находилась. Очутилась во дворе, в туалет невыносимо захотелось. Со страху живот прихватило, да так сильно, что не добежать до будки! Но все равно я понеслась к сортиру. И тут Игорь приехал, давай надрываться: «Эй, ты где? Куда пропала?»

Я к мужу помчалась, за корень дерева ногой зацепилась. Бух! Заплакала от страха, ну и больно еще было. Супруг спросил: «Обед готов?» А у меня картошка еще не чищена. Игорь рассердился, я ему объяснять начала: «Сон меня сморил, потом привидение явилось, деньги искало, обещало, что меня, как ее, убьют. Перепугалась я до жути, в окно выскочила, в кустах спряталась, вымокла вся. Не пойду больше в дом». Супруг сказал: «Раз тебе здесь не нравится, прямо сейчас уедем. Только велю сторожу печь погасить».

– На даче был сторож? – удивился я.

Оксана сгорбилась.

– На участке стояли дача и маленький домик вроде сарайчика. Там жил хмурый дядька. Вокруг лес, соседей нет. Мужик стерег особняк, чтобы бомжи его не разграбили. Мрачный тип, лицо злое. Я его боялась. Мы с мужем уехали, больше он, к счастью, на дачу не ездил. А мне прямо дурно при одной мысли о ней становилось. Когда Игорь наши апартаменты покупал, он мне велел: «Трать деньги экономно, лишних не будет. Весь запас я в хоромы вложил». Я заикнулась: «Может, дачу продать?» Супруг отмахнулся: «Кому она нужна? Вся развалилась, стоит в глуши, в Войтыкове газа-света-воды нет». Не успели сюда перебраться, как соседка заявила с заявлением: «Я старшая по подъезду, хочу выяснить, кто у нас поселился». Дом старый, еще советский кооператив. Сейчас из первых жильцов одна Константинова осталась. А когда мы тут появились, единственными новенькими стали. Игорь пригласил Светлану чайку

попить. Та села и давай вопросами сыпать. Ну прямо как...

Оксана замолчала.

– Как я, – засмеялся я.

– Нет, – не согласилась хозяйка, – вы на работе. А у Светланы было одно любопытство. Когда Константинова ушла, муж категорически запретил в дом ее в дальнейшем пускать. Так она прямо терроризировать меня начала. Уроню на пол табуретку, и тут же дзынь-дзынь: «Здрассти. Что у вас случилось? Может, я могу помочь?» Телевизор погромче сделаю – дзынь-дзынь: «Ой, у вас скандал?» Потом она притихла, поняла, что ее дальше порога не пустят. Но до сих пор иногда нет-нет да и звякнет в нашу дверь. Я в глазок гляну и не открываю.

– Когда-нибудь слышали от супруга про Роберта Шмидта? – спросил я.

– Один раз, – кивнула собеседница. – После ужина кто-то в дверь позвонил. Я подумала: Константинова! Но у лифта не она, а мужчина оказался. На вопрос «Вы к кому?» ответил: «Скажите мужу, к нему Роберт из банка». Фамилию он точно назвал, да я забыла. То ли Штерн, то ли, как вы говорите, Шмидт. Я поспешила к Игорю, тот велел: «Заведи его в кабинет, я брюки приличные надену и приду».

Я в дела супруга никогда не лезла, но к нам очень редко кто-то заглядывал. Из постоянных гостей был только Григорий Круглов, он ученый, историк. Они с Игорем в кабинете какие-то свои дела решали. От удивления я спросила:

– Что случилось? Неприятности по службе?

Муж ответил:

– Нет, это наш начальник охраны. У Роберта жена умерла, Эмма, долго болела, надо похороны организовать, а денег у парня нет. Он в долг просил, я дам ему нужную сумму.

Я мгновенно вспомнил слова Натальи про некоего Григория Круглова, который собирал папочки для ее отца, и спросил:

– Ваш супруг общался с Максимом Петровичем Загорским?

Оксана смутилась:

– Простите. Не знаю. Дома мы только о семейных проблемах говорили. Иногда краем уха я слышала беседы Игоря по телефону, но не акцентировала на них внимания. Мужа могли ночью вызвать на работу. «Банк никогда не спит» – это его слова. Может, он и был знаком с Загорским, но я не в курсе. Вот Григория Круглова я видела, вежливый, приятный человек.

Маслова покраснела.

– Приносил мне всегда в подарок коробку конфет, говорил

комплименты: «Как у вас дома красиво, чисто, уютно. Завидую Игорю Кирилловичу, он нашел себе прекрасную жену».

Глава 30

Подойдя к машине и не увидев в ней Наташу, я позвонил ей:

– Вы где?

– Секундос! – ответила та.

Дверь подъезда распахнулась, я увидел девушку и удивился:

– Что вы делали на лестнице?

– Пока вы Маслову опрашивали, покалякала с Константиновой, ее соседкой сверху, – сообщила Наташа. – Ну, я с такой даже на одном километре в своей жизни встретиться не хочу. Мрак. У нее есть подслушивающий шкаф!

Я показал рукой на противоположную сторону улицы:

– Там кафе, на вид приличное. Мне хочется перекусить.

– Вы меня приглашаете как женщину или как сотрудницу? Платить мне самой? – уточнила Наталья.

– Относиться к вам, как к представительнице слабого пола, я не имею права. Вы у меня работаете, что исключает неуставные отношения, – пояснил я. – Но я принадлежу к старой гвардии и не позволю даме, с которой сел пообедать, платить по счету.

Мы переместились в ресторан, Наташа потеряла руки и схватила меню:

– Ну, попируем, раз старая гвардия расплачивается. Есть ли у них райская птица, фаршированная черной икрой?

Желание развести босса на дорогое угощение оказалось шуткой. Ната заказала кофе и кусок пирога с капустой.

– Мой кошелек выдержит и более солидную трапезу, – улыбнулся я.

– Не сомневаюсь, – ответила девушка, – но моя попа боится аппетита хозяйки. Знает, что, если она разжиреет, будет ходить раздетой. Кстати, аллергии на котов у меня нет.

– Я догадался, – кивнул я.

– Один мой знакомый, – продолжила Наташа, – когда ему нужно спешно удрать из гостей, живо врет: «Ой, у вас кошка-собака? Мне плохо!» И дает деру.

– Отличная идея, – одобрил я, – возьму ее на вооружение. Главное, хозяин не обидится.

– Во-во, – кивнула Наташа. – Я как увидела Оксану, вмиг сообразила, что ничего интересного она не сообщит. Но есть соседи. Их придумали, чтобы люди не дремали, ждали нападения врагов. В борьбе с ними

закаляешься. Оксана на этаже живет одна. Но квартиры наверху и внизу они с мужем не купили. Как олигархи жилье в обычном доме оформляют? Себе весь этаж, под ним прислуга, а над головой охрана.

– У Масловых нет несметных богатств, – остановил я ее. – Игорь Кириллович с утра до ночи сидел в банке, жена по хозяйству копошилась.

– Поэтому у них есть карма по фамилии Константинова, – весело продолжала девушка, – она ЦРУ, ФСБ, ФБР, уголовный розыск, МОССАД, Сюрте Женераль, жандармерия и все остальное в одном флаконе. А когда я вошла в холл к Масловой, то сразу посчитала: она жертва тирана.

Я внимательно посмотрел на Нату:

– Объясните ход своих мыслей.

У Наташи засверкали глаза.

– Видели, как обувь в прихожей стоит?

– Не обратил внимания, – признался я.

– Зря! – отрезала девушка. – Замшевые ботинки! Шнурки внутрь засунуты. Сапоги: молния доверху застегнута. Кроссовки на меху: липучки скреплены. Все на полках выстроено в одну линию. А шарфы? Шапки?! Они находятся у зеркала, каждая вещь в отдельной ячейке. По цвету распределены. Синие кашне, рядом голубая шапень, такие же перчатки. Зеркало протерто до неистового блеска. Мужские пальто в количестве двух штук и женский пуховик устроены на плечиках, все застегнуто снизу доверху. Плитка на полу сверкает. А домработницы у Оксаны нет! Какой вывод делаем из этой картины? Первое: Оксана лечилась в психушке или сидела на зоне, там требуют от больных эков тщательно соблюдать аккуратность. Считается, что, наводя порядок, они учатся владеть собой. Или второе: тетка помешана на чистоте, по сто раз на дню моет полы. Людям, которые поступают таким образом, кажется, что они при этом контролируют ситуацию. На самом деле они испытывают глубокий комплекс неполноценности. И у них есть неприятная черта. Они постоянно других упрекают: «Я чищу, вы пачкаете». Но когда мы вошли, Маслова нас не укорила: «Ужас, сколько грязи натащили». Значит, у нее нет комплекса «кипячу все в кастрюле». Третье: у нее муж или сын тиран, ее заставляют жить с тряпкой. Маслова не сидела, диагноза психиатрического не имеет, не истеричка. Значит, ее кто-то подмял под себя. А раз так, она ничего откровенно не расскажет, жертвы даже после смерти садиста по его правилам живут, постепенно от них отвыкают. Я уверена, что Игорь Кириллович жену самозабвенно психологически мучил.

– Почему он? Вдруг это Николай? – протянул я.

– Не-а, – возразила Наташа. – Первое: моральные садисты своему

подопечному запрещают общение с другими людьми. Велят с работы уйти, сидеть дома. Сначала женщине поведение мужа нравится, она его за заботу принимает. На этой стадии садюга полностью не раскрывается, поэтому дурочка говорит подругам: «Я так счастлива! Игорь велел мне бросить службу, незачем за копейки ломаться, он нас обеспечит». Приятельницы ей завидуют, а зря. Дело развивается дальше. Никаких подруг, визитов к родителям. «Твоя мать меня не уважает, вечно замечания делает. Выбирай: или я, или она», «Твои подруги меня соблазнить пытаются, в мини-юбках ходят», «Не носи короткие платья», «Не стриги волосы», «Не пользуйся макияжем», «Надевай то, что я купил». И так далее. Не успеешь опомниться, как ты раба господина, который знает, как тебе острую моральную боль причинить. Захочешь пожаловаться, поплакаться кому-то, а вокруг вакуум. Игорь над Оксаной измывался, будь он жив, его супруга дверь нам не открыла бы. А она наспустила, следовательно, уже оттаяла, поняла: тирана нет. Но порядок еще по его правилам наводит. За короткий срок психика не восстанавливается, Маслова лишь первые шаги делает.

– Где ты всему этому научилась? – поразился я, от удивления забыв про вежливое «вы».

– Книжки читала, – пояснила Наташа. – Фрейд, Юнг, Адлер – это классики. Из наших Зинченко, который Петр, Алексей Леонтьев-старший. Много других работ современных авторов по психоанализу, гештальт-терапии. Хочу стать детективом-профайлером.

– М-м-м, – только и смог пробормотать я.

– Я прикинулась, что у меня аллергия началась, – сказала Наташа, – решила, пока вы с Оксаной бла-бла, я лишняя, пошуршу с соседями. Спустилась на первый этаж, а там молодая мамочка с коляской, пандуса нет, я ей помогла. Разговорились с ней у подъезда. Да она только своим бэбиком занята. Но она сказала, что в квартире сто двадцать живет Светлана Федоровна Константинова. Это местная поисковая система. Гугл дома. И я к тетеньке в гости напросилась.

– Как? – удивился я.

– У меня свои секреты, – усмехнулась Ната. – Не спрашивайте, как из тетки я инфу вытянула. Важна не дорога к цели, а достижение цели. Наврала ей, что хочу в их доме квартиру купить, но сначала мне желательно узнать, какие люди тут живут. Мне рассказать, что я про Маслову слышала?

– Начинать, – велел я, и Наташа принялась излагать занимательную историю...

Раньше в доме во всех квартирах на кухне был мусоропровод. Вроде

удобно, никуда ходить не надо, ведра помойного нет. Но из трубы, куда скидывали отбросы, в апартаменты лезли тараканы и вонь поднималась. Поэтому через пару лет жильцы сговорились и заделали мусоропровод, стали бегать на двор к контейнерам. После перестройки коренное население дома стало распродавать жилье, на их место въехали новые люди. Сейчас в подъезде из тех, кто знал, что на кухне ранее был отсек для отходов, осталась одна Светлана. Масловы о нем понятия не имеют, они затеяли перепланировку, из кухни и прилегающей к ней комнаты сделали кабинет Игоря. А у Константиновой все на старых местах, у нее нет денег на масштабный ремонт. Маленькая деталь: когда коренные обитатели собрались уничтожить мусорник, им объяснили, что БТИ не одобрит их инициативу. Поэтому сама железная труба осталась нетронутой, ее не заделали наглухо. Да и как осуществить это? Набросать в нее кирпичей? Залить бетоном? Невозможно. Поэтому просто сняли ковши, перестали бросать в отверстие отходы. А с кухонной стеной, в которой после того, как убрали мусороприемник, образовалась дыра, каждый жилец поступил, как считал нужным. У Светланы Федоровны тогда был тощий кошелек. Она не заделала капитально отверстие для отходов, не убрала ковш, просто закрыла его дверцами из фанеры. И через короткое время сообразила: она хорошо слышит, что происходит на кухне у соседей снизу. Сверху никого нет, она живет на последнем этаже. Госпожа Константинова всегда была не в меру любопытна. В прежние времена, когда еще не было домофонов, она подглядывала в глазок своей двери, интересно же, кто пришел к соседям. Поэтому возможность стать невидимым свидетелем жизни людей, которую ей подарил незаделанный мусоропровод, привела Светлану Федоровну в восторг. Вечерами она усаживалась на кухне, открывала дверцы, вытаскивала ковш и замирала от удовольствия, слушая чужие разговоры, скандалы или любовное воркование. Утром Константинова выходила во двор, садилась на скамеечку, около нее устраивались местные сплетницы, и начинался живой разговор. Светлана оказалась самой молодой по возрасту, остальные уже бабки, но авторитет у Константиновой среди старух был высокий. Вы спросите, почему раньше любопытная дамочка не слышала чужие беседы? Звукоизоляцией служили ковши. Железные, с уплотнительными резинками, они прятались в нишах, их закрывали толстые дверцы, обитые изнутри стекловатой, а поверх нее крепилась деревянная панель. Снаружи все было обтянуто той же ватой, но уже покрытой дерматином. Шло время, апартаменты под норкой Константиновой меняли хозяев. Настал день, когда на этаже поселились Масловы, которые сделали из кухни кабинет. В жизни Светланы

Федоровны в это время случилась трагедия. Все ее подружки-старушки ушли из жизни, а на их месте никто не появился. Новые жильцы не любили коротать время у подъезда, они неслись мимо Светланы, которая в одиночестве сидела на скамейке, не говоря ей «здрассти». Константинова знала массу всего интересного. Но какой прок в информации, которой не с кем поделиться?

Без общения, не имея возможности посплетничать, пенсионерка стала грустить, потом впала в депрессию, из которой ее вывел пятнадцатилетний внук Гриша.

– Бабуль, ты чего киснешь? – спросил он, прибежав к ней в гости.

Светлана Федоровна всхлипнула и неожиданно для себя сообщила мальчику правду.

– Ну ваще, – засмеялся тот, – бабулька! Сплетников стало еще больше, чем раньше, просто они от подъездов переместились в Интернет и называются блогерами.

– Где? Куда? Как? – не поняла Константинова.

– Спокуха! – велел внучок и на следующий день притащил старушке свой старый айпад.

Светлана неожиданно оказалась очень талантливой ученицей. Через неделю интенсивного обучения она напечатала свой первый пост.

Сегодня ее «Блог проказника домового» пользуется большой популярностью. Константинова не называет фамилии тех, чью личную жизнь безо всякого стеснения вываливает в Сеть. Каждому действующему лицу придумано прозвище. Например, Оксана у нее «Плакса-хныкса», а Игорь Кириллович – «Мерзавец». Светлана помолодела и обзавелась кое-какой денежкой, потому что ей переппадают небольшие рекламные контракты. В первой половине дня Константинова выкладывает то, что узнала накануне вечером, не забывая снабдить информацию язвительными комментариями. Днем она отвечает тем, кто прокомментировал ее сообщения, вечером сидит на кухне у «слухового шкафа». О депрессии дама давно забыла. Унывают в основном лентяи, у которых много свободного времени, Константиновой же некогда даже кефира хлебнуть.

Глава 31

Через неделю в моем кабинете собрались Эмма Шмидт, Светлана Федоровна Константинова, Оксана Маслова, полковник Никита Ветров, с которым я познакомился совсем недавно, но уже успел понять, что он порядочный и умный человек, Раиса Булкина, Вениамин Шанхаев, Григорий Круглов – смазливый брюнет, о котором Наташа рассказывала, что он собирает для ее отца «папочки», сама Наташа, мужчина в дорогом костюме, Борис, я и хорошенькая брюнетка.

– Вы все знаете про взрыв в депозитарии банка «Крос», – начал я, – в преступлении хотят обвинить Роберта Шмидта, который совершил попытку самоубийства и сейчас в тяжелом состоянии находится в больнице. Дело вел следователь Боронов, который знал, что оно последнее в его карьере. После того как папка с нужными штампами уедет в архив, Боронову предстояло стать пенсионером. Льву Сергеевичу хотелось побыстрее уйти на покой, посидеть с удочкой на берегу реки, не вставать в шесть утра, ходить на футбольные матчи, возиться в гараже. Работа у него не простая, Боронов потерял к пенсии всякий кураж. Хочется искренне думать, что только усталость Льва Сергеевича стала причиной того, что он работал спустя рукава. А дочь Льва Сергеевича купила себе симпатичную новую машину на сэкономленные деньги. Судья мог заметить торчащие со всех сторон в деле «уши», но до суда дело не дошло. Роберт очень любил Эмму и детей, он не хотел, чтобы к ним прилип ярлык «семья заключенного». А если человека не судили, то никто не имеет права назвать его преступником. Последними официально становятся только после вынесения приговора. Но приговор не зачитывали! Значит, ты чист. Поэтому Шмидт решил совершить суицид до того, как окажется на скамье подсудимых.

Следствие сразу пошло по ложному пути. В одной из взорванных ячеек хранились драгоценности Вениамина Шанхаева, которому от родителей досталась уникальная коллекция ювелирных изделий. Тут следует уточнить: на самом деле Веню родила не Аврора Михайловна Шанхаева, записанная в документах его матерью. Ребенка произвела на свет Раиса Никитична Булкина, которая никогда не состояла в любовной связи с Сергеем Ильичем Шанхаевым.

Я посмотрел на Булкину.

– Народу много, разговор откровенный, понимаю, что вам сейчас не

просто. Но придется сказать правду: вы стали суррогатной матерью. Только вам не подсаживали эмбрион, зачатый в пробирке. Все произошло естественным путем. Предки Шанхаевых старательно собирали коллекцию, а потомки ее пустили в распыл. Отец Вениамина начал сбывать бесценные вещи с рук. Вместо них в коробки, обитые бархатом, он помещал фейки, прекрасно имитирующие подлинники. Это, как вы понимаете, являлось семейной тайной, о которой Боронов не знал. По мнению следователя, Роберт слышал о том, что господин Шанхаев содержит в вип-зале депозитария раритетные изделия баснословной стоимости. А у Шмидта были финансовые проблемы, он решил похитить драгоценности Вениамина, потом устроить взрыв, чтобы скрыть кражу. Наверное, Роберт рассчитывал, что в других ячейках тоже хранятся украшения, надеялся, что их остатки после взрыва убедят полицейских: все погибло вместе с «алмазным фондом» Шанхаева. Шмидт незадолго до преступления обзавелся новой квартирой, понятно, что он потратил много денег. Откуда они у скромного клерка? В полиции подозреваемый изложил глупейшую, неправдоподобную историю про то, что выиграл апартаменты в закрытом конкурсе проектов, участвовать в котором ему предложил Игорь Кириллович Маслов, начальник департамента кредитования. И якобы он же оформил ипотеку, которую Роберт стал аккуратно выплачивать, принося конверты с деньгами своему благодетелю.

– Вообще-то это бред, – не выдержал Никита.

– Ваш коллега, который вел дело Шмидта, считал так же. Он решил, что Роберт взял деньги в долг у ростовщика, не справился с выплатой и решил проблему с помощью взрыва. И вот что интересно, Роберт три года учился на взрывотехника, а во время службы в армии работал с динамитом, – сказал Борис. – Боронов вызвал Маслова для разговора. Тот расхохотался и объяснил, что никакого конкурса и в помине не было. Но если бы он состоялся, Роберт не эксклюзивный специалист. Просто старательный клерк, такого не позовут для мозгового штурма. Ипотека не оформлялась. Откуда у Шмидта квартира, Маслов понятия не имеет. Конверты с деньгами он ни у кого не брал. Все денежные операции проходят или со счета на счет, или через кассу банка.

– К тому же выяснилось, что квартира Шмидта оплачена полностью, – добавил я, – стройкомпания получила сразу все деньги до копейки. Их перевели из банка «Крос» со счета Сергованова Федора Михайловича, а туда они были внесены наличкой. Интересный штрих: Сергованов Федор Михайлович в Москве есть, но ему два года и он прописан совсем не по тому адресу, который указан владельцем счета. Все данные на вкладчика

фальшивые. Роберт решил обезопасить себя, воспользовался служебным положением, сделал вклад на кроху.

Эмма подняла руку:

– Значит, по-вашему, мой муж залез в невероятные долги, которые нам никогда не выплатить? Он хотел купить жилье, но оно нашей семье не по карману, средств на первоначальный взнос у нас не было, а без него ипотеку никогда не получить. Роб одолжил всю сумму у ростовщика. А потом, чтобы вернуть ее, устроил взрыв в депозитарии, хотел таким образом замаскировать кражу ценностей вот этого мужика?

Эмма покраснела и по-детски показала пальцем на Вениамина.

– И муж соврал следователю про конкурс и ипотеку? – спросила Шмидт.

– Это версия следствия, – уточнил я, – в ней много прорех.

Никита повернулся к Вениамину:

– Ваша коллекция драгоценностей, та, что хранилась в сейфе, настоящая?

Ответом послужило молчание, но Ветрова не смутило нежелание Шанхаева отвечать откровенно.

– Мы собрались тут с единственной целью: доказать, что следователь Лев Сергеевич Боронов или по глупости, или из желания поскорее завершить дело, чтобы выйти на пенсию, или по сговору с неизвестным лицом не обратил внимания на торчащие концы, не связал узлы. Шмидт лежит в тяжелом состоянии в больнице, выживет – не выживет, неизвестно.

– Роб непременно очнется, когда его оправдают, – закричала Эмма, – он просто ждет. Если правда откроется, муж вернется. Если нет... зачем ему тогда жить?! И нам с детьми без него как жить?

Никита, не отрываясь, смотрел на Вениамина.

– При чем тут подлинность коллекции Шанхаевых? Шмидт навряд ли знал, что хранится в ячейке, – протянул Веня. – Как он выяснил, что внутри? О содержимом сейфа клиент банку не сообщает.

– Хороший вопрос, – одобрил Борис. – Именно его Роберт задал Боронову, когда тот завел речь о ювелирных изделиях. Шмидт воскликнул:

– Содержимое ячейки – тайна. Как я мог о нем знать? – Лев Сергеевич ответил:

– Вы дружили с заведующей депозитарием Григорьевой.

– Я верен своей жене, – возразил подозреваемый.

– Не скрою, сначала мы считали вас любовниками, – признался Боронов, – но в дальнейшем стало ясно, что вы просто добрые приятели. Вот Стелла и решила вам по-дружески помочь. Да, содержимое личного

сейфа является секретом клиента. Банк гарантирует его сохранность. Если он разорится, лишится лицензии, то все деньги вкладчиков на счетах заморозятся. Их выплатят, но далеко не сразу. Если вы держали, допустим, десять миллионов, то получите намного меньше, только определенную законом сумму. А вот содержимое ячейки заберете без проблем, потому что оно не имеет отношения к погибшему банку, вы просто арендовали сейф. Но некоторые сотрудники финансовых учреждений вступают в сговор со страховщиками. Когда клиент кладет в депозитарий нечто на большую сумму, компания, которой предстоит в случае кражи или порчи имущества выплатить ого-го какие деньги, тайком просит ответственного сотрудника депозитария, допустим при пожаре или другой опасности, открыть сейф и спасти его содержимое. Стелла могла договориться с теми, кто был «подушкой» для Вениамина. Это незаконно, но практикуется. Женщины любопытны. Григорьева слышала о коллекции, не удержалась, открыла сейф, закрепленный за Шанхаевым, увидела россыпь драгоценностей, рассказала вам о них. И у вас сложился план.

– Наверное, я плохо объяснил, – подхватил я, – до сих пор говорил: Шмидт внес сумму полностью. Это соответствует действительности. Но интересно, как средства поступали к строителям. Сначала пришел первый взнос. А жилье-то было полностью готово, уже с отделкой. Для семьи Шмидт апартаменты очень дороги, но они предназначены для людей среднего достатка, находятся на окраине, далеко не в элитном районе. Через некоторое время после внесения Робертом стартовой суммы, которая закрепила за ним квартиру, в депозитарии произошел взрыв. А вскоре Федор Сергованов кладет на свой счет деньги наличкой, они вмиг отправляются стройкомпании. На первый взгляд все предельно ясно. Шмидт наскреб немного средств, застолбил жилье, потом украл драгоценности и продал их. Так как, господин Шанхаев? Сколько мог выручить клерк за ваши ценности? Они подлинные? Если да, то ему еще на полет до луны осталось. А вот если нет...

– Пожалуйста, ответьте правду, – взмолилась Эмма, – от вас зависит жизнь моего мужа.

Умоляю!

– Сомневаюсь, что вам выплатят страховку, – произнес Борис, – большие суммы просто так не раздают. Страховщики всегда проводят свое расследование. Если они выяснят, что золото-бриллианты заменили фейками, вам грозит иск о мошенничестве.

Я решил помочь Шанхаеву и соврал:

– Думаю, Вениамин не виноват. Он сам жертва. Предполагаю, что

коллекция вывозилась на выставку. Возможно, там экспонаты подменили? А господин Шанхаев этого не заметил. Он же не проверяет драгоценности постоянно.

В глазах Никиты заплескался смех, но на лице его не отразилось никаких эмоций.

– Да, – обрадовался Веня, – точно! Как я сам не понял! Меня обокрали! Я показывал ювелирку один раз! Очень давно. Да, да, точно! Иван Павлович, вы можете объяснить страховой компании, что произошло?

– Если вы откажетесь от получения страховой выплаты, сделаете заявление о том, что в сейфе находились копии, я улажу вопрос с теми, кто должен оплатить исчезновение раритетов, – пообещал я.

– Давайте бумагу, я напишу, – деловито заявил Шанхаев. – Вскоре после выставки я заподозрил, что ювелирка фальшивая! Воры! Ужас! Негодяи кругом!

Мне стало смешно. Если он давно знал про исчезновение золотишка с камнями, то почему не поднял шум? Не помчался в полицию?

Глава 32

– Значит, Роб не виноват? – прошептала Эмма.

– После того как господин Шанхаев сделал заявление о том, что его коллекция фальшивая, рухнул фундамент, на котором строилось обвинение, – пояснил Никита. – На что опирался следователь? На то, что Шмидт отдал ювелирную коллекцию ростовщику, чтобы закрыть свой долг по первичному взносу и полностью оплатить квадратные метры.

– Так он все равно мог украсть, – заметила Наташа. – Спер, взорвал, отволоч, и упс! Обнаружили фальшак!

– Отличное замечание, – оценил выступление практикантки Никита, – оно демонстрирует нам, где собака и стадо свиней зарыты. Если драгоценности настоящие, то вопрос, где Роберт взял деньги, отпадает. Если они фальшивые, то Шмидт мигом оказывается в очень затруднительном положении, барыга не даст ему денег на оплату жилья, потребует возврата уже полученной суммы, но Роберт заплатил сполна. Значит, коллекцию ростовщик у него взял, она подлинная. Ан нет! Мы теперь в курсе, что в сейфе был фейк. Но, повторяю, апартаменты оплачены. И можно сделать вывод: кто-то подставил клерка, внес всю сумму, потом устроил так, что подозрение пало на Шмидта. Не было ростовщика. Похоже, Роберта подставили.

– Кто? Почему? – залепетала госпожа Шмидт. – Муж ни одному человеку на свете не причинил зла. Он очень добрый. Верит в то, что все люди хорошие. Просто некоторые иногда совершают ошибки.

– В вашем случае настоящий преступник решил спрятаться за спиной Шмидта и сделал это мастерски, – вздохнул Борис. – У «режиссера» был план действий, он искал главного героя: сотрудника банка, тихого, интеллигентного, с финансовыми проблемами. Таких, наверное, оказалось несколько. Но «автору» спектакля нужен был человек, который каким-то образом имеет отношение к депозитарию. Роберт дружил со Стеллой Григорьевой, он оказался единственным, кого через нее можно было связать с вип-залом ячеек. Поэтому Шмидт «победил» в кастинге. Давайте теперь зададим вопросы: кто предложил ему участвовать в конкурсе, пообещав за победу квартиру? Маслов. Кто, по словам Шмидта, брал у него конверты с наличкой? Все тот же начальник департамента кредитования.

– История с апартаментами звучит глупее некуда, – заявил Никита. – Расскажи мне кто-нибудь подобную, никогда бы не поверил. Игоря

Кирилловича вызвали для разговора, он расхохотался следователю Боронову в лицо: «Это бред!» У Маслова была безупречная репутация отличного работника, прекрасного семьянина, честного человека. Льву Сергеевичу песня, спетая Робертом, тоже показалась глупой, он сразу поверил Игорю Кирилловичу.

– Зря, – отрезал я. – Боронов не знал, что внешняя сущность Игоря кардинально отличается от внутренней. Маслов вовсе не честный человек и отнюдь не заботливый муж и отец. Светлана Федоровна, расскажите нам про свой популярный «Блог проказника домового».

– Совершенно случайно я могу слышать все, что происходит у Масловых дома, – затараторила Константинова, – не хочу, а голоса прямо в уши врезаются.

– У вас в квартире и спецаппаратура есть, – напомнил я.

– Ой, ну вы скажете, – отмахнулась пенсионерка. – Всего-то подзорная труба, инфракрасный бинокль, еще парочка приборов, с помощью которых двор и дорогу к гаражам я вижу как на ладони. Все приспособления я приобрела не для того, чтобы смаковать жизнь соседей. Нет, у меня есть кот. Рыжий красавец. Он любит побегать по улице, я волнуюсь за него, поэтому приглядываю за мальчиком. Иногда в поле зрения случайно попадают соседи. Не хочу их видеть, но они сами лезут в объектив. Маслов негодяй! Тиран! Как он издевался над женой! Мне ее до слез жаль.

Оксана покраснела:

– Неправда. Супруг меня пальцем не тронул.

– Не спорю. Драк он не заводил, – согласилась Константинова. – Хитрый подлец. Понимал, что рукоприкладство наказуемо. А моральные оскорбления к делу не пришьешь. Сейчас, минутку...

Светлана вытащила из своей пузатой сумки айпад.

– Вот мой блог. Кто не подписан, заходите. Оксана, вам все мои читатели сочувствовали, не понимали, какого черта вы с козлом жили. Слушайте! Кха-кха. Озвучиваю свой пост, старый: «Первое июня. «Мерзавец» опять прицепился к «Плаксе-хныксе». Та сегодня не поставила домашние тапки по линейке, за что огребла наказание: сидела три часа голый на табуретке в холле. Когда пришел сын, мать закричала:

– Игорек, Колечка тут! Можно, я халат накину? Стыдно.

– Папа, – попросил парень, – я принесу маме одежду. Мне неудобно как-то.

– Стыдно и неудобно не слушать мужа и отца, который вас кормит, поит, содержит, – заревел Маслов, – вы ничтожества на моей шее! Николай! Я в твоём возрасте уже сделал карьеру, через пару лет стал генеральным

директором «Кроса». Вторым человеком после владельца банка! А ты кто? Плевок на тротуаре. Оксана лентяйка, ни копейки в дом не приносит. Ни черта не делает. Весь день дрыхнет. Я прощаю вам все! Единственное, о чем прошу, – поддерживать в доме минимальный порядок! Как должны стоять тапки в холле? А? «Ровно», – пролепетала жена. «Чьи первые в ряду?» – не утихал «Мерзавец». «Твои», – прошептала «Плакса-хныкса». «Чьи???» – «Мужа, моего господина, самого лучшего человека на свете», – зарыдала «Плакса-хныкса».

– Утри сопли! – скомандовал супруг.

– Нечем ей, – сказал сын.

– Рукой, – заорал отец. – Бездельница шлепки в раскорячку разбросала, да еще первыми кинула тапки сына-балбеса».

– Жуть! – перебила Константинову Наташа. – Во, блин! Оксана! Почему вы мужику с размаху не вмазали? Зачем на табуретку раздетой сели? В нос ему ногой!

– Неправда, – запротестовала Маслова, – Константинова врет, не было в нашем доме та-кого.

– Да ну? – прищурилась Светлана. – Знаете, почему мой блог популярен до такой степени, что в него рекламодатели потянулись? Вот поэтому!

Светлана ткнула пальцем в экран.

– ...! ...! ...! – заревел мужской голос. – ...! Стой молча! Николай! Неси из кухни еще один табурет! Около мамы ... встанешь ...! ...! ...! Без штанов.

– Игорь! – воскликнула Оксана и заплакала.

Светлана захлопнула айпад.

– Ага! Я все записываю. Мой внук гений, все для интернет-проекта «Блог проказника домового» купил.

– Ну уж теперь и про «жучки» – камеры расскажите, – велел я. – Оксана, вы говорили мне, что Константинова в гости к вам рвалась, но вы ее не пускали.

– Да, – прошептала вдова.

– Но один раз все же пришлось предложить ей войти, – уточнил Борис. – Почему? Вы об этом в первой беседе господину Подушкину не сообщили. Но потом, когда он вчера к вам приехал, все откровенно рассказали.

– Так она за помощью пришла, – пояснила Маслова, – ей плохо стало, лекарство закончилось. Я за ним в аптеку кинулась по ее просьбе. Никогда не испытывала к соседке добрых чувств, но ведь нельзя отказать тому, у

кого проблема со здоровьем.

– Вы ушли, оставив Светлану в своей квартире? – поинтересовался Никита.

– Она на диван легла, пожаловалась: «Встать не могу», – пояснила Оксана. – Я предложила ей «Скорую» вызвать, услышала в ответ: «Врачи по пробкам два часа тащиться будут. У меня хроническое заболевание, проглочу таблетку и встану. Пожалуйста, купите лекарство, вот рецепт. И деньги. Спасите. Я шевельнуться не могу. Можно тут останусь до вашего возвращения? Знаю, я вам не симпатична, но поверьте, я не воровка. Я болтлива, признаю, но чужого не возьму».

Маслова опустила голову.

– После жалобной просьбы больной вам, Оксана Максимовна, было неудобно отправить соседку домой, и вы ушли, – резюмировал я. – Учитывая характер вашего мужа, это был отчаянно храбрый поступок. Маслов мог вас за такое с землей сровнять.

– Игорь в тот день улетел в командировку, – неожиданно хихикнула Оксана, – а когда его нет, можно не убирать квартиру, я за день до возвращения мужа порядок наводила. Я без него отдыхала, телек смотрела.

– Он ей запрещал сериалы смотреть, – прибавила Светлана. – Мне Оксана никогда не нравилась. Дура она. Но жалко ее было.

– Долго в аптеку ходили? – спросил я.

– Ну... часа полтора, точно не помню, – ответила Маслова, – Константинова просила в определенную аптеку сходить. Сказала, что лекарство редкое, а там оно точно есть.

Борис сдвинул брови:

– Светлана Федоровна, вашему внуку, умелому хакеру, хватило с избытком времени, чтобы установить в жилье Масловых повсюду «жучки» и камеры. Надеюсь, вы не станете отрицать очевидное? Это глупо, мы же знаем, что в начале лета «Блог проказника домового» стал радовать посетителей видео.

– Что? – ахнула Оксана. – Как?

– Пока добрая госпожа Маслова ходила к провизору, в ее апартаментах появилась разная аппаратура, – растолковал я. – Ваши мучения стали транслироваться в Сети, количество подписчиков у блога возросло в разы, у «Проказника домового» появились новые рекламные контракты.

– Ужас, – простонала Маслова, – меня же узнали соседи! Господи! Как теперь на улицу выйти!

– Нет, все в порядке – успокоил ее Борис. – Светлана Федоровна, неужели вы сами видео обрабатывали?

– Внучок научил, – объяснила Константинова, – это не трудно совсем. Правда, на айпаде такое не проделать, нужен нормальный комп. И он у меня есть, с полным набором прог. И ноут тоже. Все яблочное, родное, лучшее.

Глава 33

– Ух ты! – восхитился мой помощник. – Да вы профи. И сленг соответствующий. «Набором прог»! Не говорите, как лох, – «программ».

– Не поняла? – жалобно пропищала Маслова.

– Константинова не хотела проблем, она понимала: если Оксана или, что намного хуже, Игорь узнают, что их жизнь превратилась в реалити-шоу, ей не поздоровится. На нее напишут заявление в полицию, потребуют огромную сумму за моральный ущерб. Беда будет. Поэтому блогерша вместо имен «героев» писала клички и использовала программу, с помощью которой можно закамуфлировать лица, – объяснил Борис. – Вместо вашей головы на видео башка кошки, у Игоря Кирилловича – кабана, а у Николая – козла.

– И Коля там есть? – испугалась мать.

– Конечно, он же к вам каждый день заходил, – кивнул Борис. – «Блог проказника домового» – кладезь полезной информации. Мы его вдумчиво изучили и узнали: оказывается, у Игоря Кирилловича была любовница, она жила неподалеку от вашего дома. С Ирочкой Маслов проводил много времени, ведь так?

Симпатичная брюнетка, молча сидевшая чуть поодаль от всей компании, кивнула.

– Да. Супруге он врал, что в командировку летит, а сам мчался ко мне.

Оксана сжалась в комок:

– Ну нет же.

– Извините, – дернула плечом Ирина, – это правда. У Игоря была страсть доминировать. Он сначала прилично себя вел: букеты, конфеты, рестораны, потом попытался играть роль строгого хозяина, но я не швабра лысая, сразу его окоротила: «Издеваться над собой не позволю. Пошел вон». Он испугался: «Ты меня не так поняла». Ха! Все я правильно поняла и растолковала ему: не собираюсь ради прихоти мужика унижаться. Не нравится самодостаточная женщина? Вали из моей квартиры. Оксана, простите меня. Не знала, что у Маслова семья есть. Он мне врал, что холост.

Вдова закрыла лицо ладонями.

– Давайте еще раз спросим, – предложил Никита. – Кто мог подставить Роберта? Открыть фальшивый счет, купить квартиру, брать у Шмидта конверты с деньгами? И зачем клерк ходил в зал вип-ячеек? А он там был,

его отпечатки нашли криминалисты.

– Ой! Только сейчас вспомнила, – жалобно сказала Эмма. – У меня голова совсем плохая! Как Роба арестовали, я прямо ум потеряла! Маслов мужа поздно вечером накануне взрыва попросил сходить в зал ячеек, – напомнила Эмма. – Ему зачем-то надо было туда. Вот забыла!

Эмма схватилась за виски:

– Сейчас, сейчас! Может, память вернется. Все из рук валится после того, как Роб на аппаратах оказался. Мысли путаются, ноги дрожат. Есть не могу. При детях не плачу, лгу им: папочка в командировке. По ночам молюсь и рыдаю, рыдаю, рыдаю. Так. В тот день, когда случился взрыв, Роб приехал домой не в восемь вечера, как всегда, а под утро. Я очень нервничала, хотя муж предупредил: «Вернусь не знаю когда, Маслов попросил об одолжении, надо отвезти пакет в Подмоскovie. Отказать ему я не могу. Игорь Кириллович – наш благодетель». Пакет, пакет... Что еще с ним связано? Не могу вспомнить!

По щекам Эммы потекли слезы.

Никита вытащил из кармана пачку бумажных носовых платков.

– Не помните, куда он ездил?

– Нет, – зарыдала Эмма, – какая-то деревня. Роб ее назвал, да мне зачем помнить? Объяснила следователю: супруга в депозитарий Маслов отправил. Лев Сергеевич мерзко рассмеялся: «Поглупее ничего не придумали? А то начальник отдела кредитования не мог Григорьевой позвонить и ее попросить, что нужно сделать? Какое отношение клерк Шмидт к арендованным сейфам имеет?»

Никита промокнул вспотевший лоб.

– Да уж! Все, что Шмидт рассказывал, и то, что выложила Боронову Эмма, походило на бред сумасшедшего. Игорь Кириллович отрицал все слова Роберта, назвал его в сердцах идиотом. Думаю, Маслов мог стать прекрасным свидетелем на суде, но его убил грабитель. Показания Шмидта похожи на фантастический рассказ. Ну кто ему поверит?

Я поднял руку:

– Иван Павлович Подушкин. Армада глупостей, которую изложил Боронову Шмидт, поколебала мою первоначальную уверенность в его виновности. Роберт тихий, не инициативный, но дотошно исполнительный сотрудник. Ему приказывают, он выполняет, чаще всего не интересуясь, почему велели то или иное сделать. Идеальный солдат. Но он не идиот. Думаю, клерк понимал: распоряжения Игоря Кирилловича странные, но как отказать человеку, который ему квартиру устроил? Вот и делал молча то, что ему велели. Я начал подозревать Маслова. Он легко мог открыть

счет на подставное лицо и арендовать ячейку на имя Кузнецовой Нины Сергеевны. Но как начальник департамента получил ее паспорт? Мы снова побеседовали с Ларисой и Геной, дочерью и внуком бывшей учительницы.

– Точно! – осенило Ларису. – Гарик Маслов! Он со мной в одном классе учился. Еще при жизни мамы он оформлял на нее материальную помощь как на свою дальнюю родственницу. Я назвала ему номер-серию ее паспорта, адрес прописки.

Стало ясно, как Маслов данные Кузнецовой достал. А так как он ничего не выбрасывал, собирал досье на людей, то, очевидно, сохранил эти данные на всякий случай. Вот с ребенком, на чье имя счет был оформлен, с которого деньги строителям ушли, не понятно. Где Игорь Кириллович его фамилию, имя, отчество нашел? Паспортные данные «вкладчика» он выдумал. Начальник департамента легко мог это проделать, сам оформил счет. Может, он и фамилию придумал? Точный ответ мы уже не узнаем. А вот с Кузнецовой понятно. Интересная мне мысль сейчас в голову пришла!

Я повернулся к Шанхаеву:

– Эмма жалуется на потерю памяти, но у нее горе, она пережила сильнейший стресс. А вот чем можно объяснить глупость господина Подушкина! Я только сейчас догадался спросить: господин Шанхаев, как вы оказались в vip-клиентах «Кроса»? Статус любимого вкладчика получают лишь те, кто держит на счетах очень большие деньги. Вы не входите в эту категорию.

– И что? – надулся Вениамин. – Да я ценнее всех, кто миллиарды наворовал! Я Шанхаев! Потомок Рюриковичей! Я пришел в «Крос» по рекомендации господина Варакина, он бизнесмен из списка Форбс. Хотел взять кредит. Беспроцентный. Но Маслов, несмотря на звонок Алексея и на честь, которую я, Шанхаев, затрапезному банку оказал, заявил: «Беспроцентных кредитов у нас нет. У вас нет постоянной работы. Таким клиентам мы сразу отказываем. Но поскольку вы друг господина Варакина, я пойду вам навстречу. Ссуду можете получить под залог дома, квартиры».

Вениамин нахмурился:

– Просто хам! Требовать от меня залог! Я ему ответил: «У меня есть коллекция уникальных драгоценностей». Маслов кивнул: «Прекрасно. Наш оценщик осмотрит ее, прикинет примерную стоимость. Кредит не должен ее превысить». Конечно, я отказался! Это унижительно! Шанхаеву надо верить на слово.

Я молча смотрел на «потомка Рюриковичей». Банкиры не верят словам клиентов. И правильно делают. «Эксклюзивные бриллианты», под залог которых Вениамин вознамерился получить кредит, оказались подделкой.

– Отвратительно, – кудачтал Шанхаев, – он ко мне отнесся, как к бомжу без рода-племени. Проценты по займу платить потребовал. И еще решил коллекцию проверить! Я ему фото показал: «Это диадема, серьги, кольцо и много чего еще. Вот страховой полис. Сумму видите? Нули сосчитать можете? Не позволю лапать камни неизвестно кому». Не договорились мы с ним. Наглый тип. Единственное, что я от него получил, – бесплатный сейф в вип-зоне. Это он сам предложил, сказал: «Жаль, что мы с вами не пришли к консенсусу. Но иногда требуется время для принятия решения. Могу вам предоставить ячейку в особой зоне депозитария. Бесплатно. Опасно хранить такие ценности дома».

Вениамин улыбнулся:

– Он меня опередил. Коллекция лежала в банке «Маск», но они там обнаглели! Втрое подняли цену за ячейку. Втрое! Я приехал в «Крос» с намерением получить кредит и дармовую ячейку. Но с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Никита сказал:

– Маслов знал, что хранится в вашей ячейке. Он видел фото, договор со страховой компанией. Полагаю, Игорь Кириллович не сомневался, что Шанхаев владеет большим богатством, но нарушать банковские правила не собирался. Поэтому потребовал оценки залога специалистом «Кроса». А вот предоставить бесплатный сейф он мог легко. Думаю, милейший Игорь позвонил Григорьевой и сказал ей: «Будь добра, оформи на Шанхаева ячейку без оплаты, у него раритетная ювелирка, застрахована на большую сумму. В перспективе он мой клиент, ему кредит нужен. Хочет беспроцентный, я ему от ворот поворот дал. Но денег-то у него нет. Сейчас положит свои бриллианты к нам, подумает и согласится на заем с нашими условиями. Мне его прикормить надо». Стелла не отказала коллеге. Конечно, я точно не знаю, был ли такой разговор, но думаю, что в той или иной форме он имел место.

Эмма вскочила:

– Вспомнила! Ячейка! Роб мне пояснил: Маслов его об услуге попросил. Игорь Кириллович вопреки принципам «Кроса» арендовал для себя одну ячейку, оформил ее на чужое имя. Сотрудникам, даже самым высокопоставленным, запрещено пользоваться депозитарием. Почему? Никто не знает. Просто нельзя. Но Маслов нарушил это правило. Ему потребовалось положить туда пакет. В нем личные документы. Робу следовало поместить его в сейф Игоря Кирилловича, что муж и сделал.

– Надо же, не испугался. Я бы подумал: вдруг охрана меня увидит и сообщит куда надо? – удивился Никита.

Эмма пояснила:

– Игорь Кириллович устроил все так, что секьюрити ничего не заметили. Он дал Робу ключи, приказал вместе со всеми вечером уйти, а потом вернуться через тайный ход.

– Подземный? – изумился Шанхаев.

Я сказал:

– Владелец банка «Крос» в разговоре со мной подтвердил: да, есть такой ход. В банке есть подземная стоянка, маленькая, только для наивысшего руководства и для вип-клиентов, которых лично управляющий обслуживает. Эти люди приезжают исключительно после закрытия банка, загоняют машину в бокс, из которого есть вход в служебные помещения. Даже те, кто в вип-отделе обслуживается, ничего об этом проходе не знают. Им пользуются всего несколько человек. Лестница из минус первого этажа ведет прямо в приемную Григорьевой, дверь скрыта за шкафом, он на рельсах, отодвигается. Вип-клиент напрямую звонит своему менеджеру. Это не обычные служащие, а высокопоставленные сотрудники, их всего двое: Григорьева и Маслов. Стелла всегда занималась такими вип-клиентами. Маслов был для подстраховки. Ну вдруг девушка заболит. Его почти не привлекали к обслуживанию. Раз в пару лет.

– Но мужа в последнее время часто дергали по вечерам, он хватал ключи и ехал в банк, – возразила Оксана.

Ирина расхохоталась:

– Дорогая! Ваша наивность поразительна. Игорь мчался ко мне. Он вас обманывал.

Оксана опустила голову.

– Значит, по словам Роберта, господин Маслов велел ему положить в якобы арендованную им ячейку конверт? – уточнил я.

– Да, – подтвердила Эмма.

– А как же секьюрити? – опять удивился Шанхаев. – Они небось ночью просматривают помещения банка. Охрана могла увидеть постороннего, поднять шум.

Госпожа Шмидт прижала руки к груди:

– Банк требует от сотрудников не обсуждать служебные дела дома. Да Роб и не делал этого. А мне, честно говоря, совсем не интересна жизнь «Кроса». Но если супруга что-то очень нервировало, он мне непременно сообщал. Я кое-что знала о его делах и о климате в «Кросе». Ситуацию с квартирой муж мне, конечно, объяснил. А когда под утро домой приехал, рассказал про тайный ход. Роб был шокирован. Маслов дал ему ключи, сказал, что такие вручили только ему, Стелле и паре клиентов, объяснил,

как ими пользоваться. Инструкция была такова. Муж подъезжает к гаражу, там камер нет. И в самом паркинге тоже. Очутившись на стоянке, Роб открыл ключом шкаф с надписью «Аварийный. Пожарный». Там есть кнопка, при нажатии на нее все видеонаблюдение в помещениях, где будет находиться вип-гость, разом отключается. На экранах секьюрити появляется оповещение: «Служебная необходимость». Охрана знает, что в этом случае не стоит волноваться. «Ослепли» камеры по распоряжению высшего руководства. Роб прошел в вип-зал, поместил куда велено пакет и проделал обратный путь. Потом он поехал в Подмоскovie, куда велел Маслов.

Эмма выдохнула:

– Вот! Я только что вспомнила. Честное слово! Только сейчас. Вы мне верите?

– Нет, – резко ответил Никита. – Госпожа Шмидт, вы не страдаете амнезией. Не болеете Альцгеймером. Вам не сто лет, когда у человека происходят необратимые изменения в мозгу. В момент стресса вы могли забыть позвонить подруге, чтобы поздравить ее с днем рождения. Или налить в чайник воды, не включить его и ждать, когда она вскипит. Но я категорически не верю в то, что из вашей головы вымело рассказ Роберта о той ночи. Вы просто молчали! Почему?

Эмма опустила голову. Я увидел, что ее волосы собраны в «хвост» с помощью детской розовой резинки, почувствовал жалость к ней и предположил:

– Вы боялись подвести Роберта?

Эмма молча кивнула.

– Муж просил вас никому никогда не рассказывать о той ночи?

Госпожа Шмидт зашептала:

– Вечером накануне ареста супруг поехал к Маслову домой. Рассказал ему, что все плохо складывается, его подозревают в организации взрыва. Следователь в разговоре бросил: «Маслов утверждает, что не было конкурса». Игорь Кириллович ответил: «Не ведись на провокации полицейских. Врет мужик. Со мной никто не разговаривал. Стой на своем. Естественно, я на допросе все подтверждаю. Но! Роберт, ни в коем случае не проговорись, что я тебя в вип-зал отправлял и как ты туда попал. Как только правду расскажешь, лишишься работы, потому что тайный ход – это секрет. И квартиру потеряешь, деньги еще тобой не выплачены. Молчи. Зашей рот». Роб испугался, что мы всего лишимся, и попросил меня... никому... никогда...

Шмидт затряслась в ознобе.

– Следователь не задавал вопросов о том, как Роберт попал в зал вип-ячеек? – уточнил я.

– Поинтересовался, – прошептала Эмма. – Я ответила: ничего не знаю о его служебных делах. Он отстал.

– Нам сейчас вы рассказали правду, потому что поняли: мы не верим в виновность вашего мужа, стрелка подозрений указывает на Маслова? – предположил Никита.

Снова кивок, потом Эмма заплакала.

– Простите, простите, простите. Надо было сразу... все... объяснить. Иван Павлович, Семен Занавесин, владелец бутика, где я работаю, сказал, что вы очень хороший человек. Но я все равно опасалась. Вдруг информация, которой я владею, погубит Роба? А сейчас я поверила вам окончательно. И вы мне поверьте. В банке есть тайный ход! Только я не знаю, кого попросить это подтвердить.

Я посмотрел на мужчину, который молча сидел в кресле:

– Феликс Михайлович, вы генеральный директор банка «Крос», почему молчите?

– Просто слушаю, – сухо ответил Феликс, – меня ни о чем пока не спрашивали.

– Эмма говорит правду? – поинтересовался я.

– О чем? – задал свой вопрос гендиректор.

– Тайный ход в банк и в зал ячеек существует? – осведомился Никита.

Феликс кивнул:

– Да. Мы рады каждому клиенту. Персонал безукоризненно вежлив как с тем, у кого две тысячи рублей на счете, так и с тем, кто хранит сотни миллионов. Для каждой группы клиентов есть своя система привилегий. С ней можно ознакомиться на нашем сайте.

– Там нет ни слова о тайном ходе в банк, – усмехнулся я.

Директор не стал спорить:

– Верно. Есть несколько вип-клиентов, чьи имена я не назову, даже если вы покажете мне ордер прокурора. Да. Они могут войти и выйти келейно. Не только в «Кросе» такую услугу оказывают. Мы опирались на мировую практику. Но! На моей памяти ночным сервисом за много лет воспользовались лишь трое клиентов. Остальные звонят мне лично в любое время дня и ночи, заказывают суммы, я организую получение денег, инкассация доставляет их куда надо. У тех троих был полный форс-мажор, они сами ночью приехали. Хороший банк никогда не спит, это наш принцип. У них были ключи. Надеюсь, вы понимаете, что тех, кто имеет право сам открыть депозитарий, отключив камеры, раз-два и обчелся. У

остальных арендаторов ячеек в вип-зоне был телефон Григорьевой. Надо человеку срочно открыть сейф? Он звонит Стелле. Той вменялось в обязанность никогда не отключать служебный мобильный. Завдепозитарием приезжала в банк в любое время, хоть в три утра, и впускала клиента. Разные обстоятельства у людей бывают. Одну нашу известную писательницу обокрали в Париже, вытащили у нее кошелек со всеми карточками. Дама позвонила мне, часы показывали в Москве десять вечера, я успокоил клиентку: «Ложитесь спать, кредитки заблокированы». Утром в восемь ей в спальню на подносе вместе с чаем, круассанами, багетом и маслом горничная принесла конверт. В нем была новая виза-карта. Как я это устроил? Не скажу.

Если Стелла уезжала в отпуск, ее замещал Маслов. Я доверял Игорю, считал его умным, интеллигентным человеком, настоящим профи, который умеет держать рот на замке. Планировал повысить его до моего первого зама, тот на пенсию вот-вот уйдет. Я поражен тем, что услышал от дамы-блогерши. Очень сочувствую Оксане Масловой. Ей следовало прийти ко мне и рассказать правду о садисте. Я бы ей помог. До сих пор шокирован разговором, который прозвучал тут в записи. Маслов производил впечатление другого человека. Да, не все клиенты знают, что высокопоставленный сотрудник ночью может открыть доступ в депозитарий. И очень мало кто владеет информацией про тайный ход. Равенство людей – миф. Неравенство существует с первой минуты рождения человека: одного бросила в помойку мать-наркоманка, другой спит в колыбельке в дорогом перинатальном центре в окружении подарков от родных.

Я посмотрел на Эмму:

– После того как Роберт положил пакет в сейф, он по приказу Маслова поехал в деревню, чтобы там спрятать какой-то сверток. Вы на самом деле забыли название села?

– Да. Я бы сказала, верю вам теперь, – пробормотала Шмидт. – Игорь Кириллович дал мужу железный, тщательно запертый чемоданчик. Роб все исполнил, домой вернулся рано утром.

– Это моя «папочка», – сказал Григорий Круглов, – я кладу бумаги в такие, многие клиенты на них помешаны. Игорь собирал документы на всех, на начальство, на коллег. Все бубнил: «Если имеешь папочку на человека, ты его хозяин. Информация важнее денег». Он хотел сначала Тела нанять, но не срослось у них.

– Тел? – повторил я. – Уже слышал это странное имя. Это кто?

Гриша дернул плечом:

– Мой конкурент.
– Григорий Валентинович, поскольку многие участники беседы с вами не знакомы, представьтесь, пожалуйста, – попросил Борис.

Круглов спокойно начал:

– Я давно занимаюсь документами, составляю родословные, биографии. Или исследую чью-то личность. Сразу предупреждаю: все законно. Зачем кого-то под лупой рассматривать? Люди не все указывают в анкетах. Ну, например, судимость. Если она снята, то гражданин чист. Имеет право об отсидке не сообщать. Серьезные работодатели всегда нанимают меня, Тела или кого-то из нас, чтобы полную инфу о кандидате собрать. Я сейчас веду речь не о ФСБ, полиции, органе, который президента обслуживает, у них свои люди есть. Имею в виду какой-нибудь банк, бизнес, частное лицо. Обращаются управляющие богатых людей, они прислугу для хозяев нанимают. Я прочесываю все возможные леса, нахожу блох в траве. Мой совет: если в подростковом возрасте у вас был привод в полицию за драку, то на собеседовании, услышав вопрос: «Имели ли вы конфликт с законом», нужно ответить предельно откровенно: «Один раз, когда учился в восьмом классе, подрался с парнями и загремел в «обезьянник». Этого опыта мне навсегда хватило, чтобы более не нарушать закон». Такой ответ вызовет доверие к вам. А вот если вы соврете: «Никогда. Я добропорядочный гражданин», то вас на службу не возьмут. Я же раскопаю правду. Не являюсь частным детективом, не бегаю по людям, не беседую с ними, пытаюсь выяснить разные тайны, просто изучаю документы. Поверьте, в них очень много интересного и все они находятся в открытом доступе.

– Вы еще работаете с Максимом Петровичем Загорским? – уточнил я. – Наташа называла вашу фамилию, говорила о визитах Круглова к ее отцу.

– Это он, – тут же заявила девушка, – я сразу его узнала, как только он в комнату вошел, поздоровалась с ним, а он сделал вид, что впервые меня видит. Смешно.

Григорий улыбнулся:

– Иван Павлович, вы, как и я, зарабатываете на клиентах. Будут ли они довольны, если вы направо-налево станете озвучивать их фамилии? Я бы и про Маслова вам ничего не сказал. Смерть заказчика не избавляет от соблюдения его тайн. Но мы с вами долго беседовали, и я решил нарушить свои принципы, приехал сюда, чтобы сказать: да, Маслов часто обращался ко мне для поиска компромата на разных людей. Да, я отыскивал требуемые сведения. Да, он интересовался семьей Шмидт, выяснял их материальное

положение, жилищные условия, чем занимается жена, сколько детей, где они учатся, есть ли темные пятна в прошлом. Что же касается слов девушки о том, что мы знакомы... Лично с Натальей я дел никогда не имел. Она не была моей клиенткой. Что же касается господина Загорского, то я уже объяснил свою позицию в отношении неразглашения имен клиентов. У меня очень большой объем работы. Интернет пестрит объявлениями тех, кто готов составить вашу родословную за очень большие деньги. Или за огромную сумму выслать вам чужое грязное белье. Но, обратившись к этим специалистам, вы лишитесь средств и получите ерунду. На рынке всего несколько настоящих профи. Лучшие из них Тел и я. Мы конкуренты. Но ни одного дурного слова о Теле сказать не могу. Мегапрофи! Обращался ли ко мне Загорский? Спросите у него. Ответить на сей вопрос имеет право лишь сам клиент. Я сделал исключение только из-за Маслова. И лишь потому, что речь идет о спасении жизни и репутации Роберта.

Глава 34

– Зачем Игорю Кирилловичу было затевать сей спектакль с Робертом? – спросил Борис, когда многие из тех, кто присутствовал в моем кабинете, покинули его. – Где мотив?

– Хороший вопрос, – вздохнул я. – Жаль, ответа на него нет.

– Возможно, он находится в том железном чемоданчике, который Маслов велел спрятать Роберту, – предположил Никита.

– Вероятно, – согласился я, – да только Эмма не помнит названия села, куда ездил муж. Тихий внутренний голос подсказывает мне, что на господина Маслова напал не уличный преступник. Его убили по какой-то не ясной нам причине. Угнанная машина, украденный кошелек и прочее – имитация ограбления.

– Войтыково, – неожиданно сказала Наташа.

– Простите, вы о чем? – удивился Никита.

– Перед тем как сегодня всех собрать, Иван Павлович несколько раз слушал записи, которые сделал во время всех своих бесед, – затараторила практикантка. – Оксана Маслова сообщила ему о своем медовом месяце. О том, как новобрачный вместо моря или какого-нибудь интересного города приволок ее в село Войтыково, где у него была дача. Женщина там измучилась: воду в ведре таскала, печь топила. Та еще развлекалочка. Я бы сразу уехала, сказала дураку: «Нравится в дерьме кайфовать? Спорить и переубеждать тебя не стану. Но сама в навозе не привыкла ковыряться». Хотите знать мое мнение?

– Говори, – велел Никита.

– Маслов – моральный садист, – начала Ната, – ему доставляло удовольствие жену мучить. Да не всякая согласится терпеть. Трудно найти бабу, которая безропотно на табуретку голый сядет. Небось она в невестах так себя вела, что жених сообразил: это прекрасный объект для издевательств – ноги о такую можно вытирать. Мерзавец решил устроить себе кайф, специально отволок новобрачную в село, в отвратительные условия. Решил сразу начать ломать жену. Оксане следовало ему вмазать. Опустишь на башку ведро! Уехать! А она покорно таскала воду из колодца. «Да, милый! Как хочешь, любимый». Тьфу! Вот дура! Жаль, мы не знаем, с кем он до Оксаны жил. Я уверена, что Маслов пытался всех своих любовниц на колени ставить, да, наверное, не всегда получалось. Оксана одна такая оказалась. Вот только смиренная покорность мало-помалу

приедается. Садисту нравится, когда жертва трепыхается, сопротивляется, рыдает, ему нужны страдания. Но человек не может постоянно мучиться. Это как соль, сначала она растворяется в стакане без следа, а потом вода насыщается, и все! С теми, кто попал в лапы морального садиста, та же петрушка. В первые годы они испытывают гамму негативных эмоций. Потом конец. Или жертва убегает, или превращается в самое несчастное существо! Вспомните, что сказала Ирина? Когда Маслов после красивого ухаживания попытался ее унижить, девушка его сразу прогнала. Пришлось искать ему другую жертву. Почему Игорь вообще решил завести другую? У него же есть беспредельно покорная Оксана. А вот потому и завел любовницу. Раствор насытился. Госпожа Маслова не спорит, не плачет, ничего не просит, выполняет любые его прихоти. Не интересно ему стало. Небось у него до Ирины и другие бабы были. Жена для него остывшая каша, но он не прочь ее по полу размазать. А все началось с медового месяца в Войтыкове.

Борис схватил мышку.

– В селе с таким названием у Маслова есть участок с домом, баней, хозпостройками. Ранее он принадлежал его матери. Незадолго до смерти она подарила сыну недвижимость. У Игоря Кирилловича много земли, прямо немеренные сотки.

– Хороший капитал, – протянул Никита.

– Только не Войтыково, – возразил мой секретарь. – Богом забытое место, газа, водопровода, электричества нет. Деревня давно скончалась, вокруг нет никаких населенных пунктов. Неподалеку был поселок Вокинск, он вырос вокруг птицефабрики. Но та давно приказала долго жить, поэтому поселок тоже тихо умер. Он давно не снабжается электроэнергией, на полустанке электрички не останавливаются, автобус туда не ходит, вокруг одни болота... Войтыково находится на десять километров севернее Вокинска. Покажите мне человека, который в такой деревне добровольно поселиться захочет? Разве что ему внушительную сумму заплатят или он по натуре отшельник. У Маслова много земли, но продать ее некому. Наталья права: «папочку» Роберт мог зарыть именно там.

– И как найти чемоданчик? – приуныла Наташа. – Ждать весны, когда земля оттает, и тогда копать? На год работы хватит!

– Есть прибор, который показывает, что под слоем почвы лежит. Такие используют археологи, грабители могил, криминалисты, попробую его напрокат взять, – пообещал Никита.

Когда и Никита ушел, я, отослав Бориса готовить ужин, сказал

Наташе:

– Вы ставите меня в тупик. С одной стороны, вы не обремененная воспитанием, безалаберная девица, не пойми зачем ворующая в магазинах. Но с другой – вы умная женщина, способная логически мыслить, и, похоже, всерьез интересуетесь психологией. Где правда? Полагаю, воровство шмоток в лавках не истинное ваше «я». Зачем вам это надо?

Дочь олигарха округлила глаза и пропищала:

– Да просто так, от скуки.

Я усмехнулся:

– У вас хорошо получается изображать дурочку. Однако нельзя быть умной и глупой одновременно.

– Почему? – возразила Ната. – Вы прорву всего знаете, а сможете ли починить автомобиль?

– Никогда, – признался я.

– И с компьютером плохо общаетесь, – усмехнулась Наташа. – У вас Борис работает за ноутбуком. Невозможно обладать всеми знаниями. Максим Петрович никого не слушает, считает себя во всем и всегда правым. Сто раз просила его: хочу стать детективом. А он талдычил: «Эта профессия не для бабы, учись на финансиста, возьму тебя к себе в центральный офис». Тоска. Бизнесом рулить не желаю. Никогда. Наркота мне не нужна. Где мне отдохнуть-расслабиться? Сопру кофточку – и кайф!

– А Валерий Квакин никакого отношения к вашему хобби не имеет? – уточнил я.

Наташа прищурилась:

– Круто. Как про этого хмыря узнали?

– Редкая невеста столь ласково величает жениха, – усмехнулся я.

– Если завели этот разговор, значит, правду про Квакина выяснили, – предположила Наташа.

– Да. Он уголовник, – кивнул я. – Со всех сторон неподходящий кавалер для девушки из богатой семьи. Ни по возрасту, ни по менталитету, ни по воспитанию. Маргарита Филина, которая...

– ...прикидывается моей мамой Лизой, а в действительности ее подруга со сложной биографией, – перебила меня Наташа. – Ну? Что про нее сказать можете?

– Отлично! – воскликнул я. – Если вы знаете, кто эти люди, то почему с ними общаетесь?

– Уже объяснила, – разозлилась Наташа, – мне ску-чно! Жить тоскливо! Квакин и Филина – идиоты. Был момент, когда я на секунду поверила, что мама жива, затем поняла: это развод. Сообразила, что дураки

хотят заполучить в свои ручонки дочь Загорского. Вот и решила с ними в кошки-мышки поиграть. От скуки. Адреналин получить. Угарно с Маргаритой говорить. А Квакин вообще чума. Я их хотела друг с другом поссорить. Думала, обхохочусь тогда. Но сейчас, когда я у вас работаю, про тоску забыла. Я много чего знаю, умею. Вы меня не выгоните?

– Пока не собираюсь, – осторожно ответил я.

Наташа скрестила руки на груди:

– Даже если Максим Петрович за меня платить перестанет? Молчите? Думаете, откуда я правду узнала? Просто я подумала: заработок у вас спазматический, то густо, то пусто. Вы от клиентов зависите. Машина у вас хорошая, новая, но не шикарная. Квартира замечательная, да она вам досталась от Элеоноры, у которой вы ранее служили. И детективное агентство оттуда же, и вторые апартаменты, где вы живете. Одеты вы суперски, но не в самые брендовые шмотки. Николетта та еще штучка, мало ей мужа олигарха, так еще и у сына бабки откусывает. За фигню для гадания вы тьму денег отдали. А вашей матери, похоже, надоело прорицательницу из себя изображать. Побаловалась и бросила. Борис у вас на зарплате. А мне положили ого-го какую сумму, не стою я таких тысяч. Откуда у Ивана Павловича деньги на практикантку? Вопрос! Ответ: Максим Петрович владельца детективной конторы уговорил. Надоела я ему своими выходками. Не подросток я, чтобы меня в пансионат тюремного типа сплавить. Порчу я папашке настроение, боится он, вдруг станет героем таблоидов: «Дочь олигарха тырит шмотье в дерьмовых торговых центрах». Достала я его! Придавила. Вот он и подумал: «Не хочет дочурка финансами заниматься? Хрен с ней. Договорюсь в какой-нибудь конторе, пусть возьмут ее пятым помощником сотого сыщика, раз уж ей так хочется». Перед тем как я к вам впервые в офис поехала, отец мне лекцию прочитал. Любит он с трибуны вещать. Смысл зажигательной речи: «Имей в виду, нигде не потерпят детектива-вора. До сих пор тебе везло, торговые работники были лояльны к дурочке, мне звонили, счета в десятикратном размере выставляли, и адыю. Но так без конца длиться не может. Стянешь что-нибудь в лавчонке, а тамошний управляющий богатых ненавидит, аристократов убить готов. Услышит мою фамилию и полицию вызовет. Конечно, я адвоката лучшего найму, отобью тебя у правосудия, получишь условный срок. Но попрощаешься со своей мечтой работать сыщиком. Замаранных туда не берут».

Я молча слушал хитрую блондинку. Судя по количеству мешков с золотом, которые зарабатывает Максим Петрович, он весьма удачлив в своем бизнесе. Но он не знает, что среди частных детективов, имеющих

хорошую репутацию, есть несколько бывших уголовников, и никого это не смущает. Чтобы поймать преступника, охотник должен думать, как он, а нарушитель закона должен размышлять, как сотрудник полиции, тогда он, возможно, не попадется. Следователи и преступники похожи по психотипу, и тем и другим присущи авантюризм, артистизм, ум, способность не теряться в стрессовой ситуации, талант к виртуозному вранью. Просто в какой-то момент жизни одни пошли по дороге направо, другие налево, и вот уже они на разных берегах. Иногда водная артерия пересекается кем-то из этих двоих, тогда мы имеем полицейского-оборотня или уголовника, который превратился в частного детектива. А Максим Петрович из другого мира, там подобного не случается.

– Я Загорского перестала уламывать, – говорила тем временем девица, – просто перла шмотки. Тупо.

Я хлопнул пару раз в ладони:

– Bravo. Не у каждой женщины хватает ума понять: представителя сильного пола не надо упрашивать, упаси бог требовать чего-то, закатывать скандалы. Надо сделать так, чтобы муж или отец сам поступил, как вам хочется. Создать иллюзию принятого им самим решения. Магазиновые кражи сподвигли Загорского отправить вас в детективное агентство. Хочется дочери попробовать ремесло сыщика? Глупость невероятная, но пусть! Долго она все равно не выдержит, но хоть вещи красть перестанет.

Наташа тоже заплодировала:

– Bravo. Вы это поняли. Загорский нет. Не гоните меня. Я много чего умею! Еще на машинке строчить, крестиком вышивать!

– Рукоделие – хорошее занятие, – согласился я.

– Иван Павлович, вы иногда самых простых вещей не знаете, – укорила меня Наташа. – Я процитировала слова героя одного из культовых мультфильмов.

– Не смотрю анимацию, – признался я.

– Вот поэтому вам надо меня при себе оставить, – подпрыгнула на стуле Наташа, – в голове у меня много такого, о чем вы понятия не имеете. Разбираетесь в косметике? Женском белье? Можете какие-то его марки назвать?

Я напрягся.

– «Агент Провокатор».

– Ваши любовницы ни в чем себе не отказывают, – восхитилась девица, – но широкие массы на него лишь облизываются и другое покупают. Я ваш гид в чаще женских интересов. Вам без меня ну никак.

– Не скрою, первое впечатление от вас у меня сложилось резко

негативное. Но сейчас я отдаю должное вашей сообразительности и актерскому дару. Желание выставить вас за дверь все реже дает о себе знать, – признался я.

– Я постараюсь, и оно вообще заткнется, – пообещала Наташа.

Глава 35

– Там что-то есть! – сказал Никита, глядя на экран.

– Где? – любопытствовал я, стараясь не дрожать от холода.

Ветров показал прибор, здорово напоминающий газонокосилку. Мы с Наташей приблизили головы к экрану и чуть не столкнулись. Девушка всмотрелась в монитор:

– На коробку мало похоже.

– Скорее на... не пойму на что, – признался я. – Какие-то палки, что-то круглое.

– Скелет, – сказал парень, который управлял «газонокосилкой».

– Да ладно, – не поверила Наташа. – Миша, вы уверены?

Михаил стал водить пальцем над экраном:

– Череп, тазовые кости, а это что? Ух ты! Цепь! Она прикреплена к ошейнику.

– Да ладно, – повторила Ната. – А-а-а! Вы нашли дворовую собаку. Вернее то, что от нее осталось. Жила в будке, а когда умерла, ее похоронили.

– В ошейнике и с цепью? – спросил Борис. – Зачем сии, с позволения сказать, аксессуары земле предавать? Они в хозяйстве пригодиться могут.

– Там человек, – прервал дискуссию Михаил. – В смысле, труп. То есть уже кости.

Парень направился к микроавтобусу.

– Вы куда? – спросила Наташа.

– За инструментами, – бросил на ходу Миша. – Сейчас положу на землю то, что мой босс называет «грелкой», минут через пятнадцать подключу автолопату, и вырою находку.

– Автолопата! – восхитился я. – Чего только теперь у нас нет!

– Ума, – вздохнул Борис. – Его многим не хватает, а электронный мозг дуракам пока вживлять не научились.

– Это впереди, – оптимистично пообещал я. – Лет через десять чашка с кофе сама из кухни бегать будет.

– Фу, – поморщилась Наташа, наблюдая, как Михаил суетится на участке земли, – катастрофа. Сидишь спокойно, и тут возникает кружка с воплем: «Пей немедленно».

– Посидите пока в машине, – предложил Миша. – Вы оделись, как дети, посинели уже. Надо было, как я, нарядиться в армейский тулуп,

валенки, ушанку.

– Где мне прикид такой найти? – справедливо заметила Ната. – Подобный ужас я не держу в гардеробной.

– Вот и мерзни теперь в модном полупердоне, – не остался в долгу Михаил.

Я взял Наташу под руку:

– Мне нравится идея провести немного времени в тепле.

Минут через двадцать с улицы раздался крик:

– Готово!

Мы вернулись на место раскопок.

– Кости, – поежилась Ната.

– Женщины, – уточнил Никита.

– И как вы это определили? – поинтересовалась Наташа.

– От нашего патологоанатома ума набрался, – признался Ветров. – Тазовая часть подсказала.

Михаил протянул мне ошейник:

– Видите? Буквы.

Я напряг зрение.

– Точно. Сначала мне показалось, что это заклепки.

– Кто-то постарался, – прошептала Наташа, – сделал железный обруч для шеи. Не кожаный, не тряпочный. Наверное, жутко больно такой носить. Ой, какая к нему цепь тяжелая приделана! – испугалась она. – Женщина сидела на привязи?

– Возможно, – пробормотал я.

– Вы пока осматривайте захоронение, а я пойду чемоданчик искать, – предложил Михаил.

– Кто эта несчастная? – спросил Никита.

– Понятия не имею, – вздохнул я.

– Пойду отправлю сообщение своей бригаде, пусть едут за останками, – решил Михаил. – Войтыково к Москве не относится, но полагаю, местные сыскари не обидятся, что у них жертву забирают. Им хлопот меньше.

– Здесь ни мобильной связи нет, ни Интернета, – напомнил я.

– Не первый раз очутился на необитаемом острове, – парировал Никита. – Есть спутниковая рация. И пейджер, но он тут тоже не пашет.

– Кому такое старье нужно? – удивилась Наташа. – Сейчас у всех сотовые.

– Сам удивился, – кивнул Ветров. – Мне один кадр сказал: «Если понадобится, вот номер пейджера». Я отреагировал, как Наташа: «Сейчас

у народа мобильные есть». В ответ услышал: «От них рак мозга начинается, трубку около уха держишь, излучение извилины рушит. Пейджер на поясе висит, он безвредный».

– Вы бы ему объяснили, что от него тоже идет излучение, – повеселела Ната, – мозг останется, а почки, печень и остальное ручками помашут.

Я перестал слушать беседу Никиты и Наташи. Кто эта бедная женщина, зарытая на участке Игоря Маслова? Судя по тому, что от нее остался один скелет, смерть наступила давно.

– Чемоданчик! – заорал из рации Михаил. – Я нахожусь с противоположной стороны большого дома.

Мы вышли из автобуса и поспешили на зов.

– Давай теперь я копать буду, – предложил Никита, – заодно и согреюсь. Хотя это и автолопата, ее втыкать-вынимать надо.

– Спорить не стану, – согласился парень.

– Если есть в наличии второй заступ, охотно приму участие в археологических раскопках, – сказал я.

– Сейчас притащу, – пообещал Миша и порысил к минивэну.

– Где Наташа? – спохватился я и вынул из кармана небольшую рацию, которую получил от Никиты. – Алло, алло, ответь!

– Тут я! – донеслось сквозь треск. – В маленький дом пошла, типа сарай.

– Зачем? – спросил я.

– Просто так. Из любопытства, – призналась Наташа. – Надоело в машине сидеть, пока вы копаете. Свистните, когда чемоданчик вытащите.

Где-то через час я опять вызвал Нату:

– Вытащили, идите скорей.

– Ща, – прокряхтела девушка, – только вылезу.

Когда она присоединилась к нам, Никита осторожно поковырял в замке чемодана отмычкой, поднял крышку...

– Пусто! – подскочила Наташа. – Зачем Маслов велел похоронить пустой кейс?

– Очередной шаг для подставы Роберта, – вздохнул Никита. – Игорь Кириллович хотел, чтобы клерк вернулся домой рано утром. Он рассчитывал, что кто-то из соседей увидит во дворе Шмидта, потом засвидетельствует, что тот в своей квартире не ночевал. Роберт – примерный семьянин. Любовницы у него нет. Каждый вечер спешит домой. Он не из тех, кто гуляет до рассвета и возвращается пьяным. За все годы работы в «Кросе» он ни разу в банке не задержался. И как его где-то на ночь задержать? А на тебе чемоданчик, зарой его. А еще Маслову

требовалось, чтобы следователь не поверил рассказу Шмидта про поездку в село. Поэтому его история казалась идиотской. Клерка отправили в деревню, чтобы спрятать портфель в земле. Вот я бы что подумал? Роберт все врет. А Маслов говорит правду. Клерк спрятался на ночь в вип-зале, ограбил депозитарий, взорвал его и утром незамеченным покинул банк, повез в родную норку краденое. На службу он не явился, якобы подцепил простуду. Но потом я бы заметил массу нестыковок в показаниях Маслова, начал проверять его.

– Боронов этого не сделал! – воскликнула Наташа.

Никита развел руками:

– На пенсию спешил. Устал от службы. Обрыдло ему все. Опротивело. У некоторых полицейских бывает профессиональное выгорание, жертвы их не интересуют, волнует лишь одно: дело на полку вовремя положить. Роберту не повезло. Или головотяпство Льва Сергеевича имело иную основу. Материальную.

– Надавите на следователя, загоните его в угол. Вдруг он назовет того, кто ему взятку дал, – предложила Наташа.

Я смутился: «Иван Павлович, почему ты сам не додумался побеседовать с Бороновым? Вот уж сглупил, так сглупил».

Ветров улыбнулся:

– Молодая и горячая. Опытный Подушкин загадочно улыбается. Почему Иван Павлович не поспешил к Льву Сергеевичу? Да потому, что хотел с ним поговорить в тот же день, когда взялся Эмме помогать. Навел справки и выяснил: Боронов сразу после того, как Роберт попал в больницу, срочно сдал свою квартиру и свалил на Гоа. Пойди найди его там, лежит сейчас на берегу океана. Пенсионер! Ведь так? – Никита посмотрел на меня.

– Вы правы, – соврал я, испытывая неудобство.

Наташа округлила глаза:

– Роберта подставили. Зачем тогда организовали его тайный поход в депозитарий? Следовало клерка открыто туда направить. Было бы видео у охраны, которое подтвердило бы: Шмидт входил в банк в ночное время. Значит, он ждал момента, чтобы взрыв устроить.

– Так секьюрити мигом задержали бы Шмидта, взрыва не произошло бы, – пояснил я. – Игорь Кириллович составил весьма коварный план. Шмидт ушел, потом вернулся через тайный ход, незаметно проник в вип-зону депозитария, положил пакет в сейф. Потом все тем же путем покинул хранилище, уехал в деревню, чтобы зарыть пустой чемоданчик. Домой он вернулся под утро. В подъезде столкнулся с консьержкой, которая только-

только явилась на работу и удивилась, что Роберт где-то всю ночь шлялся. Игорь Кириллович рассчитывал, что кто-то из жильцов дома заметит рано утром клерка во дворе, да и жена его по простоте душевной могла сообщить, что муж не ночевал дома. И надежды Маслова оправдались: Шмидту попалась на дороге консьержка. На следующий день Роберт заболел. Вот его простуду Маслов никак спрогнозировать не мог, но она прилась весьма кстати. Следователь решил, что Шмидт боится идти в банк, надеется, что его не вызовут для разговора о взрыве. Но только...

Я замялся.

– Что? – спросила Наташа.

– У меня нет сомнений, что автор пьесы – господин Маслов, – вздохнул я. – Ну зачем ему взрывать депозитарий? Мотива не понимаю!

– Может, он хотел от Роберта избавиться! – предположила Наташа.

– Зачем? – протянул Никита. – Опять не ясен мотив. К чему такие сложности? Маслов мог просто выгнать его с работы, придраться к чему-нибудь и... пошел вон! Это ж как надо ненавидеть Шмидта, чтобы его под тюрьму подставить. Что Роб ему сделал?

– Пока вы думаете, пойдемте покажу, что я нашла, – предложила Наташа. – Теперь я знаю, что скелет в земле – жена Игоря Кирилловича.

– Оксана жива-здоровая, – возразил Борис.

– Пошли, сами увидите, – велела наша практикантка.

Глава 36

– Не спрашивайте, почему я полезла смотреть развалюху внутри, – частила Наташа, входя в небольшой домик. – В уши будто кто-то шепнул: «Топай в сараюшку». Осторожней, не споткнитесь.

– Смахивает на мастерскую и одновременно на склад всякого барахла, – заметил Никита. – Прямо как у моего деда пейзаж. Старик все своими руками чинил, деревенская рачительность не позволяла ему даже битую посуду выкинуть. Дедуля ее хранил, чтобы потом, когда время найдет, склеить. Я в детстве обожал у него в сарае рыться, откапывал там настоящие сокровища для ребенка. У Федора Тимофеевича там еще погреб был, обстоятельно сделанный, стены бетонные. Бабушка банки в нем держала.

– И здесь такой оборудован, – засуетилась Ната, – я случайно его обнаружила, зацепилась за что-то ногой, упала, посмотрела, почему шлепнулась. Вижу, кольцо из пола торчит, потянула за него...

Наташа наклонилась и легко подняла крышку погреба:

– Сезам, откройся.

– Темно, однако, – заметил Борис.

– У меня в машине есть фонари, сейчас притащу, – пообещал Миша.

Наташа вынула айфон.

– А я обошлась тем, что в телефон встроен, ярко светит. Полезли.

Через пару секунд мы все очутились в сыром холодном подполе. Потолок в нем был таким низким, что даже Наташе пришлось нагнуться, а я так вообще решил встать на четвереньки.

– Одеяло на полу, – пробормотал Никита, – миска алюминиевая, ведро цинковое...

По моей спине пробежал озноб.

– В стене кольцо... Это тюремная камера!

– Да! – выкрикнула Наташа и направила свет айфона влево. – Смотрите!

– А вот и прожектор, – сказал за моей спиной Миша.

Я на секунду зажмурился от яркого света, потом осторожно приоткрыл глаза.

– Здесь дата, – произнес Борис, – и текст. Его чем-то нацарапали.

– Гвоздем, – уточнила Наташа. – Он под одеялом спрятан, я трясла этот ватный ужас. Думала, вдруг там чего лежит. Жертва сначала стену

проковыривала, потом в проделанные бороздки втирала белую крошку. Вон там лежит булыжник, не знаю, зачем он с одного края будто обгрызен.

– Это гнет для капусты, – пояснил Никита. – Его в деревнях из белых камней делали, думали, они чище. У моей бабушки и ее соседок такие же были.

– «Муж Игорь Кириллович Маслов меня здесь запер. Анна Филькина», – прочел секретарь.

– Черточки на стене, – заметил Никита, – она дни отмечала.

Меня затопила жалость:

– Бедняга, она тут, похоже, долго сидела!

– На стене дневник вела, – пробормотал Никита, делая фото, – с ума сойти можно.

– «Хотела бежать. Смогла дойти до комнаты. Деньги искать. Там другая в кровати. Предупредила ее. Глеб поймал. Надел ошейник. Посадил на цепь», – читал Борис. – Это примерно через год после первой записи.

– Помню рассказ Оксаны о медовом месяце, – воскликнул я. – К ней в спальню пришло, как она с перепугу подумала, привидение. Старуха, которая велела ей бежать как можно быстрее и дальше от Маслова. Так это была Анна! Бедняга хотела спасти женщину от садиста. Пожилой несчастная выглядела из-за недоедания, отсутствия элементарных удобств. Услышав о визите «фантома», Игорь прервал отдых, супруги уехали. А Филькину поймали, посадили на цепь. Наверное, это был Глеб – мужчина, который охранял дачу!

– Ее заморили голодом, – мрачно сказал Борис. – Слушайте: «Отняли лампу. Нет воды. Нет еды!», «Помогите, пищу на ощупь», «Помогите», «Я Аня Филькина, меня убил муж Игорь Кириллович Маслов». Строчки корявые, но разобрать можно.

Наташа пришла в ужас:

– Она умерла одна, в темноте, без еды, без воды. А потом ее похоронили прямо в ошейнике! Почему люди такое вытворяют? За что?

Я молча вылез из подвала. Нет у меня ответа на этот вопрос. Следом за мной из подпола выбрался Михаил.

– Сгруппил Маслов. Отправил Роберта на свой участок пустой чемоданчик зарыть. А вдруг Шмидт на скелет наткнулся бы? Или кто другой его нашел бы? Сарай в целости! Почему Маслов подвал не уничтожил? Все в нем оставил? Кольцо в стене, одеяло, ведро, миску. Это же улики!

Я молча пошел к машине, слушая, как Никита отвечает парню:

– Игорь знал, что место глухое, никто сюда не сунется. И небось он

четко указал клерку, где чемодан зарыть. Маслов не подозревал, что спустя много лет кто-то окажется в Войтыкове со сканером и случайно наткнется на могилу. Или, может, он думал, что за много лет от тела ничего не осталось. Кое-кто считает, что спустя пару лет после похорон труп полностью сгниет. Ан нет. Спустя долгие годы можно скелет найти. А насчет улик... Миша, то, что мы в подвале нашли, уликами не является. Любой адвокат заявит, что ведро и все прочее просто хлам. Кольцо в стене предназначено для каких-то хознужд. Надписи... Так доказать надо, что их Филькина нацарапала. Может, дети играли.

– Но скелет же нашли! – возмутилась Наташа. – Все ясно!

– Ясно, – кивнул Никита. – Но суд слова «все ясно» в расчет не принимает. Покажите улики. Докажите, что скелет принадлежит Филькиной, что это она в подвале содержалась. Анализ ДНК, например. Но даже обнаружив биологическую жидкость, с чем ее сравнить?

– Всем же понятно, что ее убили, – повторила Наташа. – Какие доказательства? Это нечестно!

– Закон суров, но это закон, – вздохнул Никита. – Если Маслова можно осудить, сказав: «Все ясно», то и с тобой, Наташа, можно потом так же поступить. Ты не виновна, а судья скажет: «Все ясно». Хочешь, чтобы в отношении тебя соблюдали закон? Сама его соблюдай.

Когда мы очутились на шоссе, которое вело в столицу, Борис открыл ноутбук и минут через десять сказал:

– Анна Филькина, двадцать один год, пропала без вести, спустя положенный срок была объявлена умершей. Ее искала мать, Елена Михайловна, которая умерла несколько лет назад. Других родственников нет. В заявлении мать указала, что ее дочь познакомилась с парнем, ушла из дома, жила с любовником. Девушка мать с ним не знакомила, имени того, кого называла супругом, не упоминала. Елена Михайловна беспокоилась, потому что Аня стала быстро меняться. Короткие юбки сменила на длинные платья, перестала краситься, посещать парикмахерскую. В родную квартиру даже на пять минут заглянуть отказывалась, с мамой виделась на ходу, говорила: «Муж хочет, чтобы я только его любила». Елена Михайловна заподозрила, что Аня попала в сети какой-то секты. Потом дочка пропала. Филькина считала, что любовник Ани сотворил с ней что-то нехорошее, бросилась в милицию, умоляла найти его. Но Елена не могла назвать его имя, фамилию, отчество, адрес, место работы. Мать никогда не видела любовника дочери, составить его портрет она не могла. Старшая Филькина не имела ни малейшей информации о том, в кого влюбилась ее дочь.

– Может, вот он, мотив взрыва, – предположил Никита. – Кто-то выяснил правду про Филькину и шантажировал Маслова? Раздобыл какие-то документы, фото, хранил их в ячейке...

– Игорь Кириллович это узнал и решил уничтожить содержимое сейфа, свалив вину на Роберта, – перебила его Наташа. – Но почему он тогда не поехал в Войтыково, чтобы уничтожить сарай? Убрать из подвала улики? Стереть надписи на стенах?

В моем кармане зазвонил телефон, я вынул трубку и услышал:

– Иван Павлович, Круглов беспокоит.

– Простите, кто? – не понял я.

– Гриша, историк, с папочками, – уточнил мужчина.

– Добрый день, не узнал вас. Чем могу помочь?

– Думаю, я вам могу услугу оказать. Разговор не по мобильному. Строго конфиденциальный. Давайте встретимся. Чем быстрее, тем лучше.

– Хорошо, – согласился я. – Надеюсь к восьми вечера быть в Москве. Если это для вас не поздно, подъезжайте.

Глава 37

– Это не мой секрет, – сказал Гриша, устраиваясь в кресле. – Вы знаете, я зарабатываю тем, что роюсь по заказу в документах. Если начну про чужие тайны трепаться, лишусь клиентов.

– У вас безупречная репутация, – заметил Борис.

Григория не смутили его слова.

– Да. Она заслужена годами упорной работы. У меня хорошие дружеские связи во всех архивах Москвы, Питера, я поддерживаю добрые отношения с людьми из регионов, могу откопать что пожелаете, это не хвастовство, а факт. На ниве поиска документов лучше меня только Тел. Признаю, некоторое время назад я ему в личку кинул сообщение: «Круглов беспокоит. Подскажите, где можно найти запись о крещении младенца Порфирия Красавкина, предка телеведущего Красавкина. Звезда уверяет, что того крестили в храме на Большой Ордынке. На этой улице несколько церквей, я порылся во всех в документах. Ничего не нашел!» Мы не были знакомы, до того дня никогда не беседовали. Но я о Теле слышал, надеялся, что и он обо мне знает. Ответ прилетел быстро: «Порфирия Евгеньевича не окунали в купель». Я поразился: «В царской России новорожденных всегда крестили». «Не обязательно, – сообщил Тел, – при царе-батюшке евреям не сладко жилось. Сами знаете про черту оседлости^[11]. Поэтому кое-кто из народа Израилева лукавил, прикидывался православным».

«При чем здесь иудеи? – удивился я. – Красавкины русские».

В ответ прилетело письмо:

«Воспользовавшись неразберихой из-за большевистского переворота тысяча девятьсот семнадцатого года, прадед актера Красман Абрам записал своего сына как Красавкина Иоанна. А себя сделал Порфирием Евгеньевичем. Младенца Ивана он крестил, о чем в церковной книге есть запись. Но сам «Порфирий», а по сути Абрам, в купели не плескался. Если глубоко копать, то актер Красавкин по крови иудей Красман. Прадедушка рассудил: сейчас есть возможность изменить национальность, неизвестно, что дальше будет, может, новая власть поголовно евреев убивать станет. Не было младенца Порфирия, существовал Абрам Красман, который врал потом и сыну Ивану, и внуку, что они Красавкины. А он сам, Порфирий, якобы в церкви на Большой Ордынке крещен».

– И откуда ты все это знаешь? – не удержался я от любопытства.

«Тебя интересует дорога к колодцу или водички испить охота? –

написал Тел. – Дарю инфу. Бесплатно. Если хочешь, расскажи лицедею. Вот тебе адрес, где мое ведро наполнилось».

Григорий почесал подбородок.

– С того дня мы с Телом стали поддерживать отношения. Типа дружба. Никогда не встречались. Переписывались, ничего не зная о собеседнике. Даже его пол. Сообщения он так составлял, что не понять было, мужик или баба пишет. Возраст тоже загадка. Но я решил: это мужчина лет сорока, активный, умный, жесткий, с хорошим образованием. Как-то раз я предложил: «Может, кофейку попьем? Из нас может получиться отличная команда, будем дополнять друг друга». Примчался ответ: «Мой девиз: живи один, навряд ли перед смертью попить захочется, но на всякий случай кулер у койки поставлю. Ты крут. Но я одиночка». Несмотря на то что он меня отшил, переписка наша продолжалась. Однажды поздно вечером мы обсуждали, как легче раздобыть один документ, вдруг Тел замолчал, минут через пятнадцать причапала весточка: «Убегаю. Срочно. Позвонили. У клиента форс-мажор. Мне с тобой посоветоваться надо. Получишь письмо. В целях безопасности не онлайн. С курьером. Завтра вечером он его доставит. Ни в коем случае не вскрывай, пока не позвоню. Вдруг проблема сама решится». На следующий день вечером и правда приехал курьер. Я, естественно, конверт не тронул. Через сутки написал: «Тел, как дела?» Нет ответа. Сбросил еще одно письмо. Молчание. Тишина. Тревожно мне стало. Через двадцать четыре часа я совсем занервничал. Залез на сайт, где Тел клиентов приглашает, сообразил, что хозяина на нем нет с того момента, когда он к какому-то клиенту во время нашей переписки умчался, и запаниковал. Наверное, с моим другом что-то нехорошее случилось. Обычно он на сайте много раз за сутки появлялся, там же его заказчики. Я извелся весь. А сегодня решил: все! Тел как сквозь землю провалился, на почту не отвечает, на сайт не выходит. Я честный человек, раз предупредили, чтобы до особого разрешения конверт не трогал, то не прикоснусь к посланию, даже если оно мне адресовано! Но речь, возможно, идет о жизни Тела. Ну и уговорил себя, вскрыл конверт. Вот! Изучайте. Похоже, письмо прямо для вас. И я, увы, оказался прав. Большая беда с Телом приключилась. Вслух читайте, пусть и Борис послушает.

Прочитав письмо, мы с секретарем некоторое время молчали, первым нарушил паузу Борис:

– Вот вам и сапоги всмятку, как говаривал один из моих хозяев.

– Неожиданный поворот событий, – согласился я, – с самого начала мы понеслись не в ту сторону. Нам надо поговорить с Загорским.

– Ага, а он скажет: «Мало ли кто чего придумывает». Мы никак не

можем Максима Петровича с Телом связать.

Я показал пальцем на экран:

– А как же это!

– Это ничего не значит, – влез в беседу Гриша, – в документах-то другие сведения. Развод по какой причине случился? То-то и оно!

– Стоп! – обрадовался я. – Гриша, вы упомянули, что Тел сбросил сообщение перед тем, как прервать переписку. Можете его процитировать дословно?

– Конечно, оно есть в почте, – кивнул Григорий, открывая айпад, – секундочку. «Убегаю. Срочно. Позвонили...»

– Хватит, – остановил я историка. – Позвонили! Кто вызвал Тела? Мы знаем теперь, куда он поехал, и если сейчас выясним номер...

Я взял телефон:

– Никита, слушай! Есть информация о Шмидте, которая все меняет.

Глава 38

На следующий день в районе полудня мы с Никитой, Борисом, Наташей и Гришей сидели у меня в столовой.

– Совсем ничего? – разочарованно спросил я. – Вообще?

– У Тела нет никаких звонков начиная с шести вечера. Ни в ватсапе, ни в вайбере, ни эсэмэсок, ни в инстаграме, ни в личке всех аккаунтов в соцсетях. В почте только переписка с Григорием, – доложил Ветров.

– Но в письме написано «Позвонили», – упорствовал я.

– Просто так накропано, – вздохнул Гриша.

– Просто так можно сболтнуть, – возразил я. – Зачем в письме указывать? Как еще можно позвонить?

– Телефон, ватсап, вайбер, – перечислил Борис, – фейс-тайм, скайп.

– Там ничего нет, – повторил Никита.

И тут раздалось тихое попискивание.

Борис встал.

– Ох, простите, духовка завершила работу. Сейчас угощу вас кулебякой с капустой.

– Отлично, – обрадовался Ветров.

Снова донеслось «пи-пи-пи».

– Пейджер! – воскликнула Наташа. – Услышала этот звук и вспомнила...

– Пейджер? – повторил Никита. – Сто лет о нем не слышал.

– У моего приятеля он есть, – продолжала девушка. – Петя работает в большой гостинице. Какой-то техникой занимается, на службе ему пейджер выдали. Мобильные у них запрещены, чтобы персонал постояльцев не фотографировал, там звезды часто останавливаются.

– Пейджер, – тоже сказал я. – Кто-то мне недавно говорил, не помню кто, что ими еще пользуются. Давайте проверим!

– В больницах у врачей они точно есть, – пробормотал Борис.

– Недавно я ехал в маршрутке, так у водителя так же пищало, – вспомнил Гриша. – Люди давно на сотовые перешли, но кому-то и старый вид связи нужен.

– Сейчас выясню, – пообещал Ветров. – Боря, где пирог?

Мой помощник принес кулебяку. Мы начали пить чай и есть пирог. Когда на блюде остались одни крошки, телефон следователя мелодично запел.

– Ага! Наташа молоток, – похвалил девушку Никита, – угадала. Пейджер! Вот что Телу пришло. А вот на кого зарегистрирован номер, с которого отправили послание.

– Столько хитростей придумать и записать на себя контакт, – покачал головой Боря, – глупо.

– Наверное, преступник думал, что все давным-давно про этот вид связи забыли, – предположил я. – Согласен, не самый умный поступок, но иногда человек, который тщательно продумал многоходовую комбинацию, совершает удивительную глупость. В Америке безуспешно ловили банду грабителей банков. Преступники снискали славу крутых профессионалов. Идеальная разведка до операции, точно выбранные время и место. Молниеносный захват денег и отступление. Никаких человеческих жертв. На совершение самого грабежа у банды уходило четыре минуты. Если кассир нажимал тревожную кнопку, то полиция просто не успевала приехать. И как их взяли? Один из преступников через день после налета пришел класть часть украденных денег в банк, который только что опустошил. Он там держал свои заначки. Кассир узнал купюры. Дальше можно не объяснять^[12].

– Ну нет, так никто не поступит, – рассмеялся Никита.

– И тем не менее это имело место быть, – не сдался я.

Борис посмотрел на часы.

– Мы сейчас уедем, – решил Никита. – Ваня, думаю, с новым фигурантом надо побеседовать через пару дней, предварительно раздобыв разные сведения.

– Конечно, – согласился я.

Ветров и Гриша ушли, мы остались втроем.

– Хотите еще кулебяки? – спросил Борис.

– Мяу-мяу, – пропел кот.

– Нет, тебе точно не достанется, – улыбнулся мой секретарь, – коты не едят капустники.

– Похоже, у него другое мнение, – засмеялся я.

Наташа вдруг вскочила:

– Пейджер! На кого он зарегистрирован? А? На чью фамилию? Вы же ее назвали! Вслух!

В столовой стало совсем тихо.

– Только сейчас до меня дошло, – еле слышно произнесла девушка, – раньше не доперло. Сию минуту.

Ната выбежала за дверь.

– Бедняга, – сказал я, – неприятно оказаться на ее месте.

– Но самое неприятное, что про пейджер она догадалась, – расстроился Борис и погладил кота, который запрыгнул к нему на колени.

И тут раздался звонок в дверь, секретарь поспешил в прихожую, оттуда незамедлительно полетел недовольный голос маменьки:

– Сюда ставьте!

Раздался грохот.

– Не швыряйте! – рассердилась Николетта.

– Так держать неудобно, – прогудел незнакомый бас.

В столовую заглянул Борис.

– Иван Павлович, там...

Я встал и направился в холл.

– Надеюсь, ты приготовил место, – тут же накинута на меня маменька.

– Для чего? – спросил я.

– Ортокосметостоматодизайн, – быстро проговорила госпожа Адилье.

– Что? – спросил я.

– Я окончила курсы. Получила диплом. Сейчас придет первый клиент, – возвестила маменька. – Ну, живо, тащите все в комнату.

Последние слова относились к мужчине в белом комбинезоне.

– Куда переть-то? – спросил он.

Я взглянул на ящик.

– Ты нашла себе новое хобби?

– Получила специальность ортокосметостоматодизайнера, – объявила маменька. – Борис, времени полчаса! Николай! Эй! Ау! Парень!

Грузчик повернулся:

– Если вы меня зовете, то я Петя.

Николетта махнула рукой:

– Николай, Семен, Алексей... все равно. Хватит болтать. Работайте. Несите кресло. Но сначала ящик. В гостевую. Живо! Времени нет.

– Там гадючий салон, – напомнил Борис, – то есть гадалый.

– Уберите все немедленно, – распорядилась маменька, – выкиньте на помойку.

– Ты передумала быть предсказательницей? – уточнил я.

Маменька отмахнулась от меня, как от назойливой мухи.

– Вава! Вместо того чтобы зря сотрясать воздух, займись делом. Я созрела для получения профессии, определилась с выбором жизненного пути. Я творческая личность. Ортокосметостоматодизайн захватил меня полностью. Покажи челюсти.

– Извини? – удивился я.

– Покажи челюсти, – повторила Николетта.

Чувствуя себя полным идиотом, я оскалился.

– Катастрофа, – резюмировала Николетта.

Я повернулся к зеркалу и уставился на свои зубы.

– Регулярно хожу к дантисту, слежу, чтобы не появился кариес.

– Что ты сейчас видишь? – осведомилась маменька.

Я улыбнулся.

– Белоснежную улыбку!

– Нет! – рассердилась Николетта. – Оскал деревенского деда, который не в курсе новинок фэшндантизма.

Борис начал медленно отступать в коридор.

– Фэшндантизма, – повторил я. – Вас ист дас?

Только полным изумлением можно объяснить то, что в моей памяти всплыли осколки знаний немецкого языка, по которому у школьника Подушкина всегда стояла чахлая тройка.

Маменька воздела руки к небу:

– С кем я имею дело? Вава, можно подумать, что ты обитаешь в деревне Веселые хрюшки! Стыдно! Фэшндантизм – новое слово в зубах! А я лучший специалист по ортокосметостоматодизайну. У меня документ! Вот. Полюбуйся!

Маменька открыла папку, которую, войдя в холл, положила на консоль, и сунула мне ее под нос:

– Изучи.

Я увидел лист глянцевой бумаги, на котором красной краской напечатали «Диплом». Ниже шел текст: «Выдан госпоже Николетте д’Адилье, окончившей с отличием курс фешндантизма. Специализация ортокосметостоматодизайн. С правом обучения студентов. Институт фешндантизма при академии «Красота и здоровье» профессора Галкина».

– И когда ты успела посещать занятия? – поразился я.

– Не скрою, трудно занятому человеку выкроить время для получения второго высшего образования, – завела маменька.

Я попытался сохранить серьезное выражение лица. Чтобы получить второе высшее образование, надо для начала иметь первое.

– Но когда речь идет о наконец-то выбранном деле жизни, – продолжала Николетта, – перестанешь спать и после тяжелого трудового дня кинешься к роднику знаний.

Глава 39

Я сцепил зубы, чтобы не расхохотаться. Маменька никогда не работала. Ну, в далекой юности, лет эдак... Хм, не стану называть ее возраст. Выйдя замуж за писателя Павла Подушкина, Николетта родила сына, то бишь меня, принялась вести домашнее хозяйство и воспитывать мальчика. Если вы полагаете, что она бегала на рынок, готовила, стирала, гладила, водила малыша в школу, то жестоко ошибаетесь. У нас служили домработница, няня, шофер. Писатели совсем неплохо жили в советские времена, они ругали на кухне коммунистические порядки, восхищались западным образом жизни, но не брезговали получать продуктовые заказы в Союзе писателей. Отдыхать литераторы ездили на море в здравницы, которые принадлежали Литфонду, пользовались ведомственной поликлиникой, приобретали дефицитные книги в лавке писателей, посещали закрытые кинопросмотры в ЦДЛ. Правда, чтобы получить все эти блага, следовало стать членом творческого союза, издавать книги, к которым у руководства КПСС не было бы претензий. Большинство из тех, кто сейчас кричит: «Я был диссидентом», именно так и поступали. Идеологи КПСС не были идиотами. В СССР пресекалось инакомыслие, но во времена моего детства и юности существовали легальные диссиденты: книгописцы, барды, которым разрешалось критиковать власть. Их было немного, и все они знали: переходить некие границы нельзя. Существовал журнал «Крокодил», который высмеивал глупых начальников, взяточников, просто дураков. Регулярно выходил киножурнал «Фитиль», который бичевал людские пороки и обнажал язвы общества. Но! Как я уже говорил, не переходя определенных границ. Те, кто сейчас громко говорит: «Да, я при Советах писал про СССР всю правду, про пьянки среди руководства комсомола, о распухлости партийцев на местах, о глупости военных», – просто лукавят. Да, писали. Но! Не переходя границ, разрешая цензорам вычеркивать из своих произведений «неправильные» куски. Эти «диссиденты» получали большие гонорары, имели дачи-квартиры-машины-пайки. Якобы презирая власть, они ели у нее с руки. Были иные авторы. Они работали в аполитичном жанре, не воспевали КПСС, но и не хаяли режим. Мой отец писал любовно-исторические романы, события в которых разворачивались в Древней Руси двенадцатого-тринадцатого веков. Поскольку никто толком не знал, что и как тогда было, Павел Иванович мог фантазировать, сколько его душе угодно. В год мой отец стабильно

выпускал две книги и получал заоблачные суммы. За большие гонорары, трудолюбие, талант и, главное, за искреннюю любовь читателей к его творениям он был стойко нелюбим коллегами, которые презрительно шептали: «Подушкин? Он не Гоголь! И не Достоевский». Отец лишь улыбался. Гоголей и Достоевских в советские времена так и не появилось. Были другие очень талантливые писатели, увы, нынче почти забытые: Катаев, Федин, Паустовский, Кассиль, поэты Щипачев и Асадов... Но они «пахали», как Подушкин, не разгибая спины, не просиживая брюки в ресторане Дома литераторов. У них почти у всех были жены-красавицы, роскошно одетые, сверкающие драгоценностями дамы, работа коих заключалась лишь в том, чтобы быть супругой писателя. Это были настоящие светские львицы, рядом с которыми те, кто сейчас так себя именует, выглядят жалко. Харизма жен писательской элиты шла впереди них. А какие скандалы они закатывали! Как пышно разводились! Каких имели любовников! Николетта занимала в этом обществе одну из лидирующих позиций.

Став вдовой, маменька ничтоже сумняшеся потребовала от меня обеспечить ей привычный образ жизни, потом ей повезло выскочить замуж за несметно богатого олигарха. Вставать в шесть утра на работу, трястись в вагоне метро ей на моей памяти не доводилось. И вот сейчас Николетта наконец-то поняла, чем она хочет заниматься в жизни. Да уж, плод созрел не сразу. Хотя, если учесть, что госпоже Адилье вот-вот исполнится... Ох, нет, лучше не упоминать цифр. Если верить паспорту маменьки, то она родилась на свет через несколько годков после того, как разрешилась сыном. По паспорту Николетта младше меня. При жизни моего отца госпожа Адилье несколько раз «молодела», но потом муж сказал ей:

– Дорогая, остановись, меня посадят за растление малолетних. Твой возраст совпадет с твоим партийным стажем.

Великая тайна маменьки, которая после перестройки стала рассказывать всем о том, какой она была диссиденткой, заключается в том, что госпожа Адилье состояла в КПСС. Нынче ее партийный билет где-то тщательно спрятан. Николетта не из тех, кто сжигал красные книжечки с профилем Ленина, она хорошо знает: власть может перемениться, билетик, вероятно, пригодится. Места он много не занимает, есть не просит, пускай себе лежит! Одна незадача – в партийных документах невозможно что-либо изменить. Поэтому Павел Иванович и напомнил ей про партийный стаж.

Выйдя замуж за Владимира, Николетта опять начала «молодеть». Она вот-вот превратится в мою внучку.

– Хозяйка, кресло куда ставить? – подал голос рабочий.

– Борис! Укажи человеку дорогу, но сначала подай мне кофе, – распорядилась Николетта.

Раздался гудок домофона.

– Клиент, – засуетилась маменька. – Вава! Скорей хватай ящик, разложи все на столе. Красиво. Со вкусом, не абы как! Я же фэшндантист! Борис! Размести кресло. Ать, два, все побежали. О-о-о! Здравствуйте, милая! Рада встрече. Да! Вижу, вижу. Ваши зубки не особо фэшн. Такие уже лет... э... несколько никто не носит. Пока мои помощники обрабатывают антисептиком кабинет после сегодняшнего сотового посетителя, предлагаю сесть в зале приемов и обсудить ортодизайн.

Минут через пятнадцать мы с Борисом, носясь быстрее сороконожек, ухитрились расставить, разложить все необходимое. Борис отправился за маменькой, а я, вместо того чтобы уйти, впал в состояние окаменевшей черепахи и, потеряв чувство самосохранения, почему-то остался в гостевой.

– Иван Павлович, – рывкнула Николетта, вбегая в комнату, – вы уже на месте. Отлично! Рената, не бойтесь, это медбрат.

– Добрый день, – сказала женщина лет пятидесяти. На ней сверкало обильным золотым шитьем красное платье, больше всего похожее на облачение, которое священники надевают на Пасху.

– Итак, мы выбрали прекрасный дизайн, – защебетала маменька, – садитесь.

– Куда? – спросила дама.

– В фэшнортокосметодизайнерское кресло, – объявила маменька. – Теперь замрите молча. Не дышите, не шевелитесь, вообще ничего не делайте!

Клиентка устроилась на алом сиденье, откинулась на спинку, ее платье слилось с обивкой, получился интересный эффект. Со стороны казалось, что на кресле горой лежат подушки, щедро украшенные золотым шитьем, а из них торчит голова.

– Это больно? – осведомилась Рената.

– Ни секунды, – заверила маменька.

– Вы уверены?

– Хватит молоть языком, закройте рот.

Тетка покорно выполнила приказ. «Стоматолог» порылась в каких-то бумажках на столе, подошла к Ренате и возмутилась:

– Долго будем в таком положении находиться?

Гостья только моргала.

– Эй! Вы оглохли? Онемели? – разозлилась госпожа Адилье. – Хватит

моргать, отвечайте. Рот откройте!

– Сами велели мне заткнуться и пасть не разевать, – напомнила дама.

Николетта закатила глаза:

– Надо думать! Тогда следовало молчать, а сейчас нужно говорить. Какая у меня трудная профессия! Те, кто работает с людьми, меня поймут. Откройте рот. М-да. У вас там темно.

– Где? – насторожилась тетка.

– Во рту. Сидите молча, – велела маменька, – я забыла про фонарь!

Николетта нацепила на голову обруч, в котором торчала лампочка. Вспыхнул яркий свет, тетушка зажмурилась. Маменька схватила ватный диск, намочила его жидкостью из небольшой бутылки, потом подцепила мокрый тампон пинцетом, провела им пару раз по передним зубам клиентки и строго приказала:

– Не закрывать!

– Что? – спросила Рената.

– Рот, – буркнула Николетта, – молчать.

Я с интересом наблюдал за действиями доморощенного дантиста-дизайнера. Вот открылась коробочка, из нее достали узкую цветную полоску. Николетта приложила ее к клыкам пациентки, несколько раз постучала небольшой лопаточкой по каждому и воскликнула:

– Готово.

– Ой! Совсем не больно, – обрадовалась Рената, – и быстро.

Маменька протянула ей зеркало:

– Сирена, любуйтесь.

– Я Рената, – поправила тетушка.

– После замечательно проведенного мной ортостоматокосметодизайна вам придется сменить имя на Сирену, так именовали в Древней Руси богиню женской красоты, – сообщила маменька.

Я отвернулся к окну. Интересно, из каких источников Николетта черпает поражающую насмерть информацию? Сирены – героини древнегреческих мифов, полуптицы, полуженщины. В «Одиссее» Гомер рассказывал о том, как сирены чарующими песнями заманивают к себе корабли, те плывут на звук и разбиваются об острые рифы. Сомнительно, что у наших пращуров была богиня с таким же именем.

Рената оскалила зубы.

– Матерь божья! – воскликнул Борис. – Ох, простите! Вспомнил сейчас, что забыл...

Секретарь выскочил в коридор, а я остался, потому что никак не мог оторвать взор от удивительной икебаны во рту Ренаты.

Зубы ее приобрели розовый оттенок. На верхних передних клыках чернело изображение тучных коров, на нижних – паслись то ли овцы, то ли козы. Небольшой размер рисунков не позволял подробно рассмотреть детали.

– О-о-о, – простонала пациентка, рассматривая свое отражение, – о-о-о!

– Вы сказали, что хотите выйти замуж за человека, который живет на земле. Имеет дом и хозяйство, – запела маменька, – методом ортостоматокосметодизайна можно решить любую проблему, поэтому он популярен во всем мире. Американки, немки, африканки, австралийки и прочие европейские женщины исключительно с его помощью нашли свое счастье.

Я опешил. Американки, африканки и австралийки не имеют ни малейшего отношения к Европе.

– Только улыбнитесь, – вещала Николетта, – как к вам сразу прилетит фермер, а с ним коровы и бараны на сочном лугу.

– Фермер?! – ужаснулась Рената. – Крестьянин? Ужас! Да никогда! Чтобы я копалась в навозе?

– Милочка, – снисходительно процедила маменька, – когда мы обсуждали тематику дизайна, вы четко поставили задачу: вам нужен человек, который живет на земле, имеет дом, животных...

– Но не мужик же, который молочные продукты производит, – взвилась Рената.

– Картина с коровами придется по душе и тому, кто свеклу с кустов снимает, – заявила маменька.

Я сидел с невозмутимым видом. Николетта думает, что бурак растет, как малина! Интересно, как обстоит дело с хлебом? Наверное, булки, по мнению маменьки, свисают с елок?

– Когда я вела речь о доме на земле, имела в виду особняк на Рублевке, – зашумела Рената, – с прислугой. А под животными подразумевала собачек и кошечек.

– Где мой кофий? – спросил за моей спиной знакомый голос.

Я обернулся. На пороге стояла сова.

– Пить-есть охота, – продолжала птица, – холодно мне. Нужна одежда, но не такая жуть, как на ней. На толстухе.

– А-а-а, – взвизгнула Рената. – Это кто?

– Сова в пальто, хотя пальто у меня и нет, – рассердилась птица. – Ну и глупость спросила! Я графиня Жабье. О! Баба! Что у тебя во рту? Что ты ела? Жуть страшная, хуже, чем твое платье! Катастрофа египетская!

Уберите этот ужас вон. Я потеряла аппетит от вида этого кошмара. Кофий не несите, крендели тоже. Меня тошнит.

Сова медленно развернулась и пошла в коридор.

– Она мои зубы обозвала! – заорала Рената.

– Нашла кого слушать! – взлетела на фейерверке маменька. – Птицу тупую! У нее мозга нет.

– У меня море ума, – крикнула из коридора графиня Жабье, – а вот у тебя, коза, в голове дырка.

Примерно четверть часа я слушал перебранку дам с совой и между собой, потом Рената, выкрикнув слова, которые не то что женщинам, даже мужчинам в обществе произносить не стоит, удалилась.

– Нет, ты это слышал? – затопала ногами маменька. – Борис, Борис! Где он шляется? Почему не появляется?

– Я здесь, – произнес мой помощник.

– Немедленно собери этот хлам и выкинь его! – скомандовала госпожа Адилье.

– Имеете в виду принадлежности для дизайна зубов? – уточнил секретарь.

– Да, – еще сильнее рассвирепела Николетта, – не желаю больше из дур красавиц делать! Дом на Рублевке! Да ей положена изба в Свинячинске! Я училась целый день, аж три часа, устала, хотела людям помогать. Но они не достойны моих стараний. Все. Точка. Хватит. Наобщалась с отбросами рода человеческого. Теперь выберу профессию, чтобы никаких баб-мужиков на километр рядом не было. Буду дрессировать улиток. Ох! У меня началась депрессия. Срочно еду к врачу. Нет, вы это видели? Слышали? Так меня просила помочь ей мужа найти, я расстаралась, красивую картинку на зубы приклеила. А она! Получила, что хотела, и недовольна. Утопите сову! Она мне осточертела!

– Если тебе кто-то не нравится, то сама виновата, – не замедлила с ответом госпожа Жабье, – правда глаза колет. Из вас стоматолог, как из кролика чайник. Удаляюсь в схиму!

Маменька ринулась в прихожую.

Заперев за Николеттой дверь, я направился в свой кабинет, куда через пару минут заглянул Борис:

– Иван Павлович, я знаю теперь, почему в нашей истории появился новый участник.

– Слушаю вас внимательно, – кивнул я.

– Лучше посмотрите на фото, – предложил секретарь и поставил передо мной ноутбук. – Это Тел.

– Кожа желтого оттенка, узкие глаза с характерными веками, черные прямые волосы, – перечислял я, – восточная внешность.

– У Тел изрядная доля китайской крови, – пояснил Борис, протягивая мне айпад, – вот, изучите. Из-за этой истории отец Тел выгнал из дома мать.

– Его можно понять, – сказал я, прочитав текст. – Он коренной москвич, родители русские, супруга из Иванова, ее предки все там. И вдруг! Вскоре после заключения брака на свет появляется младенец, у которого явственно проглядывают черты жителя Востока. Казус, однако.

– А теперь посмотрите сюда, – предложил Борис, – и туда. Как вам это? Забавно?

– Очень интересно, – протянул я. – Вот теперь можно побеседовать с этим господином. Думаю, приглашать Наташу на беседу не стоит.

– Куда меня звать не стоит? – звонко спросила из коридора Наташа. – Только что вернулась и услышала вашу последнюю фразу.

Глава 40

Через несколько дней в моем офисе опять собралась компания, на сей раз она состояла из Максима Загорского, Никиты Ветрова, Григория Круглова, Наташи и нас с Борисом.

Беседу начал я:

– Максим Петрович, вы основатель и бессменный председатель общества «Аристократ»?

– Да, – подтвердил тот. – Уже рассказывал вам, что принадлежу к древнему роду князей Загорских. Титул достался мне от отца, а ему от деда, тому от прадеда и так в глубину веков. Мать моя тоже знатных кровей. Во мне сплелись две великие фамилии.

– В России существует уйма объединений дворян, – заметил Никита. – Чем ваше от них отличается?

– Истинным аристократизмом его членов, – ответил Загорский. – Нынче без зазрения совести можно объявить себя потомком Вещего Олега, купить в Интернете бумагу с печатями, из которой явствует, что вы родня всем королевским дворам. А в моем объединении ряженных нет. Каждый соискатель тщательно проверяется, есть человек, способный раскопать их родословную до Адама.

– Еще у вас жесткое отношение к евреям и людям с иным, чем у вас, цветом кожи, – подал голос Борис.

– Неверно, – отрезал Максим. – Моя правая рука Яков Шнеерсон. А в доме служат две девушки из Марокко. Если я антисемит и расист, почему не взял управляющим русского и не нанял прислугу с белым цветом кожи?

– Однако на сайте «Аристократ» указан девиз общества «Россия и наше общество только для православных».

Загорский прищурился:

– Иван Павлович, православие – не национальность. Это вероисповедание. Трагически погибший протоиерей Александр Мень – иудей, но он принял крещение. Патриарх всея Руси Алексей Второй – знатного шведского рода Редригер. Да, я считаю, что наша страна должна быть православной. Имею право на собственное мнение. Что же касается общества, то оно лично мной создано и руководимо. Не желаю видеть в его рядах негров! И евреев! Работать у меня прислугой они могут сколько угодно, никогда не обижу человека из-за другого цвета кожи. Я толерантен ко всем, я даже могу с ними за одним столом пообедать. Но! В

«Аристократе» состоят исключительно белые, в прямом смысле этого слова, люди, у которых на шее висит крест, они молятся по воскресеньям на литургии.

– Как насчет китайцев? – не утихал я.

– Они не православные, – отрезал гость. – Весь Восток – это второй сорт. Я уже сказал: у нас только белые! Мое общество – мои правила.

– В прошлом году вы с позором исключили из своих рядов Николая Вязьмина. Почему? – спросил Борис.

– Сей господин обманул президиум, при вступлении указал в анкете, что он русский, и отец, и мать православные. Мы проверили его биографию: ни сучка ни задоринки. Прекрасные предки, все умерли. А потом выяснилось, что Николай Николаевич не Вязьмин. Он был усыновлен в младенчестве, так как его родители погибли в автокатастрофе. Их звали Эсфирь и Наум Кац, а мальчика Яшей. Николаем его в новой семье нарекли. Я спросил у Вязьмина: «Зачем вы нас обманули?» Он прикинулся дурачком: «Так я всю жизнь ношу эту фамилию, значит, имею титул князя». Изобразил идиота, который не понимает разницы между усыновленным ребенком и дворянином по рождению. Пришлось его гнать вон.

– Если выясняется, что аристократ фальшивый, его выкидывают из общества? – уточнил Никита.

– А как еще сохранить чистоту наших рядов? – пожал плечами Максим Петрович. – Эдак скоро все уборщицы в королевы метить станут. Не собираюсь походить на ряженых из объединений «Истинные аристократы России» и «Общество аристократов России». Там сплошь клоуны, которые свои титулы купили.

– Ваша позиция предельно ясна, – подчеркнул Ветров, – судя по сайту объединения, «Аристократ» – очень важный для вас проект.

– Это дело всей моей жизни, – пафосно заявил Максим Петрович.

– У вас была супруга, – продолжал я дальше.

– Елизавета, – согласился Загорский. – Я не первый мужчина из нашей фамилии, кто связал себя узами брака с простолюдинкой. Бывали случаи. Они все записаны в книге истории. Мои предки брали в жены девушек из купеческого рода, те спустя год-другой, позанимавшись с педагогами, получали должное воспитание и образование. Если вы внимательно изучите историю дворянства до начала двадцатого века, то вам станет ясно, что так поступали многие. Да и понятно почему, в генетику необходимо изредка вливать свежую кровь, но не ниже купцов первой гильдии. Елизавета – моя попытка физически оздоровить Загорских.

– Сейчас мы говорим о Вере Федоровне Григорьевой, – пояснил Борис. – На ней вы женились до Елизаветы.

– Наша семейная жизнь продолжалась недолго, – поморщился Загорский. – Брак признан недействительным. Значит, его не было.

– По какой причине произошел разрыв? – спросил Борис.

– Это не имеет значения, – отрезал Загорский.

– Понимаю, неприятно вспоминать, – вздохнул я. – Но уж извините, придется кое-что уточнить.

– Какого черта? – вышел из себя Максим Петрович.

– Такие выражения может позволить себе только истинный аристократ, – ехидно констатировала Наташа.

– В банке «Крос», – продолжал я, – во время взрыва в вип-зоне погибла заведующая депозитарием Стелла Григорьева. Ее сочли случайной жертвой, которая оказалась не в том месте не в тот час. Мной во время расследования была совершена огромная ошибка. Я не уточнил, а как взорвали сейф? С помощью таймера? Стелла что, вошла в самое неподходящее время? Нет. Выяснилось, что в ячейке, которая якобы арендовалась Кузнецовой Ниной Сергеевной, лежал пакет. Его туда по приказу Маслова поместил Роберт. В нем было спрятано весьма хитрое устройство, оно автоматически включилось, когда Шмидт положил его в сейф. А сработать оно должно было в тот момент, когда кто-нибудь возьмет конверт. Клерк его положил и ушел, адское изобретение активировалось, а вот взорвалось оно, когда Стелла его взяла. Мне следовало ранее выяснить все про взрыв, и тогда сразу бы стало ясно: взрывчатку заложили, чтобы убить Стеллу. Она истинная цель организатора преступления.

– Ну и при чем тут я? – уже не так зло осведомился Загорский.

Мне не удалось продолжить, в разговор снова влезла Наташа:

– Имя погибшей ничего тебе не говорит?

– Нет, – удивился отец.

– Мать Стеллы Григорьева Вера Федоровна, ваша первая жена, – сообщил Борис, – а девочка некоторое время считалась вашей дочерью. Но потом...

Максим Петрович стукнул кулаком по столу:

– Я еще при выписке из роддома удивился! У младенца морда желтая. Врач давай петь: «Желтуха у новорожденных обычное дело, веки просто опухли». Месяц я ждал, пока дочь побелеет, и понял: девка не от меня, узкоглазая, ноги короткие. Волосы отросли чернее угля. Вера блондинка, я русский. Татар-монголов, мусульман разных в моей семье не было. Но и у Григорьевой тоже все белые. Перед тем как нам в загс идти, моя мама

наняла человека, который проверил родню невесты. Чисто. Ни евреев. Ни негров. Ни татар. Русские они. И откуда младенец с глазами, как щель в танке? Стелла выглядела китайкой! Вера на иконе поклялась, что никогда ни с одним жителем Поднебесной ничего не имела. Вы в это, глядя на девочку, копию какого-то Сяо Мяо, поверите? Я так нет! Вера потребовала сделать анализ ДНК, я отказался. А моя мать настояла, объяснила мне: «Если сейчас не получим на руки документ, что младенец не от тебя, будешь платить восемнадцать лет алименты не пойми кому. Поехали в клинику». И мы отправились в компанию «Медпроверка». Когда пришел ответ, что я ни малейшего отношения к Стелле не имею, Вера зарыдала, пыталась мне втереть, что ее оболгали, лаборант пробы перепутал. Но мою маму, Елену Николаевну, не обдуришь, она все стоны живо пресекла: «Вера! За год до свадьбы я пристроила тебя переводчицей в Интурист, ты ездила с группами иностранцев в Питер, Владимир, Суздаль, разные города, которые нравятся гостям из других стран. Среди ваших подопечных было много китайцев».

Загорский постучал ладонью по подлокотнику кресла.

– Конец истории. Более я Веру не видел. Со Стеллой не общался. Если я попал под подозрение и кто-то думает, что Загорский организовал взрыв в банке (глупее ничего и не придумаешь), то назовите хоть четверть причины такого поступка, а?

Я включил экран, висевший на стене.

– Стелла работала в банке. Несмотря на молодость, она быстро делала карьеру, стала заведовать депозитарием. Но у Григорьевой была вторая хорошо оплачиваемая работа: она составляла людям родословные, отыскивала их предков. Девушка понимала, что карьера в сфере финансов налагает на нее ряд ограничений. Ее второе занятие могло не понравиться руководству банка. И полагаю, налоги от неофициального ремесла она не платила. Поэтому Стелла представлялась клиентам как Тел. Никаких разговоров по телефону она с заказчиками не вела, общалась только через WhatsApp, емэйл, viber, но если все же приходилось беседовать с человеком, подключить преобразователь голоса ничего не стоит. Вера, ваша первая жена, скончалась, нам теперь трудно выяснить правду. Но если обратиться к документам, кое-что становится ясно. Старшая Григорьева ушла из жизни пару лет назад, последние годы она провела в частной клинике для инвалидов-спинальников. Пребывание там стоит очень дорого, условия великолепные. Стелла оплачивала все расходы. Она заботливая, любящая дочь была.

Я замолчал. Эстафету рассказа подхватил Борис:

– Доказать это невозможно, но думается, что Вера ранее не сообщала дочери о том, кто ее отец. Скорей всего правду мать открыла Стелле перед своей смертью. Это всего лишь предположения. Почему я так думаю? Имею много знакомых в разных сферах, да и Интернет – мощное средство добывания информации, если знать, где искать. Спустя месяц после похорон матери Стелла обращается в один архив, ищет там запись о браке Веры и Максима Загорского. Затем она находит свое свидетельство о рождении, материалы суда об аннулировании брака родителей. Тел высококвалифицированный профессионал, она не раз работала на заказ, теперь трудится на себя и получает полную картину: Загорский был уверен, что Вера изменила ему с каким-то китайским туристом, родила девочку и записала ее на мужа.

– Банальная история, – хмыкнул Никита, – кое-кто из женщин, поступая таким образом, знает, что ребенок не от законного супруга. Другие прелюбодейки полагают, что забеременели не от любовника, а от мужа. Когда изобрели анализ ДНК, выяснилось, что много мужчин воспитывают не своих детей. Тел узнала точно: она родная дочь Максима Петровича. Кровное его дитя.

Глава 41

– Чертов бред! – взвился Загорский. – Ложь! Моя мать привезла нас всех в клинику, и там сделали анализ. Я никогда не ходил сдавать ДНК вместе со взрослой Стеллой. Если она это говорила, то врала. Я с ней не встречался.

– Нет необходимости отправляться вместе в лабораторию, – улыбнулся Никита, – достаточно предоставить материал для исследования. Стелла некоторое время следила за вами и подстерегла вас в ресторане. Вы поели и ушли, оставив на столе кучу предметов, с которых можно получить ДНК: фужеры, столовые приборы, использованные бумажные салфетки... Она просто взяла соломинку, через которую вы пили воду, и отдала ее в лабораторию.

– Внимание на экран, – попросил я, – на нем представлен бланк, в котором указано, что Стелла с вероятностью девяносто девять процентов дочь мужчины, который использовал эту трубочку.

– Бред, бред, бред, – твердил Загорский. – Кстати! Откуда у вас этот документ?

– Рукописи не горят, – усмехнулся Гриша, – некоторые бумаги не исчезают.

– Ответим на ваш вопрос чуть позднее, – пообещал я.

– Предположим на секунду, что девчонка моя дочь. Только на мгновение, – прошипел Загорский, – объясните тогда: коим образом у двух белых людей появилась на свет китаянка?

– Максим Петрович, – с укоризной произнес Никита, – вы сейчас демонстрируете отменные актерские качества, но ведь знаете эту историю лучше нас.

– Чушь, чушь, чушь, – бубнил Загорский.

Я щелкнул пультом.

– Вот свидетельство о смерти трехмесячного младенца Максима Загорского. Ребенок скончался вследствие генетического заболевания, которое возникает, если между мужем и женой есть близкое родство. Похоже, до того момента, как Тел прислала господину Загорскому собранный ею материал, вы понятия не имели, что...

– Ваши отец и мать – двоюродные брат и сестра, – перебил Никита. – Наверное, врачи предупреждали пару, что в их случае вероятность появления на свет нежизнеспособного ребенка очень высока, но они

решили рискнуть. После гибели мальчика Загорские более судьбу не испытывали. Петр Владимирович очень гордился своим происхождением, и жена его, Елена Николаевна, тоже имела знатную родословную, в ее случае кровь Загорских смешалась с княжеской. Девичья фамилия ее Мусанкина. Были такие князья, бедные, но родовитые.

– Что-то я не понимаю, – жалобно сказала Наташа.

Я подошел к стеклянной доске и взял фломастер.

– Отец господина Загорского, Петр Владимирович, родился у Владимира Загорского и Ольги Воронцовой. А Елена Николаевна Мусанкина появилась на свет от Ксении Загорской и Олега Мусанкина. Владимир и Ксения являлись родными братом и сестрой. Ксения вышла замуж и стала Мусанкиной. Младенец Максим был на пятьдесят процентов Загорский по отцу, а по матери наполовину Мусанкин и на вторую часть Загорский. Двоюродным родственникам, если они рискнули вступить в брак, лучше не заводить детей. Но ни Петр, ни Елена не хотели, чтобы ветвь Загорских обломилась, поэтому они рискнули, и случилась трагедия. Через год после похорон своего ребенка они усыновили мальчика. Малыш привлек их, наверное, стопроцентным здоровьем. Ну кто обычно бросает новорожденного? Понятное дело, не очень порядочная женщина, наркоманка, алкоголичка, проститутка или просто глупая эгоистичная баба, которая забеременела от мимолетного любовника, а когда малыш появился на свет, поняла, что он ей совсем не нужен, кричит, просит есть. «Ну его, хочу спокойной жизни». Будет ли потомство от таких женщин здоровым? А вот с Максимом получилось иначе. Его мать, москвичка, умерла в родах, а отец, обеспеченный китайский чиновник, который прилетал постоянно в Москву подписывать разные бумаги о торговле между СССР и Китаем, не собирался бросать сына. Новорожденный удался в маму, от отца он совсем ничего не взял. Светловолосый, голубоглазый с фарфорово-нежной кожей, слишком высокий для своего возраста, умненький, рано пошел, развивался с опережением. Почему же биологический отец не забрал сына из роддома? Брак с любовницей китаец не оформлял, поэтому ему следовало подтвердить свое отцовство. Он написал заявление, сдал анализ ДНК, мальчика признали его сыном. Китаец собрался приехать за ребенком, но в Доме малютки он так и не появился. Что случилось с ним, никто не знает, он просто пропал. Петр и Елена Загорские после похорон сына уехали в Грузию. Находясь в Тбилиси, супруги поменяли свою московскую квартиру на аналогичную в другом районе. И через год в большие апартаменты въехала пара Загорских с маленьким Максимом. Супруги вели тихий образ жизни, компании не собирали, близких друзей не имели, о потере родного

ребенка никому не сообщали. На новом месте жительства все считали Максима их родным сыном. То, что в мальчике половина китайской крови, никак не проявлялось.

Я остановился.

– Генетика вылезла в дочери Максима, который понятия не имел, что он приемный сын, – немедленно продолжил Борис. – А мать, Елена Николаевна, не собиралась ему правду сообщать. Она хотела, чтобы фамилия Загорских не исчезла, поэтому воспитывала сына, вложив ему в голову, что он аристократ, продолжатель древнего рода. В советские годы говорить подобное ребенку не следовало, но Елена не осторожничала. Ее сын рос с сознанием своей исключительности, избранности. Когда на свет появилась Стелла, которая внешне оказалась ну просто китаянка, Елена, наверное, испугалась, но сразу поняла, как надо действовать. Конечно, точно мы не знаем, но можно предположить, что дама заплатила врачу, привезла всех действующих лиц в лабораторию, доктор взял пробы, но анализ делать не стал, просто написал фальшивый результат. Максим аннулировал брак с Верой, Стелла осталась без отца, правда о том, что Загорский на самом деле не имеет отношения к дворянской фамилии, так и осталась тайной. Но Тел докопалась до истины и отправила копии документов Загорскому.

Я спросил:

– Ведь так? Максим Петрович? Отрицать это глупо. Дело в том, что завдепозитарием отправила дубликат документов Грише.

– Точно, – подтвердил сидевший до этой минуты тихо Круглов, – все, что Иван Павлович и Борис тут сообщили, они узнали из послания Тел мне. Загорский отвернулся к стене.

– Неожиданно появилась ваша дочь Стелла. Она хотела денег? – не отставал я. – Вы решили от шантажистки избавиться, убив ее. Устранить проблему следовало так, чтобы никто не догадался, что в смерти Стеллы замешаны вы. Небось вы сломали голову, думая, как лучше поступить. Мы поискали связь между вами и Игорем Кирилловичем, довольно быстро обнаружили, что, будучи подростками, вы вместе посещали секцию самбо. Вас осенило! Стелла служит в банке «Крос», там департаментом кредитования заведует ваш приятель Маслов. Мы догадываемся, что сценарий подставы Роберта Шмидта скорее всего написал Маслов, который хорошо знал порядки в банке, все ходы-выходы. Вы пригрозили Игорю, что расскажете, как он поступил с Анной Филькиной. Друг детства испугался и согласился вам помочь. А затем вы убрали Маслова. Все просто.

Но... зря!

– Что зря? – напряженным голосом спросил Загорский.

– Все, – повторили мы с Борисом хором.

– Вы тщательно организовали весь процесс, – похвалил Максима Никита, – сделали этакую матрешку: вынешь одну, внутри другая. Эксперты найдут на месте взрыва отпечатки пальцев Роберта и его обвинят в преступлении. Если это не сработает, то для следователя есть другой подозреваемый: Игорь Маслов. Максима Петровича никак не пришьешь к вип-залу депозитария. Загорский вообще ни при чем. Думаю, Игорь Кириллович понятия не имел, что настоящая жертва – Стелла. Он вообще не знал, что она в тот момент в отсек ячеек войдет. Маслов скорей всего полагал, что друг юности хочет Роберта за что-то наказать. И вот тут вы совершили ошибку. Вопрос: кто из важных клиентов в неудачный день и час вызвал ночью в хранилище Стеллу, долго висел без ответа. Ей не звонили, не писали. Прямо твердый орешек. Но мы в конце концов его раскусили. Пейджер. Все думают, что ими давно никто не пользуется. Ан нет, жив курилка. Борис!

Мой помощник откашлялся:

– Сообщение от абонента семьсот сорок восемь кью на номер семьсот пятьдесят четыре ай. «Банк «Крос». Вип-депозитарий. Ячейка десять. Забрать в промежуток с полуночи до нуля пятнадцати. Опоздаешь, ничего не получишь». Сообщение пришло в двадцать два сорок пять. Оно без подписи. И на кого у нас зарегистрирован пейджер семьсот сорок восемь кью? А?

– Максим Петрович, – укорил Никита, – вы придумали такой хитрый план! Блестяще его осуществили. И продемонстрировали в пейджинговой компании свой настоящий паспорт?! Ай-яй-яй! Что же вы не догадались купить где-нибудь удостоверение на другую фамилию.

– Я не оформлял пейджер, не сбрасывал ничего гадкой бабе, – заорал Загорский, – идите на ...! Не знал, что эта хрень еще существует! Пользуюсь электронной почтой, мобильным. Кто такая Анна Филькина? Впервые о ней слышу!

– Максим Петрович, вы же разумный человек, – спокойно произнес Никита, – ну не надо так!

– Как? – окончательно потерял самообладание наш граф. – Эта дрянь! Стелла! Китайка! И я тоже китаец! Да у меня мир рухнул! Как могла мама так поступить со мной? Как?

Я налил в стакан воды и протянул Загорскому.

– Максим Петрович...

Он не дал мне договорить, ударил меня по руке. От неожиданности я

выронил стакан, тот упал, но не разбился, вода вытекла на паркет. Борис быстро вышел.

Глава 42

– Почему Елена Николаевна скрыла правду? – вопил Загорский. – Я никому бы не растрепал...

Я попытался сделать новую попытку успокоить Загорского:

– Максим Петрович, разрешите мне договорить?

– Нет! Нет! Нет! – пошел в разнос олигарх. – Ну нет же! Вы напутали! Какая Филькина? Да, мы с Игорем дружили с детства. Да! Я очень помог ему, когда он свою первую любовницу Розку Ибрагимову под трамвай толкнул!

Настал мой черед удивляться, изумился и Борис, который вернулся в кабинет со шваброй:

– Кого Маслов на рельсы толкнул?

Максим Петрович издал стон, оперся локтями о колени и вдруг заговорил:

– Сил больше нет. Надо гирю с груди скинуть. Задавила меня, упала, когда я от этой сволочи копии документов получил! Давит! Душит! Не исчезает! Мы с Игорем решили пойти в кино. Встретились у подъезда, он пригласил свою девушку Розу. Я удивился, ну что его в ней привлекло? Не красавица, не умница, тихая, даже покорная. Маслов ей вечно замечания делал в хамской, на мой взгляд, форме, а она мигом его требования выполняла, молча. Один раз я услышал, как Игорь Ибрагимовой велел: «Эй ты, немедленно переоденься, нарядилась, как ...! С твоей жирной задницей мини-юбки не носят. И ноги, на бревна похожие, прячут». Мы сидели у Розки на кухне, она без звука ринулась в комнату. Я не выдержал и укорил друга: «Роза не королева красоты и не светоч ума. Но ты перегибаешь палку».

Маслов ответил: «Ей нравится жесткое обращение, а в постели она кайфует, когда предварительно пощечин получит. Ты просто не в курсе. Не лезь».

Я подумал, чужая душа потемки, и более замечаний Маслову не делал. Встретились мы у парадного. Зима, на улице гололед. Потопали на трамвай, неподалеку конечная остановка находилась. Пришли, а там людей нет, только мы трое. Игорь начал Ибрагимову шпынять, та, по обыкновению, молчала. Маслов же все больше и больше заводился, ущипнул ее сильно за щеку, так, что вмиг кровоподтек появился. И тут Розкино терпение лопнуло, она его оттолкнула. Игорь не ожидал этого,

поскользнулся, упал, но быстро встал. Роза поняла, что ей сейчас достанется, побежала, но Игорь девушку догнал, на колени бросил, давай ее лупить. Я вмешиваться не стал. А Ибрагимова заорала: «Отвянь! Импотент! Не можешь ничего со мной сделать, пока не подерешься в постели. Иди на ...! Не хочу больше с тобой жить. Надоело!»

В эту секунду из-за поворота трамвай выкатил. Игорь Розку на ноги рывком поставил, когда первый вагон проехал, он ее под второй толкнул.

Загорский вздрогнул:

– Она так закричала! Я чуть не умер. Трамвай по Ибрагимовой прокатился и встал. Водитель выскочил и бегом смотреть на то, что на рельсах лежит. Жуть! Люди! Это жуть! Маслов зашептал: «Макс! Скажи всем, что она поскользнулась и просто упала! Если откажешься, меня посадят! Розка все равно умерла! Ее не воскресит то, что я окажусь за решеткой. Спаси!» А у меня туман в голове, озноб колотит. Водитель ментов вызвал, нас с Масловым в первый вагон посадил. Народу никого нет, на конечную остановку транспорт часто пустой приходил...

Загорский поднял голову:

– В общем, когда менты вопросы задавать стали, я объяснил: «Роза поскользнулась и упала. Сама. У них с Игорем любовь была, пожениться планировали». Вот и все. Нас отпустили и в отделение потом не вызвали. У девчонки из родни один дед-алкоголик имелся, он небось и не заметил, что внуки нет. Игорь мне сказал: «Макс, я у тебя в долгу. Попадешь в беду, только свистни, я помогу». Мы с ним потом стали реже общаться, но созванивались на Новый год, дни рождения. Я знал, что Маслов в «Кросе» карьеру сделал. Когда эта китайская... начала меня компостировать, требовать ну вообще нереальную сумму, я бросился к Игорю: «Пришла ко мне теперь беда. Долг платежом красен. За убийство срока давности нет. Не поможешь? Пойду в полицию, в газеты. Если тебя не посадят за Ибрагимова, то из своего банка ты точно вылетишь и ни в одно финансовое учреждение не устроишься». Уж Маслову не стоило объяснять, как банкиры честь мундира блюдут, репутация для них прежде всего.

Я посмотрел на Никиту. Тот, кто один раз перешагнул черту, которая отделяет просто жестокого человека от убийцы, вполне вероятно продолжит убивать. Маслов попробовал вкус крови, и он ему понравился. Игорь Кириллович просто стал осторожным, Анну Филькину сначала подчинил себе, а потом за какую-то провинность запер в подвале, обрек на медленную смерть. Вот с Оксаной он прожил много лет, жена оказалась совсем уж покорной, ни разу не вызвала у него приступа бешеной злобы.

– План придумал Игорь, – начал сваливать вину на покойного

Загорский, – он не знал, что Стелла окажется в вип-зоне депозитария. Я просто велел ему организовать взрыв и кого-то сделать виновником. Маслов через неделю принес план, сказал: «Есть клерк Роберт Шмидт. Идеальная кандидатура. Тебе придется потратиться, купить ему квартиру. Найди что подешевле. Трешку с ремонтом, сантехникой и кухней».

Загорский замолчал.

– А вы ради того, чтобы правда о вашем происхождении не всплыла и чтобы Стелла навсегда замолчала, были готовы на все, – сказал Борис, – да и те миллионы, что за апартаменты отсчитали, при ваших доходах смешная сумма.

– Я не пользовался пейджером, – повторил Загорский.

– Как вы сообщили Стелле о том, что ей нужно приехать в назначенный час в банк? – поинтересовался Никита.

– Мы с ней встретились в торговом центре, – пояснил Загорский, – в центре первого этажа. Я сказал, какого числа, во сколько требуемая сумма окажется в ячейке «Кроса». Предупредил: «Дверца закрыта на таймер-замок, он доступен для открывания короткое время. Всего четверть часа ночью. Потом намертво заблокируется. Хочешь получить свой кусок? Прикапывай вовремя». Минуточку! Нестыковка!

– Какая? – осведомился я, зная, о чем сейчас скажет Загорский.

Максим Петрович повернулся к Грише:

– Вы соврали! Стелла не могла вам написать: «Форс-мажор, неожиданно позвонили...» Она знала о времени и дате получения денег за сутки!

– У меня есть емэйл, – начал оправдываться Гриша.

– А у нас в наличии сообщение от вас на пейджер, – напомнил Борис.

– Нет, нет, нет, – снова затопал ногами «аристократ». – Ну нет же!

Круглов быстро заговорил:

– Какая разница, присылал он эсэмэс на пейджер или нет? Все ясно! Загорский спланировал убийство Стеллы, она шантажистка. Нельзя верить такой женщине! Возьмет бабло один раз, потом еще потребует, газетам историю за мзду продаст.

– Вопрос очень важен, – остановил я историка. – Загорский сумел остаться в тени. Мы на него вышли лишь благодаря документам, которые вам Стелла отправила, и пейджеру. И почему скрытная Тел вдруг решила с вами посоветоваться накануне похода в банк? Девушка всегда тщательно хранила тайны, и вдруг полнейшая откровенность, отправка вам всех бумаг. Не стыкуется это с характером Григорьевой. А пейджер никак не вяжется со звериной осторожностью Загорского. Что тут не так? Кто нам подсказал

про пейджер? Наташа. Ей мысль про него случайно в голову пришла. Дорогая Ната, не хотите ничего сообщить?

– О чем? – заморгала девица.

Никита встал и подошел к Максиму Петровичу:

– Прошу вас спокойно воспринять эту новость. Хотя она, безусловно, шокирующая. Все неправда!

– Что? – не понял Загорский.

– Все! – повторил следователь. – От А до Я. Вас развели.

– В смысле? – опешил Загорский. – Кто? На чем?

Глава 43

– Вы не отец Стеллы, – сказал я, – и никогда им не были. Вера на самом деле родила ребенка от китайского туриста, а потом попыталась обмануть вас. Елена Николаевна не договаривалась с врачом, не платила за поддельный анализ ДНК. Все ложь. Документы, которые прислали вам и Грише, качественно сфабрикованы.

Загорский приоткрыл рот.

– Историю эту придумали ваша родная дочь и Григорьева, – продолжал я. – Вы балуете Наташу, даете ей много денег, а девушке хочется еще больше. Нате надоело, что отец велит ей работать, вечно делает замечания, воспитывает дочь неразумную. Наташа весьма предприимчива, я в этом убедился лично, когда она живехонько раздобыла электронную сову для Никоветты. Если Нате что-то надо – она идет напролом, готова на любые действия, чтобы достичь цели. Ее моральные принципы оставляют желать лучшего. Любимый досуг Натальи – воровство в бутиках, которое она объясняет тем, что Максим Петрович ее отчим. Но это ложь. Наталья прекрасно знает: Загорский ее родной отец. Ну кто еще станет терпеть взрослого человека, от которого одни неприятности? То утащит в магазине товар, то учиться бросит, то дебош в баре устроит. Недалеко тридцатилетие, пора и за ум браться! Но нет! Юная леди живет как хочет, а отчим ее до сих пор не выгнал. Деньги дает, из неприятностей выручает, одевает, обувает, машины покупает, институт оплачивает, хамство прощает. Да тут даже клиническая идиотка сообразит: настоящий он отец. Наташа не дура, она все понимает. Почему тогда несет чушь про неродного отца? Потому что знает: Максиму Петровичу это неприятно, обидно. По какой причине дочь хочет причинить боль папе? Наташа получает удовольствие, затевая игры с людьми. Не так давно Маргарита Филина, бывшая подруга вашей покойной жены, начала общаться с Наташей, выдавая себя за Лизу, которая якобы осталась жива. Наталья раскусила обманщицу, но никому о ней не сообщила, продолжала делать вид, что верит Филиной и Валерию Квакину, которого «мамочка» хочет женить на ней, чтобы получить деньги Загорского. Наташе нравится вертеть людьми, она не работает, ей скучно, нужен адреналин. Мошенница Филина старательно пачкала Загорского черной краской. Если бы Максим Петрович узнал про ложь Маргариты, то разразился бы скандал. Но аферистка не титан мысли, поэтому у нее в голове зреет «гениальный»

план: Квакин женится на Наташе. Загорский покупает ему бизнес, дает денег, а Валерий делится с Филиной. Это так глупо, что даже обсуждать не хочется. Думаю, Наташа искренне веселилась, общаясь с «мамочкой». Сей забаве жить предстояло недолго. Наташа через какое-то время могла сказать «родительнице»: «Хватит врать» – и получить последнее удовольствие, слушая вопли «мамули». Но пакость, которую затеяла подруга Елизаветы, неожиданно оказалась зерном, из которого вырос монстр. Именно Филина, сама того не желая, подсказала Наталье, что надо делать, чтобы избавиться от Максима Петровича и стать собственницей всех его денег. Маргарита рассказала «доченьке» про первую жену Загорского и как Максим Петрович выгнал вон Стеллу и ее мать... Наташа? Вы связались с Григорьевой?

Девица показала пальцем на отца:

– Урод! Вечно меня ругает, шпыняет, говорит: «Нет в тебе аристократизма!» Денег копейки кидает.

– Господи! – ахнул отец. – Да ты ни в чем не нуждаешься.

– А-а-а, – взвизгнула девица, – как же! Я просила квартиру в Лондоне! Мне ее купили? Нет! Ладно! Поплакала я и перетопталась, стала клянчить: папуля, я взрослая, у меня личной жизни нет. На Остоженке дом построили. Это не Лондон! Москва дерьмовая! Мне хочется отдельно жить. Апартаменты двухэтажные, есть выход на крышу. И всего-то стоит сто миллионов! И что? Опять мимо! Отказ! Я полностью под контролем отца! А «Порше» красный, эксклюзивный? Как я его хотела! Фига мне! Езди на жутких колесах, которые папаша по скидке купил.

– Наташа! – обомлел Максим. – Я купил тебе «Мини Купер». Самый дорогой. Идеальная машина для девушки, красивая, надежная. Да о такой миллионы мечтают!

– Это ты так решил! – пошла в разнос красавица. – А я хотела красный «Порше»! Пусть миллионы дур «Мини Купер» жаждут. Уродская мыльница на колесах мне не нужна! Езжу на ней и плачу от обиды!

– Ну вообще, – развел руками Гриша, – я бы такую дочурку удавил.

– Молчи, обмылок! – огрызнулась Наташа. – Да, мы со Стеллой придумали, как с козла денег стрясти. Она все документы сварганила. Кто ж знал, что папенька ее взорвет? Идейка, кстати, насчет младенца не моя! Григорьевой. Она в то время, когда мы думать стали, как поступить, книгу интересную читала^[13], там не такая ситуация описана, но похожая, про детей своих-чужих. Ха! Папанька Стелле поверил! Пообещал: «Все заплачу, что ты требуешь. Но сумма огромная. Подожди немного, скоро первый транш получишь!» И взорвал ее! Дебил. Посадите его за решетку!

Прямо сейчас! Я ничего плохого не делала! Все Стелла! И этот гад!

– Они меня обманули, – выдохнул Загорский.

– Не все же тебе на других наживаться, – каркнула добрая доченька.

– Дайте воды, – попросил ее отец.

Никита налил полный стакан и протянул Максиму. Тот начал жадно пить. У меня в кармане звякнул телефон, я вынул трубку и увидел сообщение от Светланы Федоровны Константиновой, которая ведет «Блог проказника домового». «Иван Павлович! Я вам помогла. Честно рассказала, что видела и знаю. Ничего не утаила. Из-за своей откровенности даже заболела, давление скакануло. Провела эти дни в больнице. Клиника дорогая. Денег на оплату нет. Вы не дали мне ни копейки за беседу, которая подорвала мое здоровье. Поэтому обязаны возместить расходы на лечение. Отсылаю копию счета. Жду ответа».

Я вернул сотовый на прежнее место. Честно говоря, не знаю, что ответить сей даме. На языке вертятся фразы, которые мужчина не должен адресовать женщине, даже если та алчная бесцеремонная сплетница, нарушила закон, оснастила чужие хоромы видеокамерами. Ох, простите, Светлана не сплетница, она блогерша.

– Максим Петрович, вы еще не всю правду знаете, – сказал Никита, забирая у Загорского пустой стакан, – Стелла и Наталья решили развести вас на деньги. Григорьева примчалась ночью в депозитарий, она поверила, что найдет там первую часть суммы. А вот у Наташи был совсем иной план. Ваша дочь полагала, что в случае ареста отца за убийство ей достанется все, чем он владеет. Где вы с Масловым обсуждали план подставы Роберта? В кафе? В рабочем кабинете?

– Я что, похож на идиота? – буркнул Загорский. – У меня дома беседовали. Игорь приезжал после полуночи. В квартире никого не было, прислуга уехала. Ни малейшего риска, что кто-то уши погрееет. Только мы с Масловым.

– А где Наташа ночевала? – поинтересовался Борис.

– В своей спальне... – начал Загорский и замолк.

– Понятно, да? – усмехнулся Никита. – Никто подслушать не мог. Никто, кроме Наташи.

– В кабинет ведут тяжелые дубовые двери, – попытался возразить горе-папаша.

Следователь продолжал:

– Дочь потом объяснит вам, как, находясь в оранжерее, можно услышать все, что у вас в рабочей комнате произносится. Наташа знала о всех ваших планах, в частности о решении убить Стеллу. Но не

предупредила Григорьеву. Наташа, наверное, решила: отец совершит преступление, а она сделает так, что он попадется. Вот только как подставить его, а самой остаться в стороне? И через некоторое время Гриша получает письмо от Тел, в котором изложена вся «правда». О послании поговорим чуть позднее. Вижу, у Ивана Павловича вопрос назрел.

Я повернулся к Загорскому:

– Максим Петрович, вас не удивило желание Натальи стать у нас с Борисом практиканткой?

– Мне все равно, где она работает, лишь бы хоть чем-то занялась, – высказался отец. – Знаю, откуда ноги растут. Дочь постоянно детективы Смоляковой читает. Я обрадовался. Наконец-то капризница за ум взялась, о службе задумалась. Идиотский вариант, конечно. Частный сыщик! Хуже только клоун в цирке. Но до этого-то девка только веселье искала.

– Эмма жаловалась нам, что за ней следят, – примкнул к разговору Борис.

А меня задели слова Загорского про клоуна, я не стал ничего говорить. И тут ожил мой телефон. Я посмотрел на прилетевшее сообщение. Вот же совпадение, только что заговорили о госпоже Шмидт, и она мне эсэмэс отправила.

– Она говорила, – продолжал Борис, – «Кто-то постоянно был за моей спиной. Ощущала кожей чей-то взгляд, часто улавливала запах противных духов. Один раз я вернулась домой, а в подъезде все тот же назойливый аромат прямо гвоздем в нос воткнулся. И раньше его чувствовала: в магазине, в метро...» Я решил, что у бедняги от переживаний мания преследования началась. Ну, искупался кто-то из соседок в духах, и что? Ну, облилась баба в подземке. Но потом я понял, что около Эммы некоторое время крутилась какая-то женщина.

– Поэтичное выражение: «аромат гвоздем в нос воткнулся», – усмехнулся я, – оно точно характеризует очень дорогой, но, на мой взгляд, или, лучше сказать, нюх, невыносимый парфюм «Ночь восточной луны». Наташа, вы им пользуетесь?

– И что? – буркнула красавица.

Я продолжил:

– Следователь не стал копаться в деле, объявил виновным Роберта. Полицейский собрался на пенсию, билет на Гоа у него уже лежал в кармане, он предпочел пойти по пути наименьшего сопротивления. И что вышло? Стелла убита, но план Натальи не осуществился. Максима Петровича не привязали к этому делу. Почему? А полицейский ничего не

понял. Следовало исправить ошибку и на этот раз дать сыщику подсказку. Но как? Вам приходит в голову идея использовать Эмму. Вы за ней следите, она чувствует запах ваших духов. Зачем вы ходили за ней? Не знаю. Возможно, хотели как-то сунуть супруге клерка письмо. Наташа не глупа, понимает, что емэйл не обезличен, можно узнать, с какого компьютера его отправили. А бумажка с напечатанным текстом без подписи, которую можно запихнуть в карман или в сумку, надежна. В этом случае анонима найти почти невозможно. Дочь Максима Петровича таскается за Эммой и понимает: незаметно положить конверт не получится. И тогда она, используя буквенный трафарет, пишет: «Роберт не виновен. Его подставили. Преступник в банке». Там был еще какой-то текст, возможно, он прямо выводил детектива на след. Но Наташе не повезло. Она опустила послание в ящик с номером квартиры Эммы и ушла, а местные хулиганы бросили туда горящие спички. У большинства жителей дома сгорела вся корреспонденция. А вот у Эммы только часть. Огонь в ее почтовой ячейке погас, не успев как следует разгореться, поэтому пропала вторая, самая интересная, часть сообщения. Но Наташа-то об этом не знает. Она ждет, что Эмма утром помчится в полицию. А госпожа Шмидт на следующий день едет на работу. Наташа, скорее всего, не поняла, почему жена Роберта не понеслась к следователю с анонимкой. Поэтому она утром прикатывает в бутик, где работает Эмма, бродит по магазину, хочет подстеречь Шмидт и видит, как я иду в служебное помещение. Меня сопровождает Семен, владелец лавки, он громко говорит: «Надо помочь Эмме Шмидт. Я оплачу все расходы. Верю в вас, господин Подушкин, считаю вас лучшим сыщиком». Установить, с кем идет Занавесин, легче легкого. Я не скрываюсь, у меня есть сайт, где сообщается необходимая информация для клиентов. Наташа просто вбила в поисковик имя, фамилию, которые от Занавесина услышала. Маленькая деталь, но она говорит о характере Натальи. Вышло так, что мы случайно встретились на шоссе. Дочь Загорского неправильно выполнила обгон, чуть не устроила аварию. Я вежливо посоветовал ей быть поосторожнее. Не стоит повторять, что я услышал в ответ. На самом деле девушка грубиянка, но если ей что-то надо, живо превращается в Халву Медовичну. Это так, а pгopos^[14], как говорят французы. Наталья сообразила, что для Эммы нанимают сыщика, и... у нее вмиг сложился план, как стопроцентно подставить любимого папеньку. Это снова была многоходовая комбинация, которые так нравятся юной даме. Она крадет в магазине вещи, намеренно попадает в зону видеокамеры, ее задерживают. И пьеса вначале разыгрывается по сценарию Натальи Загорской. Чтобы быть полностью в курсе дела, иметь возможность влиять

на ситуацию, Наталья ухитряется попасть ко мне в помощницы. Практикантка из всех сил втирается к нам с Борисом в доверие, демонстрирует рвение, вмиг переоборудует гостиную, находит кота, сову... Я впечатлен. Наташа ликует. Я подозреваю Маслова! В селе Войтыково случайно находятся останки Анны. Ну еще чуть-чуть... еще один шажок... Ну, Иван Павлович, догадайся, что Масловым кто-то руководил...

Я посмотрел на бледную до синевы Наталью.

– Представляю, как вы злились! Отправили Круглову письмо от Стеллы. До этого набрали: «Мне позвонили...» А Григорий? Он почему-то не спешит к Подушкину!

– Что? – подпрыгнул Гриша. – Я не с Тел в последний раз переписывался?

Наталья расхохоталась:

– Идиот! Ой, не могу! Держите меня семеро! Стелла тогда уже в морге лежала. Да откуда тебе об этом знать!

– Но... комп, – прозаикался Круглов, – емэйлы с него шли! Адрес Тел... он в Интернете указан.

Наталья согнулась пополам от смеха.

– Кретин! Тебе в голову не пришло, что у человека есть комп, ноут, айпад и везде один адрес почты? Накнопать письмишко мог любой. Не знаешь, как элементарно можно чужой почтой воспользоваться? Слушай и учись. Садись за любой комп, вбиваешь туда адрес, вводишь пароль Стеллы и... пожалуйста! Строчи, что хочешь, а улетит все, как будто от Григорьевой.

– Да, да, – растерялся Круглов, – конечно, все упомянутые варианты возможны. Но надо знать пароль к почте Тел!

Наташа вытерла ладонью слезы, которые выступили у нее на глазах от смеха.

– Доброе утро, мальчик! Он у меня был.

– Откуда? – поразился Круглов.

– От верблюда, – гаркнула блондинка.

– Где вы его взяли? – никак не мог прийти в себя Григорий.

Наталья закатила глаза:

– Тебе надо сниматься в кино «Тупой, еще тупее». Звездой станешь! Стелка мне инфу дала. Когда я с дядей детективом о работе договорилась, то вскоре поняла: он ничего сам не найдет, надо Подушкина направить. А как? Когда мы со Стелкой разрабатывали план нашей операции, она мне про тебя рассказала, веселилась, какой прикольный Гриша, ей ты нравился. Она тебя умным считала. Когда Григорьеву убили, я отправила тебе

письмо. И что? Ты даже не чихнул! Почему ты сразу к Подушкину не побежал? А? Отвечай!

– Ну... там... было написано... подожди моего разрешения, – промямлил Гриша.

– Урод! – топнула ногой Наталья. – А то не ясно: пропал Тел! Не выходит на связь! Ты меня разозлил! Я решила: не додумается, козел, не расскажет Подушкину. Собрался спустя сто лет. Ну вообще прямо!

– Скажите ей, чтобы перестала на меня орать, – попросил Круглов, жалобно глядя на Бориса.

– Григорий привык работать медленно и вдумчиво, – заметил я, – а вы, девушка, излишне шустрая. Ловко вы нам про пейджер подсказали.

– Не отправлял я ничего, – процедил Максим.

– Конечно, нет, – согласился Никита, – давно забытый вид связи использовала ваша дочь. Она оформила на имя отца пейджер и пустила его в ход. А потом, считая Ивана Павловича круглым дураком, подсказала ему, чем воспользовался Загорский. А тут и Круглов догадался Подушкину про послание от Тел сообщить. Отлично у Натальи все срослось. Ей кажется, что она все учла, Максима Петровича посадят, все деньги, бизнес отца попадут в ее лапки.

– Как бы не так! – заорал Максим Петрович. – Ей! Я пока еще могу сделать так, что этой мрази ходячей ничего не отвалится!

– ...! – заорала доченька и кинулась к папеньке.

Вмиг вспыхнула драка. Никита и Борис начали разнимать любящих родственников.

– Аристократы, – пробормотал Круглов, вжимаясь в диван. – Ну вообще! Князь и княжна-красавица!

У меня опять звякнул телефон, я вышел из кабинета и прочитал еще одно сообщение от Светланы Федоровны Константиновой.

Эпилог

– Я давно понял, что моя профессия не позволит мне стать хорошим мужем и отцом, – произнес Борис, когда мы остались с ним вдвоем. – В ранней молодости я не задумывался о продолжении рода. Когда мне стукнуло тридцать пять, нет-нет да и мелькала мысль: может, обзавестись семьей? Но когда на моем жизненном пути попадаются вот такие Наташи, я возношу хвалу Господу за то, что не имею отпрысков.

– Встречаются семьи, где родители любят детей и младшее поколение во всем поддерживает старшее, – заметил я.

– Не факт, что в этой лотерее вытащишь счастливый билет, – вздохнул Борис.

– Да, – согласился я, – иногда гены складываются в неприятную комбинацию, ведь в процессе создания ребенка участвуют двое. Сначала нужно найти женщину, с которой захочешь провести всю жизнь.

– Вот Роберту повезло с Эммой, – продолжал Борис, – она так верит в мужа! Сейчас позвоню ей, спрошу новости о больном.

– Не надо, – остановил я помощника.

– О нет! – воскликнул тот. – Роберт умер?

Я вынул телефон.

– Во время нашей беседы в кабинете пришло сообщение: «Роб открыл глаза. Я постоянно ему твердила: «Ты не виноват, ты не виноват, доказано, что ты не виноват». И он услышал. Роб меня узнал, руку мне пожал. Доктора поражены. Так после комы не бывает. Муж поправится».

– Иногда чудеса случаются, – обрадовался Борис. – Когда люди Ветрова уводили Загорского, тот истошно кричал: «Игоря убил не я! Не я убил Маслова!» Вы ему верите?

– Да. Это не он, – кивнул я.

– А кто? – изумился секретарь.

Я полистал телефон и показал ему экран:

– Там письмо и видео.

– «Оксана, вы уничтожили видеоаппаратуру, которая стояла в вашем доме. Разбили камеры, – начал читать вслух Борис. – Знаете, сколько денег оборудование стоило? Какое право вы имели превращать в осколки чужую собственность? Надо было демонтировать аппаратуру и вернуть владелице. Вы мне должны миллион рублей. Вы наследница мужа. Деньги у вас есть. Если через сорок восемь часов вы мне не заплатите, отправлю запись

следователю Ветрову, который так и не знает, кто убил у гаража Игоря Маслова. Жадность вам дорого обойдется, еще и сына потеряете. Изучите видео». Почему Светлана вам этот текст прислала?

– WhatsApp очень удобная программа, – начал я, – но у нее есть один недостаток. Переписываетесь вы с N, по окончании не закрываете чат, просто блокируете телефон. Потом намереваетесь отправить сообщение K, снова входите в ватсап, вам автоматически открывается переписка с N. И по ошибке вы посылаете то, что должен получить K, не ему, информация прилетает к N, с кем вы переписывались ранее. Со мной так пару раз было, поэтому теперь перед отправкой сообщения я очень внимателен, дотошно проверяю получателя.

– Сам попадался на таком, – кивнул Борис. – Хотите сказать, что...

– Да, – кивнул я, – ко мне до этого пришло требование Константиновой оплатить ее лечение в клинике. Из-за нашего расследования она якобы так перенервничала, что заболела. Я не ответил. Светлана тем временем написала послание Оксане и совершила ошибку: ее письмо попало ко мне. Вы видео посмотрите.

– Уже открыл, – кивнул Борис.

Я тоже стал смотреть на экран.

Перед глазами появилась кухня и Оксана, которая держала около уха трубку телефона.

– Да, милый, конечно, да, непременно, – говорила она, – ты через десять минут будешь в гараже. Да. Я встречу тебя на улице босиком, голая до пояса, только в трусах. Да. Конечно!

Оксана положила трубку. Молодой мужчина, стоявший у холодильника, заорал:

– Ну нет, хватит! Пора положить его издевательствам конец. Лопнуло мое терпение. Мать! Не смей двигаться!

Парень схватил с рабочей поверхности стола длинный круглый предмет и кинулся к двери.

С воплем «Стой!» Оксана помчалась за ним.

Видео закончилось, и тут же началось следующее.

Та же пара вновь стоит на кухне.

– Боже, боже, – шепчет Оксана. – Что ты наделал? Николашенька! Тебя в тюрьму посадят.

– Нормуль, ма, – басит парень, – все ок. Нас никто не видел. Нашу одежду, обувь, деревяшку надо немедленно сжечь, его кошелек, часы и все остальное разбить, уничтожить, бросить в реку. Машину сейчас отгоню одному мужику, он ее разберет. Не дрожи. Конец уроду! Ты свободна. Через

часа полтора звони в полицию и плачь: муж не пришел домой. Сможешь нормально с дежурным поговорить? Мне надо от автомобиля избавиться.

– Да, – неожиданно твердо говорит Оксана, – да! Конец ужасу!

Запись оборвалась.

– Чем убили Игоря? – пробормотал я. – Вроде Николай схватил скалку, но она ненормально длинная.

– Скалка это и есть, только намного больше обычной, такими пользуются для приготовления пирога «Ораниенбаум», – пояснил Борис. – Сначала тесто раскатывают на большой поверхности до прозрачности. Затем нарезают... ну да рецепт не нужен. Можно и простую скалку взять, однако гигантской орудовать намного удобнее. Константинова ни словом не заикнулась, что она знает, кто убил Игоря Маслова.

– Да, – кивнул я, набирая номер, – милейшая Светлана Федоровна решила заработать. Не выгодно ей задарма информацию сливать. Алло, Никита, сейчас отправлю тебе сообщение и видео от Константиновой. Что со всем этим делать?

За моей спиной раздался звон. Я положил трубку на стол и оглянулся. На невысокой консоли сидел черный кот, шею которого украшал ярко-синий ошейник. На полу лежала чайная ложка.

– Епифан! – с укоризной протянул Борис. – Перестаньте разбойничать.

– Епифан? – повторил я. – У него уже имя есть?

– Ну не обращаться же к нему просто «кот», – смутился Борис.

– Почему его до сих пор не отнесли домой? – удивился я. – Кстати! Где графиня Жабье?

– Бродит по квартире, – ответил секретарь.

– Наталья вроде увезла электронное чудо, – вспомнил я.

– Верно, – подтвердил Борис, – но тут такая история. Птицу создали для съемок фантастического фильма. По сути, это компьютер. Его изобрел очень талантливый человек, который уже конструировал для разных режиссеров всяких монстров. Мастер один на всю Россию, да и в Европе-Америке таких мало. Просто гений. Он отправил сову на киностудию и улетел в Лос-Анджелес, его в Голливуд пригласили на работу. А Жабье постановщику не понравилась. Она оказалась ну прямо как живая – спорит, ругается, не делает, что ей велят. Самообучающийся робот. Когда графиня в очередной раз объяснила режиссеру: «Не Феллини ты, утешься, снимай, как обычно, как в стране дураков киношку делал», – главный на площадке конкретно велел: «Разберите сие дерьмо на молекулы».

Реквизитору сова пришлась по вкусу, он ее сохранил, дал Наташе ею попользоваться, а сам улетел куда-то на длительные съемки. Жабье пока

поживет у нас. Если, конечно, вы разрешите.

– Графиня резка на язык, – улыбнулся я, – но я не против ее временного пребывания. А кота надо вернуть домой.

– Но... – начал Борис, и тут у меня зазвонил телефон.

Я взял трубку:

– Слушаю, Никита. Секунду, включу громкую связь, пусть Борис тоже послушает.

– Боря, привет, – на всю комнату заорал Ветров. – Значит, так! Видео до меня не дошло! Сообщение тоже. И ты, Ваня, ничего не получал. Игоря Кирилловича Маслова убил грабитель. Печально, но это бывает. Найти преступника ну очень трудно. Висяк у нас. Конец истории.

– Но Константинова... – начал Борис.

– К Светлане Федоровне отправлен Сергей, мой зам, – перебил его Никита. – Он изымет у нее все материалы видеонаблюдений и объяснит, что за шантаж есть статья. Бабуля захлопнет рот.

– Получается, что мы покрываем убийцу, – сказал мой помощник.

– Кого? – спросил Никита. – Ты в курсе, кто лишил жизни Маслова? Знаешь, у кого при очередной попытке садиста Маслова поиздеваться над женой лопнуло терпение? Сообщишь, кто в состоянии аффекта дал по башке серийному убийце, у которого на счету минимум две жертвы, Ибрагимова и Филькина? Может, ты выяснил, скольких еще баб он под трамвай толкнул, голодом заморил? Увы, следствие такой информацией не располагает. Ваня, ты в курсе?

– Нет, – твердо ответил я. – О каком видео речь идет? Ничего я вам не отправлял.

– Ну и славно, – подвел итог беседе Никита.

Я положил трубку и решил перевести разговор на другую тему, повторил:

– Кота надо отнести домой.

– Так Наталья его на улице нашла, – напомнил Борис, – грязного, тощего, с больной лапой. Я его отмыл, подкормил, вот лапа еще не зажила. Кто-то Епифана сигаретой жег.

Меня передернуло.

– Вернуть его во двор? – спросил секретарь.

Я посмотрел в окно. На улице бушевала январская метель, мокрый снег лип на стекло. Я перевел взгляд на кота. Теперь он сидел на полу, сгорбившись, держа на весу левую переднюю лапку. Шерсть у него уже не выглядела клочкастой, хвост опушился. Рядом устроилась Демьянка. Собака и кот прижались друг к другу и уставились на меня.

– Епифан, пошли, – велел Борис, – возьму твой домик, миску, устрою тебя уютно в подвале.

– Нет! – возразил я. – Кот останется с нами. Демьянке веселее с ним. А то, когда мы уходим, собака одна скучает. Только ради нее даю приют Епифану. Похоже, они подружились. Вон как друг к другу прижались. Вопрос решен. Епифан теперь наш домашний кот. Точка.

– Иван Павлович, быть добрым очень трудно, – сказал Борис, – но у вас получается. Вы сострадательны не только к животным, но и к людям.

Я молча пошел в свою комнату. Нет, быть добрым легко. Просто надо представить себя на месте другого человека до того, как ты начнешь его осуждать.

notes

СНОСКИ

1

Эрзац-гоlden – позолоченный металл, который часто используют для создания дорогой бижутерии.

Et cetera (*лат.*) – и так далее.

См. книгу Дарьи Донцовой «Букет прекрасных дам».

Аврелий Августин Иппонийский, также Блаженный Августин (354–430) – христианский богослов, философ, один из отцов христианской церкви.

Вериги – железные цепи, кольца, шляпы и др., которые верующие носили для смирения плоти.

Библия, Исаия, 2:4.

Иван Павлович не к месту вспомнил джинна, главного героя книги Лазаря Лагина «Старик Хоттабыч». Полное имя волшебника – Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб.

Фамилия выдумана, но история подлинная.

«Времен очаковских и покоренья Крыма» – цитата из комедии «Горе от ума» А. Грибоедова.

Варум – почему? (*испорчен. немецкий.*)

Куа – что? (*испорчен. французский.*)

Черта постоянной еврейской оседлости в Российской империи с 1791 по 1917 год – это граница территории, за пределами которой запрещалось постоянное проживание евреев. Последним предписывалось находиться только там, где разрешено. Существовал список областей и городов, где евреям жить можно, а где нельзя. Исключение составляли евреи с высшим образованием, купцы первой гильдии, отслужившие рекруты, караимы, горские и бухарские евреи. Они могли жить, где хотят.

Реальная история.

Наташа вспоминает книгу Дарьи Донцовой «Львиная доля серой мышки».

А propos – кстати, между прочим.